

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 4 (41) 2020

IPL INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH • 1988

**Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук**

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*ПИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Екатеринбург – 2020

**«ДИСКУРС-ПИ»
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
4 (41) 2020
Декабрь 2020**

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-54425 от 10.06.2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Дата выхода в свет 23.01.2021 г.

Формат 70x100^{1/16}

Усл. печ. л. 19,99

Тираж 300 экз.

Заказ № 2018331

Отпечатано в типографии «Малахит»

620014, г. Екатеринбург,

ул. Шейнкмана, 7

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620990, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**Все выпуски журнала
размещаются на сайте**

www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам
придерживаться стилистики
научного дискурса**

**Подписной индекс 71227
в Объединенном каталоге «Пресса России»**

Цена свободная

Статьи распространяются на основе
публичной лицензии Creative Commons

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Николаевич Руденко – Институт философии и права УрО РАН, академик РАН, Екатеринбург, Россия

ВЫПУСКАЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Ольга Русакова – главный выпускающий редактор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дарья Ковба – ответственный секретарь, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Екатерина Грибовод – секретарь-координатор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Цинянь Ань – Народный университет Китая, Пекин, КНР

Сагади Булекбаев – Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, Алма-Аты, Казахстан

Марина Гаврилова – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Лишуан Го – Университет Фудань, Шанхай, КНР

Сергей Зырянов – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия

Михаил Ильин – Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Риккардо Кампа – Ягеллонский университет, Краков, Польша

Евгений Кожемякин – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Андрей Королев – Российское Философское Общество, Москва, Россия

Владимир Лобовиков – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Ольга Малинова – Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

Михаил Малышев – Автономный университета штата Мехико, Толука, Мексика

Виктор Мартьянов – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Елена Пономарева – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Попова – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Нелли Романович – Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежской филиал, Воронеж, Россия

Василий Русаков – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Шон Сэйерс – Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Сянмэй Сюй – Институт по изучению партийной истории и литературы при ЦК КПК, Пекин, КНР

Лидия Тимофеева – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Диоп Тьерно – Университет Шейха Анта Диопа, Дакар, Сенегал

Леонид Фишман – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Лариса Хопёрская – Киргизско-Российский славянский университет, Бишкек, Киргизия

Александр Чумаков – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

06.06.2017 Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 23.00.00 Политология, 09.00.00 Философские науки)

Журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

**«DISCOURSE-P»
SCIENTIFIC JOURNAL
4 (41) 2020
December 2020**

Published four times a year

Founded by
Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

Published by
Publishing House «Discourse-P»
Malyshev street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-54425 from June 10, 2013
given by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

Passed for printing on January 23, 2021
Format 70x100^{1/16}
Reference sheet area 19,99
Issues – 300
Order # 2018331

Printed by typography «Malahit»
Scheinkman street 7
Ekaterinburg, 620014, Russia

Manuscripts are reviewed
The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:
Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
Sofia Kovalevskaya street 16
Ekaterinburg, 620990, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**All issues of the journal
are available on the website**
www.madipi.ru

**At a reprint the references to the journal
are obligatory**

**Editorial recommends authors
to adhere to the style
of scientific discourse**

**Subscription index
in the United Catalog «Russian Press» 71227**

Free price

The articles are distributed under
a Creative Commons public license

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

EDITOR-IN-CHIEF

Victor Nikolaevich Rudenko – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician of RAS, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL TEAM

Olga Rusakova – Commissioning Editor, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Daria Kovba – Executive Secretary, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Catherine Gribovod – Secretary Coordinator, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Qinian An – University of China, Beijing, China

Sagadi Bulekbaev – Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan

Riccardo Campa – Jagiellonian University, Poland

Alexander Chumakov – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Leonid Fishman – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Marina Gavrilova – St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia

Lishuang Guo – Fudan University, Shanghai, China

Michael Ilyin – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Larisa Khoperskaya – Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Andrew Korolev – Russian Philosophical Society, Moscow, Russia

Eugene Kozhemyakin – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Vladimir Lobovikov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Olga Malinova – Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail Malyshev – Autonomous University of Mexico, Toluca, Mexico

Victor Martyanov – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Helena Ponomareva – Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Olga Popova – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nellie Romanovich – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh Branch, Voronezh, Russia

Vasiliy Rusakov – Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Sean Sayers – University of Kent, Canterbury, UK

Diop Thierno – Cheikh Anta Diop University, Dakar, Senegal

Lydia Timofeeva – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Xiangmei Xu – Institute for the Study of Party History and Literature at the CPC Central Committee, Beijing, China

Sergei Zyryanov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia

**June 6, 2017 the Scientific Journal «Discourse-P» is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following groups of scientific specialties:
23.00.00 Political science, 09.00.00 Philosophical Sciences**

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index (RSCI)**

The journal is included into the «CyberLeninka» database

№ 4 (41)

Дискурс политики памяти

Русакова О.Ф.

Структурный дискурс-анализ статьи президента РФ В. Путина
«75 лет Великой Победы: общая ответственность
перед историей и будущим»10

Зубанова Л.Б.

Медиа-репрезентации памяти:
доминирующие коды прочтения травматичных событий
в интернет-пространстве.....26

Зипунникова Н.Н., Калинина А.В.

Память о Великой Отечественной войне:
стратегии и практики сохранения и трансляции
(на примере Уральского государственного юридического университета)40

Мартьянов В.С.

Российская элита в поисках нации: политика избирательной памяти.....54

Воробьева М.В., Рабинович Е.И.

Кладбища культуры и отдыха: мемориальная культура
и политика памяти в парках Среднего Урала68

Тропы метода

Цзидун Чж.

Вклад Ленина в развитие марксистской идеологии.
К 150-летию со дня рождения Ленина86

Маслова А.В.

Осмысление китайской философии
русскими мыслителями XVIII, XIX и XX столетий98

Бояркина А.В.

Концепция Си Цзиньпина «сообщества единой судьбы человечества»
и представления об «общей судьбе» в трудах российских ученых
и политиков 112

Грибовод Е.Г.

Этапы становления постгуманизма. К постановке проблемы 133

Моисеенко Я.Ю.

Антропология постмодерна: взгляд через призму мобильных систем 151

Парадигмы и процессы

Бахлова О.В., Бахлов И.В.Гражданский вектор нациестроительства в современной России:
фактор общественных движений 168**Берсенёв В.Л.**

Об институтах и не только 186

Мигулева М.В.Киберпространство как социальный институт:
признаки, функции, характеристики 199

Рецензии и рефераты

Коряковцев А.А.Власть кризисов над историей:
об исследовании Великих и Больших экономических
поворотов с III века до современности, реставрациях
в революциях и неомеркантилизме в наше время 213

Конференц-зал

Русакова О.Ф., Кокоулин В.Г., Грибовод Е.Г., Ковба Д.М.Современные трансформации политики памяти:
некоторые итоги Всероссийской научной конференции
«Политика национальной памяти: теория, практика, дискурс»,
посвященной 75-летию Великой Победы
(07.10.2020, Екатеринбург)..... 225

4 (41)

Memory Policy Discourse

Rusakova, O.F.

Structural Discourse Analysis of the Article
by the President of the Russian Federation V. Putin
“75 Years of the Great Victory: Shared Responsibility
to History and the Future”10

Zubanova, L.B.

Media Representations of Memory: Codes for Reading Traumatic Events
in the Internet26

Zipunnikova, N.N., Kalinina, A.V.

Memory of the Great Patriotic War:
Strategies and Practices of Preservation and Translation
(On the Example of the Ural State Law University)40

Martianov, V.S.

Russian Elite in Search of a Nation: Selective Memory Politics54

Vorobyeva, M.V., Rabinovich, E.I.

Recreation Cemeteries: Culture of Remembrance
and Politics of Memory in the Parks of the Middle Urals68

Tropes of Method

Jidong, Zh.

Lenin’s Contribution to the Development of Marxist Ideology.
To the 150th Anniversary of Lenin’s Birth86

Maslova, A.V.

The Comprehension of Chinese Philosophy
by Russian Thinkers of the XVIII, XIX and XX Centuries98

Boyarkina, A.V.

Xi Jinping’s Concept of a Community with a Shared Future for Mankind
and Ideas on Common Destiny in Works of the Russian Scholars
and Politicians 112

Gribovod, E.G.

Phase of the Formation of the Posthumanism. To The Statement of a Problem 133

Moiseenko, Ya. Yu.

Anthropology of Postmodernity: A View through the Prism of Mobility Systems 151

Paradigms and Processes

Bakhlova, O.V., Bakhlov, I.V.Civil Vector of Nation-Building in Modern Russia:
Factor of Social Movements..... 168**Bersenev, V.L.**

About Institutions and Not Only..... 186

Miguleva, M.V.Cyberspace as a Social Institution:
Features, Functions, Characteristics 199

Reviews and abstracts

Koryakovtsev, A.A.The Power of Crises over History:
On the Study of Great and Big Economic Turns
from the Third Century to the Contemporaneity, Restorations
in Revolutions and Neo-Mercantilism in Our Time 213

Conference Chamber

Rusakova, O.F., Kokoulin, V.G., Gribovod, E.G., Kovba, D.M.Modern Transformations of Memory Policy:
Some Results of the All-Russian Scientific Conference
«Politics of National Memory: Theory, Practice, Discourse»,
Dedicated to the 75th Anniversary of the Great Victory
(07.10.2020, Ekaterinburg) 225

СТРУКТУРНЫЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ СТАТЬИ ПРЕЗИДЕНТА РФ В. ПУТИНА «75 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ: ОБЩАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД ИСТОРИЕЙ И БУДУЩИМ»

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Заведующая отделом философии,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0001-6920-2549,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.10.2020, принята к публикации 10.11.2020

Для цитирования: Русакова О.Ф. Структурный дискурс-анализ статьи президента РФ В. Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим» // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4 (41). С. 10–25. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10401

Аннотация

Основная цель исследования – раскрытие содержания структурных компонентов дискурс-анализа политического медиаисточника на примере статьи президента РФ Владимира Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим», опубликованной в журнале «National Interest» 18.06.2020 и в «Российской газете» 19.06.2020.

В работе даётся определение политического медиаисточника, рассматриваются его семиотико-коммуникативные функции.

В ходе дискурс-исследования статьи автор опирается на разработанную им шестичленную структуру дискурс-анализа политического медиатекста, согласно которой им выделяются интенциональный, актуальный (перформанс), аксиологический, контекстуальный, психологический и «осадочный» планы дискурса. Каждый план дискурса иллюстрируется соответствующими фрагментами текста рассматриваемой

© Русакова О.Ф., 2020

статьи. Автор приходит к выводу, что статья только частично отвечает на актуальные вопросы концептуального осмысления характера и основных итогов Второй мировой войны, поскольку не останавливается на раскрытии особенностей современных медиатехнологий проведения политики памяти и войн памяти, не говорит о значимой роли Коммунистической партии и коммунистов в борьбе с нацизмом.

Ключевые слова:

политический медиадискурс, структурный дискурс-анализ, Вторая мировая война, архивные материалы, политика памяти, войны памяти, резолюция Европарламента от 19.09.2019, Мюнхенская конференция, пакт Молотова-Риббентропа, итоги войны.

UDC 321+329

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10401

STRUCTURAL DISCOURSE ANALYSIS OF THE ARTICLE BY THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION V. PUTIN “75 YEARS OF THE GREAT VICTORY: SHARED RESPONSIBILITY TO HISTORY AND THE FUTURE”

Olga F. Rusakova,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Head of the Department of Philosophy,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0001-6920-2549,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Article received on October 2, 2020, accepted on November 10, 2020

To cite this article: Rusakova, O.F. (2020). Strukturnyj diskurs-analiz stat'i prezidenta RF V. Putina «75 let Velikoj Pobedy: obshchaya otvetstvennost' pered istoriej i budushchim» [Structural discourse analysis of the article by the President of the Russian Federation V. Putin “75 years of the great Victory: shared responsibility to history and the future”]. *Scientific journal “Discourse-P”*, 4 (41), 10–25. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10401

Abstract

The main goal of the research is to reveal the content of the structural components of the discourse analysis of a political media source based on the example of the article by Russian President Vladimir Putin “75 years of the great Victory: shared responsibility to history and the future”, published in the national Interest magazine on 18.06.2020 and in Rossiyskaya Gazeta on 19.06.2020.

The paper defines a political media source and highlights, considers its semiotic and communicative functions.

In the course of the discourse research of the article the author relies on the six-part structure of the discourse analysis of the political media text developed by him, according to which he distinguishes the intentional, actual (performance), axiological, contextual, psychological and “sedimentary” plans of discourse. Each plan of the discourse is illustrated by corresponding fragments of the text of the article under consideration. The author concludes that the article only partially answers the current questions of conceptual understanding of the nature and main results of the Second world war, since it does not stop at revealing the features of modern media technologies for conducting memory politics and memory wars, it does not speak about the significant role of the Communist party and Communists in the fight against Nazism.

Keywords:

political media discourse, structural discourse analysis, World War II, archival materials, politics of memory, wars of memory, European Parliament resolution of 19.09.2019, Munich conference, Molotov-Ribbentrop Pact, results of the war.

Введение

Статья президента РФ В. Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим» (75 лет Великой Победы ..., 2020) является, по своей сути, официальным ответом на резолюцию Европейского парламента от 19 сентября 2019 года «О важности европейской памяти для будущего Европы» (European Parliament resolution ..., 2019). Текст резолюции содержит большое число ссылок на ранее принятые европейские документы, касающиеся оформления в особую идеологическую концепцию вывода о преступном характере и вине двух тоталитарных режимов – нацистского и коммунистического – в развязывании Второй мировой войны, и потому несущих равную политическую ответственность за многомиллионные жертвы. Инициаторами принятия данной резолюции стали Польша, Литва, Латвия, Эстония, чья государственная политика национальной памяти однозначно нацелена на организацию и проведение акций международного осуждения Советского Союза и Российской Федерации (в качестве его преемника) за все преступления, допущенные коммунистическим режимом.

Протестные чувства у автора статьи вызвали следующие утверждения:

1) «...Вторая Мировая война, самая разрушительная война в истории Европы, была начата как непосредственный результат печально известного нацистско-

советского договора о ненападении от 23 августа 1939 года, известного также как пакт Молотова-Риббентропа, и его секретных протоколов, в соответствии с которыми два тоталитарных режима, разделявших цель завоевания мира, разделили Европу на две зоны влияния»; 2) положение о том, «что Россия остается величайшей жертвой коммунистического тоталитаризма и <...> ее становление в демократическое государство будет тормозиться до тех пор, пока правительство, политическая элита и политическая пропаганда будут продолжать обелять коммунистические преступления и прославлять советский тоталитарный режим»; поэтому резолюция призывает «российское общество примириться со своим трагическим прошлым»; 3) «несмотря на то, что 24 декабря 1989 года Съезд народных депутатов СССР осудил подписание пакта Молотова-Риббентропа, помимо других соглашений, заключенных с нацистской Германией, российские власти отрицали ответственность за это соглашение и его последствия в августе 2019 года, и в настоящее время пропагандируют мнение о том, что Польша, Прибалтика и Запад являются истинными зачинщиками Второй мировой войны»; 4) Европарламент «глубоко обеспокоен попытками нынешнего российского руководства исказить исторические факты и обелить преступления, совершенные советским тоталитарным режимом, и считает их опасным компонентом информационной войны, развязанной против демократической Европы, которая направлена на раскол Европы, и поэтому призывает комиссию решительно противодействовать этим усилиям»; 5) призывы резолюции дать всем государствам-членам ЕС «четкую и принципиальную оценку преступлениям и актам агрессии, совершенным тоталитарными коммунистическими режимами и нацистским режимом» (European Parliament resolution ..., 2019).

Произведенное в резолюции приравнение деятельности Советского Союза, связанной с задачами сокрушения нацистской агрессии, к самой преступной практике нацистского режима стало главной причиной написания ответной статьи. Именно установка резолюции на возложение равной ответственности Советского Союза и нацистской Германии за развязывание Второй мировой войны, за принесенные этой войной страдания для многомиллионных народных масс, за её жертвы вызвало потребность публично высказаться по поводу истоков и причин Второй мировой войны, дать свой принципиальный ответ на концептуальные схемы, предлагаемые в резолюции Европарламента.

Рассматриваемая нами статья В. Путина – это политический медиаисточник, под которым нами понимается конкретный медиатекст, осуществляющий функцию продвижения определенного медийного контента с использованием разнообразных технологий массовой коммуникации и массового внушения. Процедура дискурс-анализа данного политического медиаисточника позволяет обозначить его ключевые идейно-содержательные и семиотико-коммуникативные характеристики, выделить приёмы и способы их репрезентации, представить ценностные пласты его наполнения и оценочные формы трансляции информации, раскрыть контекстуальные и психологические смыслы, дать критическую оценку как авторской, так и оппозиционной точек зрения.

Сама процедура дискурс-анализа политического медиаисточника свидетельствует о том, что он является разновидностью политического медиадискурса, который представляет собой, во-первых, определенный способ означивания политического явления или процесса, во-вторых – конкретный способ трансляции

и репрезентации собственной версии того или иного политического явления. В-третьих, политический медиадискурс выступает властным ресурсом, посредством которого индивиды и социальные институты осуществляют легитимацию, идентификацию, позиционирование и конструирование вербальных и невербальных образов политической реальности (Русакова, 2018, с. 237).

Между разными политическими дискурсами постоянно ведётся конкурентная борьба за то, чтобы занять доминирующее положение в способах форматирования и конструирования массового сознания, в формировании общественного мнения. К примеру, в современном европейском политическом дискурсе не утихает борьба за то, чтобы обозначить тот или иной архитектурный объект либо памятником освободителям от нацизма, либо памятником оккупантам. В итоге победу, как правило, одерживает тот дискурс, который получает одобрение и поддержку со стороны официальных властных институтов.

Доминирующий дискурс имеет под собой определенную идейно-стратегическую и институциональную почву (например, институты национальной памяти), чьи установки закрепляются в целом ряде официальных документов (к примеру, в резолюциях и декларациях Европарламента). Принятые политические решения реализуются в конкретных коммеморативных практиках, связанных, с одной стороны, с закреплением доминирующего дискурса (способа означивания) за конкретным памятником исторической культуры, а с другой стороны – с процедурой маргинализации или даже аннигиляции «неправильного» дискурса. Так, к примеру, в результате развернувшейся в Эстонии в 2007 г. ожесточенной конкурентной борьбы двух дискурсов по поводу того, чем является для эстонцев стоящий в центре Таллинна памятник павшим во Второй мировой войне под названием «Бронзовый солдат», победу одержал дискурс, который был поддержан тогдашним премьер-министром Эстонии Андрусом Ансином¹. Памятник, согласно мнению властей, в условиях постсоветской Эстонии уже перестал символизировать собой воина-освободителя и приобрёл иной символический смысл, превратившись в памятник советской оккупации страны (Лингер, 2018). В итоге «Бронзовый солдат» из центра Таллинна был перенесён на военное кладбище.

Следует отметить, что с образованием новых государств в Восточной и Центральной Европе после распада СССР и социалистической системы на посткоммунистическом пространстве развернулись войны памяти, то есть информационные войны по поводу пересмотра и переформулирования политических смыслов событий прошлого (Бордюгов, 2011).

Современные войны памяти всегда сопровождаются борьбой с памятниками, символизирующими победы социалистической эпохи, включая победы Советского Союза над гитлеровской Германией. Борьба с памятниками означает смену политического дискурса, переход к новым способам означивания символических монументов предыдущей эпохи. Так, к примеру, за каждой акцией разрушения памятников советским воинам-освободителям в новых государствах Европы стоит дискурсивный конфликт, разрешаемый через победу или поражение

¹ За активное участие в переносе памятника под названием «Бронзовый солдат» с таллиннской площади Тынисмяги на Военное кладбище Андрус Ансин был награжден орденом канадских эстонцев.

ние одного из конкурирующих дискурсов, что предлагает либо сохранение, либо уничтожение олицетворяемых памятниками символических смыслов.

В последнее время в войнах памяти всё чаще стали побеждать политические дискурсы, нацеленные на дискредитацию выдающейся роли советских воинов в освобождении от нацизма стран Европы. Например, недавно в Праге по инициативе муниципальных властей был произведен снос памятника маршалу Советского Союза Ивану Степановичу Коневу². Согласно мнению представителей местной власти, данный памятник превратился в символ руководителя оккупации Чехии. Этот вывод напрямую вытекает из концептуальных установок новоевропейской политики памяти, сформулированных Европарламентом и другими институтами, чья деятельность направлена на распространение антисоветского дискурса памяти. В свете принятых установок новой политики памяти утверждения о том, что под руководством Конева Прага была освобождена от нацистов и получила возможность мирно развиваться в послевоенные годы, рассматриваются как порождение советской пропаганды и мифологии. Истинный же смысл деятельности маршала Конева, согласно данному дискурсу, следует искать в его преступной практике оккупанта, жертвой которой стали все жители Чехословакии (Степашин, 2020).

Проведение дискурс-анализа политического медиаисточника, каковым для нас является статья В. Путина, предполагает содержательное раскрытие его основных структурно-коммуникативных компонентов. Анализ дискурса данного медиаисточника включает показ интенций и стратегических установок коммуникатора (Ушакова, Павлова, 2020), исследование его ценностных ориентаций, изучение используемых способов интерпретации и репрезентаций событий реальности, выявление приёмов вербального и невербального убеждения, внушения, воодушевления, программирования и прогнозирования той или иной ответной реакции целевой аудитории.

Исходя из сказанного, мы трактуем структурный дискурс-анализ политического медиаисточника как сложносоставную семиотико-коммуникативную систему, обладающую следующими оптиками или планами: 1) *интенциональный план*, под которым подразумевается коммуникативный проект, включающий мотивы создания медиаисточника, постановку ключевой стратегической идеи, формулировку цели и задач идейно-политического анализа, составление плана публичного выступления, моделирование адресной аудитории; 2) *актуальный план* (перформанс), включающий процедуру выделения рационалистической и эмоционально-образной реализации установок интенционального плана дискурса, проведение анализа риторических приёмов и конструкторов (метафоры, клише, фразеологизмы, эвфемизмы, инвективы и др.); 3) *аксиологический план*, предполагающий выделение базовых ценностных ориентаций коммуниканта, оценочных способов означивания исследуемых политических объектов и процессов; 4) *контекстуальный план* дискурс-анализа медиаисточника включает процедуру выявления дополнительных смыслов, связанных с погружением в суть

² В течение сорока семи лет бронзовый маршал стоял на пьедестале с букетом сирени в руке: памятник воспроизводил фотографический образ, где Конев был запечатлён с цветами, которые ему вручили благодарные жители освобожденной Праги в 1945 году.

современных идеологических трендов, в актуальную ситуацию информационного противостояния и проникновением исследователя в другие разновидности контекстуальных слоёв медиатекста; 5) *психологический план* дискурс-анализа – это извлекаемый посредством эмоционально-образного воздействия на целевую аудиторию психологический эффект или заряд, производимый политическим медиаисточником посредством использования определенных медиатехнологий; 6) «осадочный» *план дискурс-анализа* медиаисточника включает изучение его так называемого «информационного эха» – откликов, разнообразных комментариев, рецензий, дискуссий, споров, опровержений, вплоть до фальсификаций и фейковых трансформаций.

Выделенная нами шестичленная структура дискурс-анализа политического медиаисточника является методологической базой для изучения особенностей дискурса статьи В. Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим» (75 лет Великой Победы ..., 2020).

Структурные компоненты дискурс-анализа статьи президента России В. Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим»

Интенциональный план. Свои интенции, связанные с мотивацией написания данной статьи, В. Путин высказал следующим образом:

«Наша ответственность перед прошлым и будущим – сделать все, чтобы не допустить повторения страшных трагедий. Поэтому посчитал своим долгом выступить со статьей о Второй мировой и Великой Отечественной войнах. Не раз обсуждал эту идею в беседах с мировыми лидерами, встретил их понимание. В конце прошлого года, на саммите руководителей стран СНГ, мы все были едины: важно передать потомкам память о том, что победа над нацизмом была одержана прежде всего советским народом, что в этой героической борьбе – на фронте и в тылу – плечом к плечу стояли представители всех республик Советского Союза. Тогда же говорил с коллегами и о непростом предвоенном периоде.

Этот разговор вызвал большой резонанс в Европе и мире. Значит, обращение к урокам прошлого действительно необходимо и злободневно. Вместе с тем было и много эмоций, плохо скрываемых комплексов, шумных обвинений. Ряд политиков по привычке поспешили заявить о том, что Россия пытается переписать историю. Однако при этом не смогли опровергнуть ни единого факта, ни одного приведенного аргумента».

Ключевая идея статьи – дать развёрнутый ответ на вопрос: как и почему советский народ смог победить 75 лет тому назад в борьбе против нацистов в ходе Второй мировой войны и Великой Отечественной войны. Она сформулирована в самом начале статьи:

«Для меня и моих сверстников важно, чтобы наши дети, внуки, правнуки понимали, через какие испытания и муки прошли их предки. Как, почему смогли выстоять и победить. Откуда взялась их поистине железная сила духа, которая удивляла и восхищала весь мир? Да, они защищали свой дом, детей, близких, семью. Но всех объединяла любовь к Родине, к Отечеству. Это глубинное, личностное чувство во всей своей полноте отражено в самой сути нашего народа,

и стало одним из определяющих в его героической, жертвенной борьбе против нацистов».

Стратегические цели и задачи статьи выделены в тексте курсивом:

«Есть потребность продолжить анализ причин, которые привели к мировой войне, размышления о ее сложных событиях и уроках». «Призываем все государства активизировать процесс открытия своих архивов, публикацию ранее неизвестных документов предвоенного и военного периодов. Так, как это делает Россия».

План статьи представлен следующими ключевыми пунктами: 1) постановка главной проблемы (заголовок статьи); 2) раскрытие сути исторического следа, который оставила война в личной судьбе В. Путина, а также в судьбе его соотечественников; 3) выявление подлинных причин Второй мировой войны; 4) рассмотрение вопроса о роли народов СССР и антигитлеровской коалиции в победе над нацизмом; 5) опасность исторического ревизионизма при анализе причин и итогов Второй мировой войны; 6) важность создания современной системы международных отношений как одного из важнейших итогов Второй мировой войны; 7) формулировка повестки саммита «пятёрки» стран, входящих в Совет безопасности ООН, предлагаемая Россией.

Основная адресная аудитория: 1) представители зарубежных кругов, придерживающиеся иной (альтернативной) точки зрения относительно причин и итогов Второй мировой войны; 2) граждане и общественные организации России (ветераны войны, общественное движение «Бессмертный полк», участники поисковых отрядов, организаторы мемориалов и музеев в память о Великой Победе и др.).

Актуальный план (перформанс) реализуется с помощью убеждающей коммуникации посредством приведения рациональных доводов, подкрепленных ссылками на архивные документы и мнения известных политиков, а также путём использования выразительно-образных приёмов (метафоры, фразеологизмы, идиомы и др.). Так, к примеру, при раскрытии основных исторических событий, проложивших путь к развязыванию Второй мировой войны, автор особо останавливается на Мюнхенской конференции 1938 года, когда ряд крупных европейских держав, чтобы удовлетворить некоторые территориальные притязания Германии и подтолкнуть движение гитлеровцев на Восток, заключили сделку по разделу Чехословакии. При этом в данном сговоре самое активное участие приняла Польша:

«В разделе Чехословакии заодно с Германией действовала и Польша. Они заранее и вместе решали, кому достанутся какие чехословацкие земли. 20 сентября 1938 года посол Польши в Германии Ю. Липский сообщил министру иностранных дел Польши Ю. Беку о следующих заверениях Гитлера: «... в случае, если между Польшей и Чехословакией дело дойдет до конфликта на почве польских интересов в Тешине, Рейх станет на нашу [польскую] сторону». Главарь нацистов даже давал подсказки, советовал, чтобы начало польских действий «последовало... только лишь после занятия немцами Судетских гор».

В качестве документального подтверждения сотрудничества Польши с нацистской Германией в предвоенный период автор приводит запись беседы германского посла в Варшаве Г.-А. Мольтке с Ю. Беком от 1 октября 1938 года о польско-чешских отношениях и позиции СССР в данном вопросе:

«...г-н Бек... выразил большую благодарность за лояльную трактовку польских интересов на Мюнхенской конференции, а также за искренность отношений во время чешского конфликта. Правительство и общественность [имеется в виду Польша] полностью отдадут должное позиции фюрера и рейхсканцлера».

Именно Мюнхенская конференция, согласно Путину, стала тем ключевым событием, после которого военная машина гитлеровской Германии существенно усилилась, что сделало процесс развертывания Второй мировой войны практически неизбежным:

«Раздел Чехословакии был жестоким и циничным. Мюнхен обрушил даже те формальные, хрупкие гарантии, которые оставались на континенте. Показал, что взаимные договоренности ничего не стоят. Именно Мюнхенский сговор послужил тем «спусковым крючком», после которого большая война в Европе стала неизбежной».

Мюнхенский сговор, по Путину, явился ярким проявлением политической близорукости европейских лидеров, их приверженности к циничным и преступным методам решения международных вопросов. Именно эти негативные качества политических элит в значительной степени предопределили общий ход мирового процесса, который привёл мир ко Второй мировой войне:

«...главное, что предопределило величайшую трагедию в истории человечества, – это государственный эгоизм, трусость, потакание набиравшему силу агрессору, неготовность политических элит к поиску компромисса».

Сегодня, утверждает автор статьи, многие политики предпочитают замалчивать соглашательские действия своих предшественников во время заключения Мюнхенского договора, а также – факты поощрения ими позиции Германии в отношении способов решения еврейского вопроса:

«...другие государства предпочитают не вспоминать о соглашениях, где стоят подписи нацистов и западных политиков. Не говоря уже о юридической или политической оценке такого сотрудничества, в том числе молчаливого соглашательства некоторых европейских деятелей с варварскими планами нацистов, вплоть до их прямого поощрения. Чего стоит циничная фраза посла Польши в Германии Ю. Липского, произнесенная в беседе с Гитлером 20 сентября 1938 года: «...за решение еврейского вопроса мы [поляки] поставим ему... прекрасный памятник в Варшаве».

Относительно современных политических дискуссий, разгоревшихся вокруг пакта Молотова-Риббентропа, заключенного в августе 1939 года, Путин заявляет, что пакт носил вынужденный характер, поскольку обеспечивал выход Советского Союза из назревающей международной изоляции. Этот пакт позволил стране оттянуть сроки вторжения Германии в СССР, устанавливал границы с Польшей по линии Керзона, которая была рекомендована Антантой еще в 1919 году. Данный пакт оказался также на некоторое время актом спасения жителей западной Белоруссии и Украины от нацистской практики уничтожения еврейского населения:

«...других вариантов не оставалось. В противном случае риски для СССР возросли бы многократно, поскольку, повторю, старая советско-польская граница проходила всего в нескольких десятках километров от Минска. И неизбежная война с нацистами началась бы для страны с крайне невыгодных стратегических позиций. А миллионы людей разных национальностей, в том числе евреи,

жившие под Брестом и Гродно, Перемышлем, Львовом и Вильно, были бы брошены на уничтожение нацистам и их местным приспешникам – антисемитам и радикал-националистам».

В условиях того времени заключение пакта Молотова-Риббентропа не вызвало протестов со стороны западных государств, которые считали, что он вполне отвечает национальным интересам Советского Союза. Территориальное смещение границ на запад считалось совершенно оправданным и не отождествлялось с захватнической политикой нацистской Германии:

«...западные страны фактически согласились тогда с советскими действиями, признали стремление Советского Союза обеспечить свою безопасность. Так, еще 1 октября 1939 года бывший на тот момент главой британского Адмиралтейства У. Черчилль в выступлении на радио сказал: «Россия проводит холодную политику собственных интересов... Для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии [имеется в виду новая западная граница]». 4 октября 1939 года в Палате лордов министр иностранных дел Великобритании Э. Галифакс заявил: «...следует напомнить, что действия советского правительства заключались в перенесении границы по существу до той линии, которая была рекомендована во время Версальской конференции лордом Керзоном... Я только привожу исторические факты и полагаю, что они неоспоримы». Известный британский политический и государственный деятель Д. Ллойд-Джордж подчеркивал: «Русские армии заняли территории, которые не являются польскими и которые были силой захвачены Польшей после Первой мировой войны... Было бы актом преступного безумия поставить русское продвижение на одну доску с продвижением немцев».

В то же время западные страны в самом начале войны Германии против Советского государства не спешили прийти на помощь СССР. Это стало одной из причин быстрого военного продвижения германских войск вглубь страны в первые месяцы войны на Востоке. Автор ссылается на свидетельства немецких генералов, сделанных в ходе Нюрнбергского процесса, которые указывают на выжидательную позицию французских и британских союзников в отношении возможного исхода битвы между Советским Союзом и Германией:

«Позже в ходе Нюрнбергского процесса немецкие генералы так объясняли свой быстрый успех на Востоке. Бывший начальник штаба оперативного руководства Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии генерал А. Йодль признал: «...если мы еще в 1939 году не потерпели поражения, то это только потому, что примерно 110 французских и английских дивизий, стоящих во время нашей войны с Польшей на западе против 23 германских дивизий, оставались совершенно бездейственными».

Отметим также, что в своей статье Путин нередко прибегает к образным устойчивым выражениям и приёмам речи, которые усиливают её эмоциональное звучание: «комок подкатывает к горлу» (фразеологизм); «железная сила духа» (идиома); «мины замедленного действия» (военная метафора); «тяжелая расплата» (идиома); «смертоносное нашествие» (морбиальная метафора). Исползуется также комплексный подход в применении образных слов и выражений:

«Против мощной, вооруженной до зубов, хладнокровной захватнической машины нацистов поднялась гигантская сила советского общества, объеди-

ненного стремлением защитить родную землю. Отомстить врагу, сломавшему, растоптавшему мирную жизнь, ее планы и надежды».

Говоря об основных итогах Второй мировой войны, Путин заявляет, что именно Советский Союз, Красная армия и героизм советских людей сыграли главную роль в сокрушении нацизма:

«В разгром нацизма – что бы сейчас ни пытались доказать – основной, решающий вклад внес Советский Союз, Красная армия. Герои, которые до конца сражались в окружении под Белостоком и Могилевом, Уманью и Киевом, Вязьмой и Харьковом. Шли в атаку под Москвой и Сталинградом, Севастополем и Одессой, Курском и Смоленском. Освобождали Варшаву, Белград, Вену и Прагу. Брали штурмом Кенигсберг и Берлин».

Аксиологический план. Автор статьи опирается на такие ценностные установки, как историческая правда, достоверность, честность, объективность, справедливость. Забвение уроков истории и глумление над памятью расценивается им как подлость:

«Глумление, издевательство над памятью – это подлость. Подлость бывает намеренной, лицемерной, вполне осознанной, когда в заявлениях по поводу 75-летия окончания Второй мировой войны перечисляются все участники антигитлеровской коалиции, кроме СССР. Подлость бывает трусливой, когда сносят памятники, воздвигнутые в честь борцов с нацизмом, оправдывая постыдные действия лживыми лозунгами борьбы с неугодной идеологией и якобы оккупацией. Подлость бывает кровавой, когда тех, кто выступает против неонацистов и наследников бандеровцев, убивают и сжигают. Повторю, подлость проявляет себя по-разному, но от этого она не перестает быть омерзительной».

В числе правдивых источников о войне В. Путин называет «лейтенантскую прозу», искренние и честные стихотворения фронтовых авторов:

«Мы отстаиваем подлинную, не приглаженную или отлакированную правду о войне. Эту народную, человеческую правду – суровую, горькую и беспощадную – во многом передали нам писатели и поэты, прошедшие через огонь и ад фронтовых испытаний. Для моего, как и для других поколений, их честные, глубокие повести, романы, пронзительная «лейтенантская проза» и стихи навсегда оставили след в душе. Стали завещанием – чтить ветеранов, сделавших для победы все, что могли... И сегодня потрясают простые и великие по своей сути строки стихотворения Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом...», посвященного участникам кровопролитного, жестокого сражения Великой Отечественной войны на центральном участке советско-германского фронта».

При изучении вопросов Второй мировой войны, считает автор, самостоятельную ценность для формирования честного взгляда на характер её событий представляет использование архивных документов:

«Продолжим честно и непредвзято рассказывать о событиях Второй мировой войны. На это в том числе нацелен масштабный проект по созданию в России крупнейшей коллекции архивных документов, кино- и фотоматериалов по истории Второй мировой войны, предвоенному периоду».

Поскольку речь в статье идёт о главных итогах войны, то возникает закономерный вопрос об установлении справедливости в отношении оценки реального вклада СССР в победу над Германией:

«Приведу еще один документ. Это доклад Международной комиссии по репарациям с Германии во главе с И. Майским, подготовленный в феврале 1945 года. В задачи комиссии входило определение формулы, согласно которой побежденная Германия должна была возместить понесенный ущерб державам-победительницам. Комиссия пришла к следующему выводу: «количество затраченных Германией на советском фронте солдат-дней превосходит это же количество на всех других союзных фронтах по крайней мере в 10 раз. Советский фронт оттягивал также четыре пятых германских танков и около двух третей германских самолетов». В целом на долю СССР пришлось около 75 процентов всех военных усилий антигитлеровской коалиции. Красная армия за годы войны «перемолола» 626 дивизий стран «оси», из которых 508 – германские».

Контекстуальный план дискурс-анализа предполагает рассмотрение содержания статьи Путина под углом зрения современной информационной войны, когда происходит усиление позиций бывших коллаборационистов, ставящих знак равенства между героями-победителями и нацистами, военными преступниками. Данная ситуация характеризуется автором как исторический ревизионизм, который противоречит принципам мироустройства, заложенным представителями антигитлеровской коалиции в 1945 году:

«Исторический ревизионизм, проявления которого мы наблюдаем сейчас на Западе, причем прежде всего в отношении темы Второй мировой войны и ее итогов, опасен тем, что грубо, цинично искажает понимание принципов мирного развития, заложенных в 1945 году Ялтинской и Сан-францисской конференциями».

В данном фрагменте автор как бы предполагает, что читателю хорошо известно смысловое значение понятия «исторический ревизионизм», а также – содержание материалов названных конференций. Поэтому он специально не занимается расшифровкой того, как именно сегодня осуществляется искажение, причем в циничной форме, принципов мирового устройства, заложенных ещё в 1945 году.

Дополнительного домысливания требует расшифровка масштабов людских потерь, которые понесли Красная Армия и Советский Союз в годы Второй мировой войны, что, в свою очередь, является весомым доказательством решающего вклада СССР в победу над нацизмом:

«В разгром нацизма – что бы сейчас ни пытались доказать – основной, решающий вклад внес Советский Союз, Красная армия. Герои, которые до конца сражались в окружении под Белостоком и Могилевом, Уманью и Киевом, Вязьмой и Харьковом. Шли в атаку под Москвой и Сталинградом, Севастополем и Одессой, Курском и Смоленском. Освобождали Варшаву, Белград, Вену и Прагу. Брели штурмом Кенигсберг и Берлин».

Предполагается также, что специалистам-историкам и просто знающим людям о многом должны сказать краткие высказывания автора, относящиеся к масштабной восстановительной работе, которую провел Советский Союз в освобожденных от гитлеровской оккупации странах Европы. И это было сделано в то время, когда сама страна еще не восстановилась от материальных потерь:

«Важно также не забывать о той огромной материальной помощи, которую СССР оказывал освобожденным странам в ликвидации угрозы голода, в восста-

новлении экономики и инфраструктуры. Делал это в то время, когда на тысячи верст от Бреста до Москвы и Волги тянулись одни пепелища».

Говоря в завершающей части своей статьи о задачах укрепления международного сотрудничества, Путин апеллирует к сложностям современной экономической и эпидемиологической ситуации, многочисленные проявления которой, как он считает, не требуют специального перечисления, поскольку большинство читателей их и так хорошо знает:

«Наши страны предпринимает беспрецедентные меры для защиты здоровья и жизни людей, поддержки граждан, попавших в трудную жизненную ситуацию. Но насколько тяжелыми будут последствия пандемии, как быстро глобальная экономика выберется из рецессии – зависит от нашей способности работать сообща и согласованно, как настоящие партнеры».

Психологический и «осадочный» планы дискурс-анализа. В самом начале статьи В. Путин обращается к сюжету о том, какой эмоциональный след оставила война в судьбе его семьи:

«Для моих родителей война – это страшные муки блокадного Ленинграда, где умер мой двухлетний брат Витя. Где чудом осталась в живых мама. Отец, имея бронь, ушел добровольцем защищать родной город... Воевал на плацдарме Невский пятачок, был тяжело ранен. И чем дальше эти годы, тем больше потребность побеседовать с родителями, узнать более подробно о военном периоде их жизни. Но уже невозможно ничего спросить. Поэтому свято храню в сердце разговоры с отцом и мамой на эту тему, их скупые эмоции».

Силу эмоционального заряда, связанного с невероятными испытаниями, которые пришлось пройти советскому народу в годы войны, Путин экстраполирует на события сегодняшнего дня (самоотверженная борьба врачей с ковид-вирусом, борьба с террористами на Северном Кавказе и в Сирии), что позволяет сделать вывод об эмоционально значимой связанности разных поколений, выражающейся в таких общих для них качествах, как мужество и стойкость:

«Перед моими глазами – молодые врачи, медсестры, порой вчерашние студенты, которые сегодня идут в «красную зону», чтобы спасти людей. Наши военнослужащие, в ходе борьбы с международным терроризмом на Северном Кавказе, в Сирии, стоявшие насмерть. Совсем юные ребята. Многим бойцам легендарной, бессмертной шестой десантной роты было 19–20 лет. Но все они показали, что достойны подвига воинов нашей Родины, которые защитили ее в Великую Отечественную войну».

Дискурс-анализ «осадочного» плана статьи Путина предполагает обращение к разнообразным медиа-откликам – от простого пересказа её содержания до резкой критики и опровержений (Ходж, 2020). Крайне негативно отреагировала на статью польская пресса. К примеру, выступая на портале «Фронда», Томас Поллер указал на то, что в своей статье Путин поддерживает имидж имперской, военной России, что говоря о причинах Второй мировой войны, «Путин переплетает очевидные истины, полуправду и пропагандистские вставки» (Poller, 2020). В своём интервью Польскому агентству печати профессор Анджей Новак заявил: «Путин испытывает потребность подписаться под сталинской политикой в силу своего советского патриотизма, поднимает советскую ложь на более

высокий уровень, чем Сталин» (Prof. Andrzej Nowak ..., 2020). Российские же медиа, как правило, в позитивном ключе отзывались о статье.

Заключение

Представленный нами опыт структурного дискурс-анализа статьи В. Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим» лишь кратко очерчивает основные пути и формы его практической реализации. Более подробный анализ её дискурса еще предстоит провести. В то же время, можно отметить, что автор данного медиаисточника практически совсем не останавливается на вопросах анализа дискурса современных медиатехнологий, к примеру, таких как дискурсы постправды и постпамяти, которые широко используются в работах, написанных современными критиками советско-российских трактовок Второй мировой войны (Русакова, Русаков, 2019, с. 10–27). В статье также не встречаются критические размышления по поводу применяемых в современных работах конкретных методов фальсификации событий и фактов из истории Второй мировой войны, говорится только об их общем использовании.

Нельзя также не заметить, что автор полностью игнорирует раскрытие такого важного фактора Великой Победы, как мобилизующая роль Коммунистической партии, стоявшей во главе масштабного процесса концентрации ресурсов страны, направляемых на борьбу с немецкими захватчиками. Именно коммунисты прежде всех остальных категорий граждан считались главными врагами Третьего Рейха и подвергались пыткам и физическому уничтожению. Со словами «считайте меня коммунистом» уходили в последний бой многие герои Великой Отечественной войны. Об этом нельзя забывать, это надо помнить, чтобы иметь возможность честно и объективно говорить о величии военного, политического и гражданского подвига советского народа.

Список литературы

1. *75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим.* «Российская газета» публикует статью президента РФ Владимира Путина (2020, 19 июня). Взято 25 сентября 2020, с <https://rg.ru/2020/06/19/75-let-velikoj-pobedy-obshchaia-otvetstvennost-pered-istoriej-i-budushchim.html>
2. Бордюгов, Г. А. (предисловие Касаева Алана). (2011). *«Войны памяти» на постсоветском пространстве.* М.: АИРО-XXI.
3. Линтер, Дмитрий (2018, 4 мая). *Бронзовый солдат как Русский гештальт Эстони.* Взято 25 сентября 2020 с <https://inosmi.ru/politic/20180504/242135239.html>
4. Русакова, О. Ф. (2018). Политический медиадискурс: опыт структурного анализа. В О. А. Турбина (Ред.), *Взаимодействие языков и культур: материалы Международной научной конференции, 28–30 мая 2018 г.* (Т. 1, с. 237–240). Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ.
5. Русакова, О. Ф., Русаков, В. М. (2019). Дискурс постправды как

медиа-технология политики постпамяти, *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2(35), 10–27.

6. Стешин, Дмитрий. (2020, 3 апреля). *В Праге снесли памятник маршалу Ивану Коневу. Почему и за что?* Взято 4 августа 2020, с <https://www.ural.kp.ru/daily/27113.7/4190707/>

7. Ушакова, Т.Н., Павлова, Н.Д. (Ред.). (2000). *Слово в действии. Интен-анализ политического дискурса*. СПб.: Алетейя.

8. Ходж, Нэйтан. (2020, 19 июня). *CNN (США): Путин переписывает историю Второй мировой войны – и ведёт борьбу за историческую память*. Взято 25 сентября 2020, с <https://inosmi.ru/politic/20200619/247636547.html>

9. *European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819 (RSP))*. (2019, 19 сентября). Взято 4 августа 2020, с https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html

10. Poller, Tomasz. (2020, 28 июня). *TYLKO U NAS! Skrzywdzony świat, agresywna Polska. Historia według Putina*. Взято 25 сентября 2020, с <https://www.frona.pl/a/tylko-u-nas-skrzywdzony-swiat-agresywna-polska-historia-wedlug-putina,146452.html>

11. *Prof. Andrzej Nowak: Putin wznosi sowieckie kłamstwa na poziom wyższy, niż robił to Stalin*. (2020, 19 июня). Взято 25 сентября 2020, с <https://www.polskieradio24.pl/399/7975/Artykul/2535175, Prof-Andrzej-Nowak-Putin-wznosi-sowieckie-klamstwa-na-poziom-wyzszy-niz-robil-to-Stalin>

References

1. *75 let Velikoj Pobedy: obshchaya otvetstvennost' pered istoriej i budushchim*. “Rossijskaya gazeta” publikuet stat'yu prezidenta RF Vladimira Putina [75 years of the great Victory: shared responsibility to history and the future. “Rossiyskaya Gazeta” publishes an article by Russian President Vladimir Putin]. Retrieved September 25, 2020, from <https://rg.ru/2020/06/19/75-let-velikoj-pobedy-obshchaia-otvetstvennost-pered-istoriej-i-budushchim.html>

2. Bordyugov, G. A. (with Kasaev, Alan) (2011). «*Vojny pamyati*» na postsovetkom prostranstve [“Wars of memory” in the post-Soviet space]. M.: AIRO-XXI.

3. *European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819 (RSP))*. (2019, September 19). Retrieved August 4, 2020, from https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html

4. Hodge, Nathan. (2020, June 19) *CNN (USA): Putin perepisyvaet istoriyu Vtoroj mirovoj vojny – i vedyet bor'bu za istoricheskuyu pamyat'* [CNN (USA): Putin is rewriting the history of World War II – and fighting for historical memory]. Retrieved September 25, 2020, from <https://inosmi.ru/politic/20200619/247636547.html>

5. Linter, Dmitrij. (2018, May 4). *Bronzovyj soldat kak Russkij geshtal't Estonii* [Bronze soldier as the Russian Gestalt of Estonia]. Retrieved September 25, 2020, from <https://inosmi.ru/politic/20180504/242135239.html>

6. Poller, Tomacz. (2020, June 28). *TYLKO U NAS! Skrzywdzony świat, agresywna Polska. Historia według Putina*. Retrieved September 25, 2020, from <https://www.fronda.pl/a/tylko-u-nas-skrzywdzony-swiat-agresywna-polska-historia-wedlug-putina,146452.html>

7. Prof. Andrzej Nowak: *Putin wznosi sowieckie kłamstwa na poziom wyższy, niż robił to Stalin*. (2020, June 19). Retrieved September 25, 2020, from <https://www.polskieradio24.pl/399/7975/Artykul/2535175,Prof-Andrzej-Nowak-Putin-wznosi-sowieckie-klamstwa-na-poziom-wyzszy-niz-robil-to-Stalin>

8. Rusakova, O.F. (2018) Politicheskij mediadiskurs: opyt strukturnogo analiza [Political media discourse: experience of structural analysis]. In O. A. Turbina (Ed.), *Vzaimodejstvie yazykov i kul'tur: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 28–30 maya 2018 g.* (Vol. 1, pp. 237–240). Chelyabinsk: Izdatel'skij centr YUUrGU.

9. Rusakova, O.F., & Rusakov, V.M. (2019). Diskurs postpravdy kak mediatekhnologiya politiki postpravdy [Post-truth discourse as a media technology of post-memory politics], *Scientific journal "Discourse-P"*, 2(35), 10–27.

10. Steshin, Dmitrij. (2020, April 3). *V Prage snesli pamyatnik marshalu Ivanu Konevu. Pochemu i za chto?* [In Prague, the monument to Marshal Ivan Konev was demolished. Why and for what?]. Retrieved August 4, 2020, from <https://www.ural.kp.ru/daily/27113.7/4190707/>

11. Ushakova, T.N., & Pavlova, N.D. (Eds.). (2000). *Slovo v dejstvii. Intent analiz politicheskogo diskursa* [Word in action. Intent-analysis of political discourse]. SPb.: Aletejya.

МЕДИА-РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПАМЯТИ: ДОМИНИРУЮЩИЕ КОДЫ ПРОЧТЕНИЯ ТРАВМАТИЧНЫХ СОБЫТИЙ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Зубанова Людмила Борисовна,

Челябинский государственный институт культуры,
кафедра культурологии и социологии,
доктор культурологии, профессор,
Челябинск, Россия,
ORCID: 0000-0001-6081-5568,
E-mail: milazubanova@gmail.com

Статья поступила в редакцию 07.05.2020, принята к публикации 06.10.2020

Для цитирования: Зубанова Л.Б. Медиа-репрезентации памяти: доминирующие коды прочтения травматичных событий в интернет-пространстве // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4 (41). С. 26–39. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10402

Аннотация

В статье рассматривается актуальный исследовательский дискурс осмысления прошлого – медиатизация памяти, и, в частности, виртуальный тегоу-нарратив. Цифровая память анализируется на пересечении двух основных потоков: стихийной памяти (отраженной в пользовательском контенте) и регулируемой мобилизации воспоминаний (целенаправленные стратегии создания и трансляции оформленного образа прошлого).

Цель статьи – проанализировать особенности восприятия травматичных событий в истории России, воплощенных в медиапроектах популярных российских интернет-журналистов и блогеров. Базой исследования выступили три интернет-проекта, посвященные истории сталинских репрессий (фильм блогера Юрия Дудя «Колыма – родина нашего страха»), событиям Великой Отечественной Войны (фильм

* Статья выполнена в рамках проекта № 18-011-00658 Российского фонда фундаментальных исследований.

© Зубанова Л.Б., 2020

журналиста Алексея Пивоварова «Ржев – русская долина смерти») и военной операции Советского Союза в Афганистане (фильм журналиста Катерины Гордеевой «Афган. Человек (не) вернулся с войны»). Анализ восприятия медиапроектов аудиторией основан на методах и процедурах количественно-качественной интерпретации комментариев пользователей на YouTube-каналах «вДудь», «Редакция» и «ещенепознер».

На первом этапе исследования выделены количественные показатели внимания аудитории к трем фильмам: количество просмотров, общее количество комментариев, количество положительных и отрицательных реакций пользователей.

Второй этап анализа связан с содержательной локализацией внимания аудитории в отношении транслируемого медиа-контента – выявлением смысловых фрагментов внутри фильмов, на которые в большей мере концентрируется внимание интернет-пользователей. На основе выборочной оценки 1000 комментариев по каждому фильму, выделены тегоу-нарративы, отражающие ключевой посыл сообщения: актуализация памяти, искажение памяти, дань памяти, память жертв, негативная память, носители памяти, автобиографическая память, обновленная память.

По результатам распределения выделенных тегоу-нарративов делаются выводы о коммуникативной памяти аудитории как коллективного актора, для которого характерным становится транзитное состояние сознания: актуализация и противоречивость прочтения событий прошлого.

Ключевые слова:

медиазация памяти, цифровая память, интернет-проекты, пользовательский контент, тегоу-нарративы, образ прошлого.

UDC 304.444

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10402

MEDIA REPRESENTATIONS OF MEMORY: CODES FOR READING TRAUMATIC EVENTS IN THE INTERNET

Lyudmila B. Zubanova,

Chelyabinsk State Institute of Culture,
Department of Cultural Studies and Sociology,
Doctor of Cultural Studies, Professor,
Chelyabinsk, Russia,
ORCID: 0000-0001-6081-5568,
E-mail: milazubanova@gmail.com

Article received on May 7, 2020, accepted on October 6, 2020

To cite this article: Zubanova, L.B. (2020). Media-representatsii pamyati: dominiruyuschie kody i prochteniya travmatichnyih sobyitii v internet-prostranstve [Media Representations of memory: Codes for Reading Traumatic Events in the Internet]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 4(41), 26–39. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10402

Abstract

The article discusses the discourse research of understanding the past the mediatization of memory and, in particular, the virtual memory-narrative. Digital memory is analyzed at the intersection of two main streams: natural memory (reflected in user content) and regulated mobilization of memories (targeted strategies for creating and broadcasting a decorated image of the past). The purpose of the article is to analyze the features of the traumatic events perception in the history of Russia, embodied in the media projects of popular Russian online journalists and bloggers. The study was based on three Internet projects devoted to the history of Stalinist's repressions (the film of blogger Yuri Dood «Kolyma is the birthplace of our fear»), to the events of the Eastern front (the film of journalist Alexei Pivovarov «Rzhev is the Russian Valley of Death») and to the military operation of Soviet Union in Afghanistan (the film by the journalist Katerina Gordeeva «Afghan. Man (not) returned from the war»).

The audience perception analysis of media projects is based on methods and procedures of “quantitatively and qualitatively” interpreting user comments on the YouTube channels “vDood”, “Redaktsia” and “eschenepozner”. At the first stage of the study, quantitative indicators of audience attention to three films were identified: the number of views, the total number of comments, the number of positive and negative reactions of users.

The second stage of the analysis is related to the meaningful localization of the audience's attention in relation to the broadcast media content - the identification of semantic fragments inside the films, which are more focused on the attention of Internet users. Based on a selective assessment of 1000 comments for each film, memory narratives that reflect the key message are selected: memory actualization, memory distortion, memory tribute, victims' memory, negative memory, memory carriers, autobiographical memory.

Based on the results of the distribution of allocated memory-narratives, conclusions about the communicative memory are drawn from the audience working as a collective actor, for which the transitory state of consciousness becomes it's characteristics: actualization and inconsistency in reading past events.

Keywords:

memory mediation, digital memory, Internet projects, user-generated content, memory-narratives, the image of the past.

Введение

Дискурс памяти, воплощенный в многообразии вариаций «past-проблематики», на сегодняшний день предстает востребованным полем

научно-исследовательской рефлексии (институционализация *memory-studies*), мейнстрим-потока (театральные, кино- и песенные ремейки и ремиксы), официальных и неформальных практик коммеморации («Бессмертный полк», «Последний адрес», «Георгиевская лента» и другие). О возрастающем интересе к прошлому свидетельствуют результаты регулярных социологических замеров, проводимых в различных городах и регионах России (Покида, Зыбуновская, 2016; Сикевич, 2017; Сомов, 2015); в центре внимания исследователей все чаще оказываются противоречивые аспекты политики памяти в отношении переломных исторических событий: Октябрьской революции (Аргунова, Тимофеева, 2018; Русакова, Кочнева, 2017), Великой Отечественной войны (Русакова, Русаков, 2017; Bernstein, 2016) и других.

Наряду с общим вниманием к изучению прошлого в современном *memory-дискурсе* заметна тенденция выхода на обновленный этап существования «постпамяти» (Hirsch, 2012) – альтернативные модели осмысления прошлого в медиа-проекции.

В трактовке А. Ассман современная мемориальная культура актуализирует виртуальный *memory-нарратив*, осуществляя перелокализацию пространства памяти в цифровую реальность, социальные сети, дигитальные архивы (Ассман, 2016, с. 72).

Осуществленный нами обзорный анализ публикаций международного рецензируемого журнала «*Memory Studies*» последних лет (с 2015 по 2019 годы) подтверждает актуальность обозначенного «цифрового тренда» в современных исследовательских поисках. В сплошной выборке материалов за пять лет (191 статья) в числе трех лидирующих концептов фигурирует «*медиазация памяти*» – 29 тематических материалов. Причем преобладающей формой медиазации становится именно цифровая память. Здесь возможно использование концепта *киберпамять*, который польская исследовательница К. Штоп-Рутковска (2015) определяла как «содержание, представляющее тему прошлого: события, места, предметы и людей (как героев, так и антигероев), а также способы сохранения этого прошлого в памяти и специфические культурные практики, связанные с процессом коммуникации посредством новых медиа» (с. 132–133). Цифровая память или «новый живой архив цифрового века» (Hoskins, 2009) существует на пересечении двух основных потоков: стихийной цифровой памяти и регулируемой *web-мобилизации* воспоминаний.

Стихийная цифровая память – репрезентация событий прошлого в пользовательском контенте. Указание на стихийность в данном случае предполагает отсутствие константных образов и вариантов истолкования, отражает спонтанную неупорядоченность «обратной связи», разброс мнений пользователей, наделяющих то или иное событие прошлого субъективно-памятными смыслами. Примером изучения такой стихийной памяти в онлайн-пространстве можно назвать исследование коллективных воспоминаний о Великом голоде в Китае (Gustafsson, 2019) как альтернативных (официально транслируемым) моделей репрезентации события в комментариях и оценках аудитории: так, в качестве примера сопоставления официального и неформального контента фигурирует само использование номинации «Великий голод», распространяемое лишь в свободной дискуссии пользователей (в контролируемых онлайн-энциклопедиях данный период определяется как «годы экономических трудностей»).

Регулируемая web-мобилизация воспоминаний – формат контролируемого контента, выраженный как в официальной политике «администрирования памяти» (Da Silva Catela, 2015, p. 12), так и в целенаправленных стратегиях создания и трансляции оформленного в авторском видении образа памятных исторических событий. Подчеркнем, что администрирование этого образа не обязательно связывается с идеологическим заказом или пропагандистскими эффектами. Противопоставление стихийного и регулируемого контента видится в наличествующей модерации памяти. Удачной в данном случае представляется метафорическая иллюстрация «горячих» спорадических дискуссий пользователей YouTube и сбалансированного «холодного» опыта работы с памятью, воплощенного в материалах Wikipedia: «Образно говоря, YouTube напоминает ирландский паб, где каждый может спорить почти обо всем и в любой форме относительно исторических противоречий. Википедия же напоминает кофейню, где заданы четкие и рациональные принципы, определяющие дискуссию» (Karāns, 2016, p. 169).

Разумеется, подобное разграничение носит именно условный характер: в реальной практике регулируемая мобилизация воспоминаний почти всегда соединяется со стихийной цифровой памятью как «обратной связью» на сообщение – комментариями и дискуссиями пользователей вокруг транслируемого медиапродукта. Особую остроту эти дискуссии принимают при обращении к тем историческим этапам и событиям, которые устойчиво ассоциируются в сознании с концептом травмы. В данной статье мы обратимся к особенностям восприятия травматичных событий в истории России, воплощенных в медиапроектах популярных российских интернет-журналистов и блогеров.

Результаты исследования

Базой исследования выступили три интернет-проекта, посвященные трагическим страницам российской истории: истории сталинских репрессий (фильм «Колыма – родина нашего страха»), событиям Великой Отечественной войны (фильм «Ржев – русская долина смерти») и военной операции Советского Союза в Афганистане (фильм «Афган. Человек (не) вернулся с войны»).

Документальный проект «Колыма – родина нашего страха» был размещен на канале журналиста и блогера Юрия Дудя «вДудь» 23 апреля 2019 года и вошел в топ лидирующих просмотров шоу, набрав за три дня 7 миллионов просмотров (на сегодняшний день – более 20 млн.)¹.

Размещение видео сопровождалось авторским комментарием блогера: *«Не знаю, как у вас, но всю свою жизнь я слышу от родителей: ну будь осторожен, ну не привлекай к себе лишнее внимание, не высывайся – это очень опасно; и вообще мы простые люди – от нас ничего не зависит. Мои родители – прекрасные люди, я безумно их люблю. Но они говорят все это десятилетиями – даже в тех ситуациях, где очевидно нарушается здравый смысл, где творится несправедливость и где мы точно правы. Я всегда думал: откуда у старшего поколения этот страх, это стремление мазать все серой краской? Почему они боятся, что даже за минимальную смелость обязательно прилетит наказание?»*

¹ Здесь и далее приводятся цифры и показатели, актуальные для момента подготовки материала – апрель 2020 года.

Моя гипотеза: этот страх зародился еще в прошлом веке и через поколения добрался до нас. Одно из мест, где этот страх появлялся, – Кольма».

Документальный проект «Ржев – русская долина смерти» был размещен 13 мая 2019 года на YouTube-канале журналиста Алексея Пивоварова «Редакция». Фильм о кровопролитной битве времен Великой Отечественной войны был подготовлен Алексеем Пивоваровым совместно с актером Алексеем Серебряковым, содержательный тег материала: «Серебряков и Пивоваров в местах ржевской мясорубки и музее Сталина».

Документальный проект «Афган. Человек (не) вернулся с войны» был создан журналисткой Катериной Гордеевой, и 23 января 2020 года появился на YouTube-канале «ещенепознер»: беседы с интересными героями». Авторский комментарий журналистки, сопровождающий размещенный фильм: «Я много думала о том, как и почему в мирное время люди идут на войну и почему часто не могут с неё до конца вернуться. Таких – вернувшихся, но не до конца, – мужчин вокруг нас, у нас в стране очень много. Гораздо больше, чем можно себе представить. Кажется, это началось с Афгана. Афганская война – наша первая большая, с повестками и похоронками, после Великой Отечественной. Она длилась почти десять лет, с 1979 по 1989, через неё прошли 600 тысяч молодых советских парней. 15051 погибли, больше 10000 стали инвалидами. Вернувшись с войны, они застали изменившуюся страну и попробовали в ней жить, борясь за льготы и привилегии, за право кем-то быть. Просто быть. За это право им опять приходилось воевать: в бандитской группировке или на новой войне – таких с 1989 по сегодняшний день много: Кавказ, Чечня, Сирия, Донбасс... И там снова воюют парни, выдернутые из мирной жизни. И снова возвращаются. И снова не умеют подстроиться под жизнь без войны. Это фильм о людях. Каждого героя своего я полюбила и попыталась понять».

Как можно убедиться, идеологический посыл авторов фильмов, несмотря на исторический контекст повествования, напрямую связан с современностью, манифестируемым стремлением объяснить особенности дня сегодняшнего, исходя из контекста прошедших событий. Не вдаваясь в анализ авторской интерпретации драматичных этапов истории (аспект, в большей мере связанный с субъективной позицией журналистов), мы сосредоточим внимание на эффектах восприятия транслируемого медиаобраза прошлого в сознании воспринимающей аудитории. Другими словами – на стихийной цифровой памяти, отраженной в комментариях интернет-пользователей, репрезентирующих, на наш взгляд, не только спонтанную реакцию на увиденное, но и особенности коммуникативной памяти аудитории (Assman, 2008) как коллективного актора.

Актуальные коды прочтения информационного сообщения традиционно исследуются в соответствии с методологией Стюарта Холла (1992), разделяющего «работу аудитории внутри доминирующего кода» на три основных позиции: 1) предпочтительное прочтение: позиция одобрения, принятия смысловой основы сообщения; 2) договорное прочтение: адаптация собственного взгляда под доминирующий код, хотя и с позиций согласованности в контексте конкретной ситуации; 3) оппозиционное прочтение: неприятие доминирующего в сообщении смыслового кода (р. 132).

В дальнейшем К. Шредер (2000) детализирует методологию Холла и предлагает рассматривать декодирование сообщения не только в контексте идеоло-

гического принятия или непринятия текста аудиторией, но в многоуровневой системе восприятия:

- позиция (position) – как зритель позиционирует себя в отношении транслируемого образа события;
- понимание, погружение (comprehensions) – внутреннее самоопределение: от полного расхождения до полного соответствия смысловых кодов коммуникатора и адресанта;
- мотивация, побуждение (motivation) – апелляция к личному опыту восприятия события;
- критический разбор (discrimination) – оценочное редактирование медиасообщения в соответствии с личным опытом прочтения транслируемых событий;
- реализация (implementation) – закрепление и дальнейшее продвижение собственной позиции в оценке события, послужившего основой для медиа-репрезентации (р. 242–249).

Обращаясь к анализу восприятия рассматриваемых интернет-проектов, мы используем поэтапную структуру оценки, совмещающую количественные и качественные параметры измерения реакций аудитории.

Первый этап – количественный анализ внимания аудитории. Оценка осуществлялась на основе фиксации открытых метрических показателей исследуемых YouTube-каналов (таблица 1).

Таблица 1 – Количественные показатели внимания аудитории

Документальный проект	Объем внимания аудитории (просмотры)	Активность реакций аудитории		
		Общее количество комментариев	Положительная номинация (лайк)	Отрицательная номинация (дизлайк)
«Кольма – родина нашего страха»	20571501	181002	903000	67000
«Ржев – русская долина смерти»	1554323	16791	82000	5600
«Афган. Человек (не) вернулся с войны»	1248194	3710	25000	928

Объем внимания аудитории к указанным медиапроектам достаточно велик: так, несмотря на неравнозначность показателей просмотра (безусловное лидерство фильма Юрия Дудя), можно говорить о том, что все три выпуска входят в число популярных видео каждого канала:

- проект Катерины Гордеевой – на первой позиции популярности среди всех программ канала «ещенепознер»;
- проект Юрия Дудя – на третьем месте по числу просмотров среди размещенных видео канала «вДудь»;
- проект Пивоварова – на 13 месте по числу просмотров из 86 выпусков канала «Редакция».

Важно подчеркнуть, что ключевая тематическая линия выпусков данных YouTube-каналов ориентирована, преимущественно, на актуальные события современного мейнстрим-потока. Тем не менее, именно медиапроекты, посвященные противоречивым и трагичным событиям прошлого, устойчиво входят в топы просмотров аудитории данных каналов, например: «Беслан. Помни» («вДудь»: 20 млн. просмотров), «Неудобная правда о гибели «Курска» («Редакция»: 3,6 млн. просмотров), «Норд-ост. 17 лет» («ещенепознер»: 1 млн. просмотров).

Активность аудитории, выражаемая в визуальной демонстрации отношения – положительного (функция – «понравилось»/«лайк») или отрицательно («не понравилось»/«дизлайк») – судя по результатам, отраженным в таблице 1, позволяет говорить о принятии предлагаемой трактовки исторических событий пользователями – доминировании предпочтительного прочтения в терминологии С. Холла.

Вероятно, преобладание положительных оценок может объясняться, в том числе, изначально заданной лояльностью аудитории YouTube-каналов к соответствующему медиаконтенту.

В этом смысле можно рассматривать аудиторию как «отобранный» сегмент: имеющий сформированную установку на восприятие, осуществляющий контакт через специализированный и адресный информационный запрос. Тем не менее, действие подобных «фильтров» не исключает наличия негативных реакций зрителей (дизлайки).

Кроме того, принципиальное одобрение каждого документального проекта предстает лишь общим основанием для выстраивания детализированной структуры восприятия, раскрывающего нюансы внутреннего внимания и самоопределения пользователей, отражения личного опыта погружения в исторический контекст, оценочного редактирования медиасообщения под воздействием индивидуального ценностно-смыслового поля аудитории.

Исходя из указанных нюансов, второй этап анализа был направлен на содержательную локализацию внимания пользователей в отношении транслируемого медиаконтента – выявление тех смысловых фрагментов внутри каждого фильма, на которых в большей мере концентрировалось внимание зрителей.

Поскольку данный этап основывался не только на количественной, но и на качественной интерпретации, нами была осуществлена процедура выборочной фиксации комментариев.

Так, внутри общего массива высказываний на рассматриваемых YouTube-каналах были проанализированы по тысяче комментариев, посвященных каждому фильму, которые автоматически (алгоритм фильтрации сообщений) зачислялись в ранг наиболее популярных – по количеству лайков, поставленных данному сообщению пользователями (демонстрация поддержки позиции высказавшегося), и количеству ответов на данный комментарий от других комментирующих зрителей (своеобразный эффект «эха»: внутренняя дискуссия как выражение активной реакции на сообщение).

При обсуждении полученных результатов учитывались следующие нюансы: анализировалась лишь часть из общего числа комментариев (наиболее популярные сообщения); топ популярных комментариев репрезентативен для актуального исследовательского момента и со временем может меняться (отсро-

чено могут появляться новые комментарии, вызывающие большую поддержку пользователей); отнесение того или иного высказывания к мемогу-нарративу носит схематичный характер (оценивался основной посыл сообщения, без детализации содержания).

Внутри сформированной выборки высказывания пользователей были классифицированы по тематическому принципу с последующим выделением мемогу-нарративов, отражающих ключевой посыл сообщения:

- *актуализация памяти*: благодарность журналисту за освещение исторического этапа/события, привлечения внимания к нему;
- *искажение памяти*: упреки журналисту в необъективности, нечутком отношении к историческому прошлому;
- *дань памяти*: оценка рассматриваемых событий как значимого этапа в жизни страны, важного периода исторического самосознания нации;
- *память жертв*: концентрация внимания на понесенных потерях;
- *негативная память*: указания на ошибки, исторические просчеты, поиск виновных в трагическом исходе рассматриваемых событий;
- *носители памяти*: фиксация внимания на персонажах, фигурирующих в фильмах в качестве интервьюируемых;
- *автобиографическая память*: связь рассматриваемых событий с личной историей, историей своей семьи;
- *обновленная память*: выход на оценку современной действительности, где прошлое выступает в качестве стимула в осмыслении настоящего.

В таблице 2 отражено количественное распределение комментариев пользователей в соответствии с выделенными мемогу-нарративами.

Таблица 2 – Ранжирование мемогу-нарративов в комментариях пользователей

Мемогу-нарративы	Количественное распределение комментариев по каждому медиапроекту			Общее количество комментариев
	«Колыма – родина нашего страха»	«Ржев – русская долина смерти»	«Афган. Человек (не) вернулся с войны»	
Актуализация памяти	540	115	119	774
Искажение памяти	18	28	17	63
Дань памяти	-	155	-	155
Память жертв	42	205	314	561
Негативная память	156	98	263	517
Носители памяти	46	128	91	265
Автобиографическая память	12	136	34	182
Обновленная память	186	135	162	483
Итоговый показатель	1000	1000	1000	3000

На основе полученных результатов можно выделять некоторые тенденции, характерные для стихийно функционирующего пользовательского контента.

Прежде всего, образ прошлого оказывается неразрывно связанным с настоящим и оценивается не столько в категориях рефлекслирующего осмысления «минувшего», сколько в своей актуальной проекции. Лидирующие мемогеннарративы (актуализация памяти, обновленная память) отражают «живой» характер этой связи:

– *Это лучший выпуск! Он достоин уважения. Проблемы того как прошлое влияет на наше настоящее всегда насущны. И говорить о них нужно и безумно важно!*

– *А сейчас чем лучше? Сейчас украл булку хлеба – сел на 5 лет, ворует миллиарды и сажает тех, кто ворует хлеб!*

– *И страх по-прежнему передается из поколения в поколение...*

– *Всё повторяется: весь мир – ГУЛАГ, а ты в нем – Солженицын.*

(комментарии пользователей YouTube-канала «вДудь»)

– *Никаких «Мы повторим»!!! Такое на своих иномарках могут писать только имбецилы которые понятия не имеют о том, что происходило во время Великой Отечественной...*

– *Правильно сказано: «Те кто романтизируют войну прошедшую приближают войну будущую».*

(комментарии пользователей YouTube-канала «Редакция»)

– *Да, сыночки, не бережете вы мам своих. Герои выпуска так и остались на войне, к сожалению. Катерине и команде, спасибо вам тысячу раз за поднятую тему. Это так важно сегодня!*

– *Ветеран боевых действий 2950 рублей в месяц. А нашим детям сейчас за кого воевать за чиновников за их миллиарды... пусть их дети воюют!*

(комментарии пользователей YouTube-канала «ещенепознер»)

Актуализация памяти проявлена в соединении коллективного и индивидуального опыта проживания прошлого, что особенно заметно в сюжете, связанном с событиями Великой Отечественной войны. Так, значительное количество комментариев посвящены информации о родственниках, прошедших войну, их биографиях и подвигах. В этом смысле восприятие событий в Афганистане построено, скорее, по принципу противопоставления героического жертвенного подвига Великой Отечественной войны и неоправданности жертв военных операций в последующие этапы российской истории: «...настоящая война за Родину закончилась в 45... всё последующее – это войны за чьи-то карманы... а простые ребята... это всегда пушечное мясо!», «Когда люди поймут что они для правителей всего лишь расходные пешки на шахматной доске? Неужели не ясно было как обращаются с ветеранами на примере «ветеранов-самоваров» после ВОВ? На примере афганцев, после чеченских войн ... а теперь и с Донбасса...» (комментарии пользователей YouTube-канала «ещенепознер»).

Несмотря на отмеченную нами ранее общую лояльность аудитории данных YouTube-каналов, возникающие дискуссии вокруг размещенных сюжетов

и комментариев подтверждают эмоциональность накала в восприятии прошлого. Обостренность реакций чаще всего демонстрируется через рассмотрение прошлого как своеобразного «теста на патриотизм»: «*Ты патриот, вообще?! Одни стереотипы...*», «*Хозяева Дудя по-прежнему боятся Колымы!*», «*Либерота оплакивает Сталинские времена, как это кощунственно с последними данными о рекордной убыли населения в РФ при победившей контре в 91*», «*Пивоваров номинируется на премию Дарвина, «Хотя бы святое – Победу – не трогайте!*». Кроме того, 517 комментариев, связанных с нарративом «негативной памяти», указывает на отсутствие выраженного консенсуса в понимании и принятии прошлого страны.

В целом можно говорить об особом транзитном состоянии сознания, характерном для «ожидającego общества», так и не разрешившего спор с собственной историей.

Заключение

Процессы «оцифровки» языка темпоральности в современной медиа-реальности, синхронизация памяти с жизнью социальных медиа становятся закономерным ответом на виртуализацию и цифровизацию социокультурного пространства. Характерными проявлениями медиа-репрезентации памяти в актуальных форматах восприятия медиапроектов российских блогеров (на примере проведенного исследования) являются:

- явный интерес аудитории к интернет-проектам, направленным на актуализацию событий прошлого;
- высокая степень участия зрителей в обсуждении транслируемого контента (комментарии, дискуссии, внутренняя кооперация и реактивность пользователей);
- выраженная связь в оценке исторических событий с современным этапом развития;
- демонстрируемая альтернативность позиции интернет-аудитории в отношении официальной коммеморативной политики;
- противоречивость мнений в прочтении исторических событий (отсутствие консенсуса), острота и эмоциональность восприятия прошлого.

Согласимся с исследователями в том, что новые медиа не могут рассматриваться лишь технически-опосредованным режимом хранения или архивирования воспоминаний. Они выступают именно «живым» форматом функционирования, отражают максимально суггестивный характер переживания событий прошлого: «При передаче исторической памяти от поколения к поколению важную роль играют эмоциональные механизмы эмпатии, связанные с новейшими мультимедийными технологиями формирования образов прошлого» (Русакова, Русаков, 2019, с. 15).

Наиболее важным представляется нам то, что цифровизация памяти задает не просто новую форму хранения воспоминаний, но формирует культуру участия (Jenkins, 2006) аудитории. Эта форма участия, если и не смягчает травмы прошлого, но препятствует политике забвения: «Риск, с которым мы сталкиваемся, заключается в том, что пока открыто ничего не сказано – ничего не будет понято и пережито во всей его сложности» (Da Silva Catela, 2015, p. 19).

Создающиеся интернет-платформы, таким образом, становятся новыми *местами памяти*, на которых прошлое может быть дискурсивно проработано и осмыслено в слиянии личного и коллективного опыта постижения истории.

Список литературы

1. Аргунова, Е. В., Тимофеева, М. А. (2018). Революционные события и вожди Октября 1917 года в восприятии населения. *Социологические исследования*, 4, 145–152. doi: 10.7868/S0132162518040165
2. Ассман, А. (2016). *Новое недовольство мемориальной культурой*. М.: Новое литературное обозрение.
3. Покида, А. Н., Зыбуновская, Н. В. (2016). Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга). *Социологические исследования*, 3, 98–107.
4. Русакова, О. Ф., Кочнева, Е. Д. (2017). Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 3–4(28–29), 17–30. doi: 10.17506/dipi.2017.2829.34.1730
5. Русакова, О. Ф., Русаков, В. М. (2017). Политика исторической памяти и Великая Отечественная война. *Евразийский журнал региональных и политических исследований*, 1(17), 34–39.
6. Русакова, О. Ф., Русаков, В. М. (2019). Дискурс постправды как медиатехнология политики постпамяти. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2(35), 10–27. doi: 10.17506/dipi.2019.35.2.1027
7. Сикевич, З. В. (2016). Динамика «образа» прошлого и настоящего в представлениях петербуржцев. *Социологические исследования*, 3, 88–97.
8. Сомов, А. В. (2015). Феномен советскости: историко-культурный аспект. *Социологические исследования*, 2, 12–20.
9. Штоп-Рутковска, К. (2015). Киберпамять, или о чем мы не помним в сети. Анализ локальной памяти: Белосток и Люблин. *Социологические исследования*, 4, 130–139.
10. Assmann, J. (2008). Communicative and cultural memory. In A. Erll, & A. Nünning (Eds.), *Cultural Memory Studies*. Berlin: de Gruyter (pp. 109–118).
11. Bernstein, S. (2016). Remembering war, remaining Soviet: Digital commemoration of World War II in Putin's Russia. *Memory Studies*, 9(4), 422–436. doi: 10.1177/1750698015596015
12. Da Silva Catela, L. (2015). Staged memories: Conflicts and tensions in Argentine public memory sites. *Memory Studies*, 8(1), 9–21. doi: 10.1177/1750698014552403
13. Gustafsson, K. (2019). Chinese collective memory on the Internet: Remembering the Great Famine in online encyclopaedias. *Memory Studies*, 12(2), 184–197. doi: 10.1177/1750698017714836
14. Hirsch, M. (2012). *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust*. N.Y.: Columbia University Press.
15. Hoskins, A. (2009). Digital network memory. In A. Erll, & A. Rigney (Eds.), *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory* (pp. 91–106). Berlin: De Gruyter.
16. Jenkins, H. (2006). *Convergence Culture: Where Old and New Media*

Collide. New York: University Press.

17. Kaprāns, M. (2016). Hegemonic representations of the past and digital agency: Giving meaning to “The Soviet Story” on social networking sites. *Memory Studies*, 9(2), 156–172. doi: 10.1177/1750698015587151

18. Schrøder, K.C. (2000). Making sense of audience discourses: towards a multidimensional model of mass media reception. *European Journal of Cultural Studies*, 3(2), 233–258.

References

1. Argunova, E. V., & Timofeeva, M. A. (2018). Revolyutsionnyie sobyitiya i vozhdii Oktyabrya 1917 goda v vospriyatii naseleniya [The revolutionary events and leaders of October 1917 in the perception of the population]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 4, 145–152. doi: 10.7868/S0132162518040165

2. Assman, A. (2016). *Novoe nedovolstvo memorialnoy kulturoy* [New dissatisfaction with memorial culture]. Moscow: New Literary Review.

3. Assmann, J. (2008). Communicative and cultural memory. In A. Erll, & A. Nünning (Eds.), *Cultural Memory Studies*. Berlin: de Gruyter (pp. 109–118).

4. Bernstein, S. (2016). Remembering war, remaining Soviet: Digital commemoration of World War II in Putin’s Russia. *Memory Studies*, 9(4), 422–436. doi: 10.1177/1750698015596015

5. Da Silva Catela, L. (2015). Staged memories: Conflicts and tensions in Argentine public memory sites. *Memory Studies*, 8(1), 9–21. doi: 10.1177/1750698014552403

6. Gustafsson, K. (2019). Chinese collective memory on the Internet: Remembering the Great Famine in online encyclopaedias. *Memory Studies*, 12(2), 184–197. doi: 10.1177/1750698017714836

7. Hirsch, M. (2012). *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust*. N.Y.: Columbia University Press.

8. Hoskins, A. (2009). Digital network memory. In A. Erll, & A. Rigney (Eds.), *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory* (pp. 91–106). Berlin: De Gruyter.

9. Jenkins, H. (2006). *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York: University Press.

10. Kaprāns, M. (2016). Hegemonic representations of the past and digital agency: Giving meaning to “The Soviet Story” on social networking sites. *Memory Studies*, 9(2), 156–172. doi: 10.1177/1750698015587151

11. Pokida, A. N., & Zybunovskaya, N. V. (2016). Dinamika istoricheskoy pamyati v rossiyskom obschestve (po rezul'tatam sotsiologicheskogo monitoringa) [Dynamics of historical memory in Russian society (based on the results of sociological monitoring)]. *Sociological Researches*, 3, 98–107.

12. Rusakova, O. F., & Kochneva, E. D. (2017). Otsenki Oktyabrskoy revolyutsii v ofitsialnom diskurse politiki pamyati [Assessments of the October Revolution in the Official Discourse of Memory Politics]. *Scientific journal “Discourse-P”*, 3–4(28–29), 17–30. doi: 10.17506/dipi.2017.2829.34.1730

13. Rusakova, O. F., & Rusakov, V. M. (2017). Politika istoricheskoy pamyati

i Velikaya Otechestvennaya voyna [Politics of Historical Memory and the Great Patriotic War]. *Eurasian journal of region and political researches*, 1(17), 34–39.

14. Rusakova, O.F., & Rusakov, V.M. (2019). Diskurs postpravdyi kak mediatehnologiya politiki postpamyati [Post-Truth Discourse as a Media Technology of the Politics of Postmemory]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 2(35), 10–27. doi: 10.17506/dipi.2019.35.2.1027

15. Schrøder, K.C. (2000). Making sense of audience discourses: towards a multidimensional model of mass media reception. *European Journal of Cultural Studies*, 3(2), 233–258.

16. Shtop-Rutkowska, K. (2015). Kiberpamyat, ili o chemmyi ne pomnim v seti. Analizlokalnoypamyati: Belostok I Lyublin [Cyber memory, or what we do not remember on the network. Local Memory Analysis: Belostok and Lublin]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 4, 130–139.

17. Sikevich, Z. V. (2016). Dinamika "obraza" proshlogo I nastoyashego v predstavleniyah peterburzhtsev [Dynamics of the "image" of the past and present in the representations of Petersburgers]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 3, 88–97.

18. Somov, A. V. (2015). Fenomen sovetskosti: istoriko-kul'turnyj aspekt [Phenomenon of Sovietism: Historical and Cultural Aspect]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2, 12–20.

УДК 130.2

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10403

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: СТРАТЕГИИ И ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ (на примере Уральского государственного юридического университета)

Зипунникова Наталья Николаевна,

Уральский государственный юридический университет,
доцент кафедры истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0003-1800-3704,
E-mail: igp@usla.ru

Калинина Анна Владиславовна,

Уральский государственный юридический университет,
документовед архива и Музея истории СЮИ-УрГЮА-УрГЮУ,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-0563-8180,
E-mail: museum@usla.ru

Статья поступила в редакцию 18.08.2020, принята к публикации 30.09.2020

Для цитирования: Зипунникова Н.Н., Калинина А.В. Память о Великой Отечественной войне: стратегии и практики сохранения и трансляции (на примере Уральского государственного юридического университета) // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4 (41). С. 40–53. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10403

© Зипунникова Н.Н., Калинина А.В., 2020

Аннотация

Статья посвящена вопросам сохранения памяти о Великой отечественной войне в конкретном вузе – Уральском государственном юридическом университете (ранее – Свердловском юридическом институте, Уральской государственной юридической академии). Отмечается, что юбилеи исторических событий, памятные даты актуализируют научное обсуждение феноменов культурной и исторической памяти, коммеморации, а также политики памяти. Такое обсуждение видится плодотворным в условиях междисциплинарного синтеза, с учетом наработок Memory studies (мемориальных исследований), Public history (публичной истории), Digital humanities (цифровой гуманитаристики). Память о войне в вузе рассматривается, исходя из представлений о коллективной памяти как особой формы социально конструируемой и поддерживаемой индивидуальной памяти, трансформирующейся в зависимости от потребностей и связей внутри группы, в рамках которой она существует. Авторами предпринята попытка осмыслить коммеморативные практики, существовавшие в вузе в советские десятилетия вокруг военной тематики, а также презентовать их развитие на современном этапе. В исследовании показана преемственность подобных практик «вспоминания», опосредованная такими вузовскими институциями, как музеи: Музей боевой и трудовой славы в Свердловском юридическом институте, музей истории академии – университета на современном этапе. Подчеркивая, что музейная деятельность юридического вуза не исчерпывает всей полноты мемориальных практик, авторы тем не менее характеризуют музейное пространство их средоточием. Обозначено, что в их центр помещена Личность – преподавателя, сотрудника, студента, выпускника. На конкретных примерах показана значимость научного сотворчества опытных и начинающих исследователей. Сделан вывод о необходимости дальнейшего познания истории вуза в чрезвычайных условиях военного времени как смыслообразующем направлении научного дискурса о памяти.

Ключевые слова:

музей, историческая память, политика памяти, коммеморация, университет, Уральский государственный юридический университет.

MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: STRATEGIES AND PRACTICES OF PRESERVATION AND TRANSLATION (On the Example of the Ural State Law University)

Natal'ya N. Zipunnikova,

Ural State Law University,
Associate professor of the department of history of state and law,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0003-1800-3704,
E-mail: igp@usla.ru

Anna V. Kalinina,

Ural State Law University,
Records manager of the archive and Museum of history SLI-USLA-USLU,
ORCID: 0000-0002-0563-8180,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: museum@usla.ru

Article received on August 18, 2020, accepted on September 30, 2020

To cite this article: Zipunnikova, N.N., & Kalinina, A.V. (2020). Pamyat' o Velikoy Otechestvennoy voyne: strategii i praktiki sokhraneniya i translyatsii (na primere Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta) [Memory of the Great Patriotic War: strategies and practices of preservation and translation (on the example of the Ural State Law University)]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 4(41), 40-53. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10403

Abstract

The article is devoted to the issues of preserving the memory of the Great Patriotic War in the Ural State Law University (previously – the Sverdlovsk Law Institute, the Ural State Law Academy). Anniversaries of historical events, memorable dates actualize the scientific discussion of the phenomena of cultural and historical memory, commemoration, and memory policy. This discussion is seen as fruitful in the context of an interdisciplinary synthesis, taking into account the developments of Memory studies, Public history, and Digital humanities. War memory in higher education is considered based on the concept of collective memory as a special form of socially constructed and maintained individual memory, which is transformed depending on the needs and connections within the group, where it exists. The authors attempt to understand the commemorative practices

of the Soviet and modern periods about the theme of the Great Patriotic War. This research shows the continuity of practices of “remembering”, which are supported by Museum of history of the University (in Soviet period – Museum of military and labor glory, now – Museum SLI-USLA-USLU). University museum focuses on memorial practices, but not completely. Personality (teacher, employee, student, or graduate) is at the center of study. The authors show the significance of scientific interaction between experienced and novice researchers. The conclusion is made about the need for further knowledge of the history of the University in the emergency conditions of wartime as a meaning-forming direction of the scientific discourse on memory.

Keywords:

museum, historical memory, memory policy, commemoration, university, Ural State Law University.

Введение

Современную эпоху П. Нора ёмко охарактеризовал «коммеморативной эрой». Самое пристальное внимание в социогуманитаристике в последние десятилетия приковано к феноменам памяти (исторической, культурной) и коммеморации. Для продвижения мемориальной проблематики значимыми оказались ранее предложенные идеи и концепции: «изобретенная традиция» Э. Хобсбаума, эффект от которой сравнивается с эффектом андерсоновских «воображаемых сообществ» (Малахов, 2018, с. 236), «места памяти» или коммеморативные симулякры П. Нора и ряд других. Понятие исторической памяти активно разрабатывалось, его границы осмысливались представителями разных наук – Я. Ассманом, А. Варбургом, Ж. ле Гоффом, П. Рикером, М. Хальбваксом, П. Хаттоном, Ю.Л. Бессмертным, Ю.М. Лотманом, А.В. Полетаевым, Е.А. Ростовцевым, Л.П. Репиной, И.М. Савельевой, др. Феномену культурной памяти посвятили свои яркие исследования Я. и А. Ассман. Были предприняты попытки значимой для социально-философского и гуманитарного дискурсов демаркации между понятиями «культурная память» (как категории философской) и «историческая память» (как опосредованным политическими интересами идеологическим отражением социальной действительности) (Рагозина, 2017). Как заметил П. Нора, и это важно подчеркнуть, о памяти столько говорят потому, что ее больше нет (Нора, 1999, с. 17).

Небезуспешно исследуется политика памяти (Миллер, 2009; Малинова, 2017). Особое внимание приковано к памяти о войнах, пережитых человечеством в прошлом столетии (Колоницкий, 2019; Миллер, 2020). Триггером здесь зачастую выступают юбилейные даты, и большая проблематика Великой Отечественной войны не является исключением. К памятным датам этой войны всегда приковано пристальное внимание. В год 75-летия Великой Победы широкое ее «вспоминание» и научное обсуждение приобретают особую актуальность.

Целью данной работы является осмысление стратегий и практик памяти о Великой Отечественной войне, существовавших и развивающихся в конкретном вузе – Уральском государственном юридическом университете (в период

с 1936 по 1992 гг. – Свердловском юридическом институте, с 1992 по 2014 г. – Уральской государственной юридической академии). Практики коммеморации в образовании исследуются, в том числе, с позиций методологии *memory studies*, формирование которой характеризуется как одно из важных проявлений антропологического поворота современной социогуманитаристики. *Memory studies* определяют как трансдисциплинарную область знания историко-культурологического характера, которая обладает своим предметом, позволяет под определенным углом зрения рассмотреть всю совокупность явлений человеческой культуры, увидев их взаимосвязь с точки зрения того, как «образы-воспоминания» сохранялись, передавались, актуализировались, вытеснялись и использовались в той или иной культуре (Васильев, 2012). При проведении исследования мы также опирались на работы уральских ученых В.Д. Камынина, Л.Н. Мазур, О.С. Поршневой, посвященных проблематике памяти о Великой Отечественной войне, демонстрирующих значимость междисциплинарных подходов и актуализирующих, в частности, такие направления, как *Public history* (публичная история) и *Digital humanities* (цифровая гуманитаристика).

В ходе работы мы обращались, среди прочего, к эго-источникам (воспоминаниям выпускников и ветеранов) и материалам вузовского музея истории. Деятельность музея в нынешних условиях, включая активную цифровизацию, в исследовании определяется средоточием университетской коммеморации, в том числе практик памяти о Великой Отечественной войне. В центр вузовского «вспоминания» помещена Личность – преподавателя, сотрудника, студента, выпускника.

Война и историческая память: некоторые проблемы

Великая Отечественная война изменила действительность всего Советского государства, послужила поводом к установлению нового миропорядка. При этом эта война затронула судьбы каждой семьи в нашей стране. Она уже стала частью национального самосознания россиян. Поэтому обсуждение любого вопроса, связанного с Великой Отечественной войной, становится достаточно острым и касается каждого. Эти вопросы поднимаются в семье, в близком кругу, являются предметом изучения профессиональных ученых (историков, философов, политологов, социологов, юристов и др.) и частью политики государства. Великая Отечественная война является, несмотря на уже значительное число лет, прошедших с момента её окончания, важной частью современной жизни. Человек одновременно живёт в прошлом, настоящем и будущем (Камынин, 2011, с. 59). Историческая память обеспечивает связь между этими состояниями.

Историческая память довольно многогранная. Это сложный феномен общественного сознания, представляющий собой систему устойчивых представлений общества о прошлом, характеризующихся эмоциональностью, символичностью, ценностной окрашенностью, инерционностью. Представления о прошлом могут меняться под влиянием разного рода воздействий – социально-политических и ментальных сдвигов в обществе, развития образования, воздействия средств массовой информации (Поршнева, 2005, с. 112). Принято выделять индивидуальную и коллективную историческую память (Мазур, 2013, с. 245). Так, под коллективной памятью понимается особая форма социально конструируемой

и поддерживаемой индивидуальной памяти, изменяющаяся в зависимости от потребностей и связей внутри группы, в рамках которой она существует.

Часто разграничивают историю и память: история – это научное знание, обезличенное и объективное; память – явление социально детерминированное и субъективное, эмоционально окрашенное. «Живая память» поддерживается через коммеморативные практики, т. е. через память, облеченную в «материальную» форму (Поршнева, 2005а, с. 112). С помощью разных ритуалов, церемоний и других «вспоминаний» память поддерживается в обществе. Хотя стоит отметить, что столь жесткое разделение истории и памяти в настоящее время вряд ли можно рассматривать аксиоматично: академическая наука тоже выступает как часть памяти, иногда ее называют верифицированной памятью (Поршнева, 2005а, с. 114), а влияние социальных факторов, политики и идеологии на науку тоже не стоит отрицать.

Для исторической памяти характерна селективность – отбор важного, ценного и актуального для социума. Конструирование прошлого, в том числе памяти, может становиться орудием управления сознанием общества. Великая Отечественная война здесь является ярким примером. Память о ней глубоко укреплена в национальном сознании. Воспоминания поддерживаются различными материальными практиками – созданием мемориалов, памятников, книг памяти и т. п. Победа в войне в сознании говорит о справедливости этой войны. В советский период сохранение памяти о войне способствовало укреплению власти и правильности выбранного курса социалистического государства. В последние десятилетия в современной отечественной науке и среди активной общественности поднимаются многие вопросы, которые не были приняты в советской традиции памяти: причины советских неудач в начале войны, репрессии в армии, коллаборационизм, фильтрация военнопленных советских граждан и их судьба; значимы и самые последние дискуссии вокруг пакта Молотова – Риббентропа. Несмотря на все имеющиеся различные толкования, Великая Отечественная война остается в памяти одним из самых значительных событий в истории всего XX в.

Воздействие на память о войне происходит по многим каналам – это и каналы устной истории, кинематограф, научная и популярная литература, средства массовой информации разного толка, музыка и вообще аудиовизуальное искусство, мемориалы, памятники, музеи, архивы, система образования. Современная эпоха цифровизации только способствует расширению каналов воздействия: речь идет о различных интернет-ресурсах, проектах, социальных сетях и т. п. Такое разнообразие способствует разрушению целостности представлений и памяти о войне. Появляется множество толкований, простой обыватель (на уровне индивидуального сознания) нередко теряет ориентиры, путается. Все это делает память достаточно противоречивой и многослойной.

Победа в войне 1941–1945 гг., по мнению многих россиян, – главное событие мировой истории. С уходом поколения фронтовиков проблема мифологии Победы, а соответственно и памяти о ней, приобретает все большее значение. В общественном сознании стерлась память о тяготах войны, их вытеснило парадное славословие (Эпоха развитого милитаризма). В Советском Союзе память о войне тоже была сильно мифологизирована. В мифологизации сознания советских людей исследователи в целом не видят ничего необычного. Пересмотр

истории Великой Отечественной войны в исторической науке начался в годы перестройки, но в народных массах представления все же не сильно менялись. Понятие «Великая Победа» занимает прочные позиции. Хотя встречаются попытки пересмотра истории, и это особенно характерно для переходных периодов, (например, в России в 1990-х – начале 2000-х гг.) (Камынин, 2011, с. 60–61). В.Д. Камынин выделяет ряд моментов, значимых при рассмотрении исторической памяти о Великой Отечественной войне: 1) необходимо отличать память о войне молодого поколения и старшего, особенно прошедшего войну, при этом в обоих этих случаях память противоречива; 2) политизированность памяти о Великой Отечественной войне внутри страны и в мировом пространстве (Камынин, 2011, с. 61–63).

Важной проблемой современности является вопрос о сохранении и трансляции исторической памяти. Одним из ее средств является проведение научных исследований о войне. Университетская корпорация выступает важным носителем коллективной исторической памяти. Ее изучение на примере конкретного вуза будет весьма наглядным отражением практик, связанных с исторической памятью о Великой Отечественной войне.

Свердловский юридический институт: советские коммеморативные практики

Свердловский юридический институт (СЮИ), в годы войны небольшой провинциальный вуз, не прекращал тогда своей работы. Преподаватели, сотрудники и студенты призывались в РККА, многие из них погибли или в силу разных других обстоятельств уже не смогли вернуться в родной вуз. Оставшиеся же помогали фронту и тылу. В вуз приехали эвакуированные научные работники и обучающиеся заведений, расположенных на прифронтовой территории. Перестраивалась учебная, методическая работа, осуществлялась научная деятельность, защищались диссертации.

После войны СЮИ стал достаточно крупным вузом в регионе. Сюда пришли получать образование вчерашние фронтовики. Формированием и сохранением памяти о войне во многом занимались именно они. Выпускники вуза всегда с особым трепетом вспоминали первые годы после войны, особенно первый набор 1945 г. Атмосфера недавней войны была вокруг: много студентов в военной форме, на многих из них равнялись вчерашние школьники, интересовались, кто и где служил (Воспоминания выпускников ..., 2001). Перед студентами часто выступали преподаватели-фронтовики, особенно в День Победы. Доцент В.А. Сырнева (ветеран войны, выпускница 1950 г., а потом преподаватель института) вспоминала, что начала писать стихи о войне, о Победе и читала их перед студентами и преподавателями (Воспоминания выпускников ..., 2001, с. 23–24).

В советский период коммеморативные практики были связаны с широким празднованием Дня Победы, осмыслением военного времени для СЮИ и с заседаниями членов коллективов изданий, посвященных истории института, участию студентов в поисковых отрядах, во встречах с ветеранами, в митингах и демонстрациях. В вузе следили за судьбой своих ветеранов, передавали информацию о них и об истории вуза молодым поколениям юристов. Большая

заслуга в этом принадлежала Совету ветеранов войны и труда и Музею боевой и трудовой славы СЮИ.

Многие годы в институте работал Совет ветеранов. Его председателем значительное время был преподаватель, ветеран войны, полковник юстиции в отставке П.Н. Агафонов. Совет постоянно поддерживал связь с пенсионерами (Воспоминания выпускников ..., 2001, с. 24). Сам Петр Николаевич проводил большую работу по патриотическому воспитанию студентов. Он обучался в СЮИ с 1937 г. по 1940 г., затем был переведен в Военно-юридическую академию, которую окончил в 1941 г. Участвовал в Великой Отечественной войне. С 1974 г. по 1988 г. преподавал на кафедре уголовного процесса. Во время работы и даже после выхода на пенсию он продолжал активную общественную деятельность, передавал свой опыт молодым поколениям.

Инициатива по созданию музея в Свердловском юридическом институте исходила от преподавателей, сотрудников и студентов, многие из которых были участниками Великой Отечественной войны. Они вели большую работу по сбору материалов об истории вуза, о фронтовиках, которые здесь учились или работали. Постепенно музей приобрёл более организованную форму в виде Музея боевой и трудовой славы, который размещался на 4-м этаже корпуса института на ул. Комсомольской, 21.

Музей боевой и трудовой славы в Свердловском юридическом институте создавался к 30-летней годовщине Победы Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне «для увековечивания памяти героических подвигов солдат, сержантов и офицеров». Для наполнения комнаты Музея собирались личные вещи, документы и другие материалы военных лет. Сотрудники института обращались к участникам войны с просьбой передать некоторые вещи, фотографии и другие предметы, хранящие память о военном времени. Ветеранам была отправлена анкета, в которой им предлагалось рассказать о своей службе и послевоенной судьбе. Многие откликнулись на этот призыв и направили в институт фотографии, поделились воспоминаниями о себе и о своих героических товарищах.

Много сил организации музея в СЮИ отдал Владимир Васильевич Ножкин (1910–1993). Владимир Васильевич в 1940 г. окончил дневной факультет Свердловского юридического института, работал заведующим кабинетом уголовного права и процесса СЮИ и заведующим заочной юридической школы. С августа 1941 г. по декабрь 1945 г. находился в действующей армии. В 1950 г. он пришел на работу в вуз, где преподавал историю государства и права СССР до 1987 г. Владимир Васильевич Ножкин был председателем Совета Музея боевой и трудовой славы и заместителем председателя Комитета ветеранов Великой Отечественной войны СЮИ. Он провел большую работу, разыскал и связался со многими ветеранами, собрал информацию о них.

В 1985 г. в СЮИ была организована масштабная подготовка к празднованию 40-летия Великой Победы, оформлялись стены музея, посвященные этому событию. В подготовке участвовали старший преподаватель кафедры истории КПСС Н.Е. Филоненко, лаборант Б.К. Кикнадзе, преподаватель кафедры уголовного процесса С. Жуковский, ассистент кафедры истории КПСС А.А. Коробков. В разные годы в поисковой, исследовательской, экспозиционной деятельности принимали участие профессор О.А. Альстер, доценты

В. В. Баженов, Н. К. Семернева, Н. А. Трофимов, а также Г. И. Захарова (Мокина), Т. Ю. Феськова, Л. А. Чвялева, Н. Э. Нистюк, О. В. Долгих и др. Всегда к работе музея привлекали студентов, которые занимались исследовательской работой, помогали в уточнении информации, обновлении экспозиции, уборке и другой текущей работе. Таким образом они приобщались к истории института и – вузовской памяти о войне.

В советский период сохранением и трансляцией памяти о Великой Отечественной войне в основном занимались современники и участники этой войны. Память формировалась в непосредственном общении, а также с помощью официальной государственной политики. В 1990-е гг. активная деятельность музея не осуществлялась. Лишь в декабре 2011 г. на заседании Ученого совета УрГЮА было принято решение о воссоздании музея.

Уральская государственная юридическая академия – Уральский государственный юридический университет и современные коммеморативные практики

В начале 2012 г. начало работу новое структурное подразделение вуза – Музей истории СЮИ – УрГЮА (с 2014 г. Музей истории СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ). Перед музеем была поставлена задача содействовать укреплению корпоративной культуры университета, а также приобщать студентов и сотрудников к истории родного вуза. При музее действует коллегиальный орган – Совет. Научным консультантом музея является доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права В. Д. Перевалов. Много лет председателем Совета был ветеран Великой Отечественной войны, доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Л. Я. Драпкин (1924–2019), помощь оказывала дочь не вернувшегося с войны фронтовика (Пряхин, 2020, с. 288) доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права, председатель Совета ветеранов УрГЮА М. И. Кондрашева (1938–2016).

Изначально деятельность сконцентрировалась на собирании материалов. Музей стал активно взаимодействовать с сотрудниками вузовского архива. Для подготовки экспозиций изучалась литература по истории юридического образования и науки и истории вуза, документы архива УрГЮУ, Государственного архива Свердловской области.

Как и прежде, особое место в деятельности музея занимает тема Великой Отечественной войны. Благодаря расширению инструментария современных музеев совершенствуются разнообразные практики представления музейной информации и взаимодействия с публикой. Музеем университета создаются традиционные физические стационарные и передвижные экспозиции своих предметов, посвященных истории вуза в годы войны. В них презентуются фотографии (портреты участников войны, снимки с фронта, со встреч ветеранов), воспоминания, письма, анкеты, вырезки из газет, личные вещи членов корпорации (профессорско-преподавательского состава, выпускников – участников войны), документы института периода войны и др. Проводятся различные мероприятия, встречи с ветеранами; осуществлен ряд проектов, призванных сохранять память о Великой Отечественной войне в университете.

Музей сотрудничает со студенческим научным обществом. Студенты кружка СНО по истории государства и права России, с элементами музейного и архивного дела, при кафедре истории государства и права занимаются изучением и сохранением исторического прошлого своего университета. Благодаря работе со студентами, музей находит и апробирует наиболее актуальные, востребованные и понятные современному человеку формы работы и представления информации. В мае 2014 г. состоялся круглый стол «СЮИ в годы Великой Отечественной войны (по материалам вузовского архива): студенческий исследовательский проект». Готовясь к выступлению на круглом столе, студенты, занимавшиеся в кружке СНО по истории государства и права России, несколько месяцев изучали первоисточники, знакомились с биографиями студентов и сотрудников СЮИ – участников войны. Большим исследовательским проектом стала Книга памяти СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ. В ней представлены сведения об обучавшихся в Свердловском юридическом институте участниках Великой Отечественной войны. Было выявлено 99 участников войны – выпускников и отчисленных из института по разным причинам в 1949 г. Это год выпуска выдающегося учёного, ветерана войны, профессора С. С. Алексева. Презентация Книги памяти стала содержательной основой двух круглых столов в мае 2015 г.

В 2015 г. был презентован баннер с именами и фотографиями ветеранов Великой Отечественной войны, в том числе удостоенных звания Героя Советского Союза, орденосцев. Сейчас этот баннер каждый может увидеть в пространстве музея в переходе между учебными корпусами УрГЮУ на ул. Комсомольской. В год 70-летия Победы в Великой Отечественной войне музей не мог не вспомнить о ветеранах и героях СЮИ. К этому юбилею музей готовил разные тематические выставки, посвященные СЮИ в годы войны. На IX сессии Европейско-Азиатского правового конгресса (Екатеринбург, июнь 2015 г.) музей, архив и студенты-исследователи организовали передвижную выставку музейных и архивных экспонатов «СЮИ в годы Великой Отечественной войны: известное и неизвестное...».

Музей осуществляет бытование истории в обыденной жизни, конструируя прошлое для сегодняшнего зрителя. На музейную деятельность оказывают влияние тренды современной гуманитарной науки. Упомянутый выше антропологический поворот в истории оказал свое влияние и на университетское историописание, он позволяет представлять объемную очеловеченную историю, без часто присутствующего, особенно в юбилейные годы, монументально-парадного способа изложения (Иванова, Мягков, 2015). Музей истории СЮИ-УрГЮА-УрГЮУ продвигает значимые детали повседневности СЮИ военного времени: исследуются призыв студентов, преподавателей, сотрудников в РККА, эвакуация на Урал научно-преподавательских кадров и студентов, организация военного обучения в институте, помощь тылу и фронту, учебная и научная деятельность вуза в чрезвычайных условиях и другие сюжеты. Прежде всего, в центре познания оказывается Человек.

Гуманизация всех общественных наук, реализация в исследовании и обучении истории подхода, в котором в центре изучения находится личность, невозможна без междисциплинарного синтеза, использования методов и наработок смежных социальных и гуманитарных дисциплин (Поршнева, 2005b, с. 7). Успешно развиваются такие направления, как Public history (публичная история)

и Digital humanities (цифровая гуманитаристика). Проблематизируется также взаимодействие академической истории и широкой публики, формирование знания о прошлом в обыденной жизни (Репина, 2015). Музей – это прикладная история, хранилище вневременной исторической информации, канал исторической памяти для широкой общественности сегодня. Для плодотворной реализации своего потенциала музей должен избрать эффективные способы репрезентации прошлого для своей целевой аудитории, чтобы удовлетворить общественный запрос на историю. Цифровизация дает новые инструменты представления информации для музеев. Сегодня музей выходит за пределы своего пространства. Музейные технологии получают новое развитие. Музей активен, вовлечен в диалог с аудиторией. Наш музей привлекает студентов для выступлений с докладами на научных форумах, реализует совместные со студентами, другими подразделениями вуза проекты (научные и научно-популярные публикации, круглые столы, видеоролики, презентации, др.), начинающие исследователи участвуют в подготовке музейных экспозиций, а затем и в проведении некоторых экскурсий (например, на днях открытых дверей). Перспективным музей видит и дальнейшее активное использование интернет-пространства для презентации музейных предметов широкому зрителю: онлайн-выставки, публикации и др.

Коммеморативные практики в УрГЮУ не ограничиваются музеем. Память о Великой Отечественной войне увековечена в мемориале преподавателям, сотрудникам, студентам, выпускникам, погибшим в Великой Отечественной войне, а также в мирное время при исполнении служебного долга. В университете традиционно проводятся митинги, научные, спортивные и творческие конкурсы, флэшмобы, приуроченные к памятным датам в истории Великой войны. Продолжаются научные исследования военного периода, в том числе в истории вуза и юридического образования в целом, осуществляется много других проектов.

Заключение

Тема Великой Отечественной войны по-прежнему занимает важное место в исторической памяти. Уральский государственный юридический университет одной из важных своих задач видит сохранение памяти для новых поколений и приобщение, прежде всего студентов, будущих защитников права, его ценностей, к истории родного вуза и страны.

Чем дальше в прошлое уходит Великая Отечественная война и люди – современники этого эпохального события, тем актуальнее темы исторической памяти о ней и политики памяти. Меняются и практики коммеморации, в том числе и в университетской среде. В образовательном учреждении эти практики носили и продолжают нести воспитательную функцию. По сравнению с советским периодом в значительной степени изменились технологии работы, появились новые инструменты.

Прежде всего, память должна существовать ради того, чтобы жизнь продолжалась и совершенствовалась. Она должна быть толерантной, мудрой, т.е. способной к пониманию и диалогу, не усугубляя конфликты, а отыскивая пути разрешения. Толерантность памяти способствует трансляции в будущее жизне-сохраняющих ценностей. Опасно историческое «памятозлобство» превращени-

ем в манкуртизм (Эйнгорн, 2002). Музей истории юридического университета определяет важнейшей своей задачей создание рефлексивного пространства, где появляются сопереживание по поводу значимых событий, взаимодействие вузовских акторов в целом. Дальнейшее познание вузовской истории, в том числе работы института в чрезвычайных условиях военного времени, в рамках сотворчества состоявшихся и начинающих исследователей видится смыслообразующим направлением научного дискурса о памяти.

Список литературы

1. Васильев, А. (2012). Memory studies: единство парадигмы – разнообразие объектов (Обзор англоязычных книг по истории памяти). *Новое литературное обозрение*, 5. Взято 5 мая 2020, с https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/117_nlo_5_2012/article/18946/
2. *Воспоминания выпускников и ветеранов*. (2001). Екатеринбург: УрГЮА.
3. Гудков, Л. (2019, 8 мая). Эпоха развитого милитаризма. *Новая газета*, 49. Взято 4 мая 2020, с <http://novayagazeta.ru>
4. Иванова, Т.Н., Мягков, Г.П. (2015). Юбилейные даты как стимул развития «университетологии»: об одном издании к 40-летию Омского государственного университета. *Диалог со временем*, 52, 384–389.
5. Камынин, В.Д. (2011). Историческая память о Великой Отечественной войне как фактор формирования общественного сознания. *Известия Уральского государственного университета, сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры*, 1(86), 59–65.
6. Колоницкий, Б.И. (2019). От мировой войны к гражданским войнам (1917?–1922?). *Российская история*, 1, 3–24.
7. Малахов, В.С. (2018). Изобретение традиции как мем и как черта социокультурной реальности: Эрик Хобсбаум и его соавторы в постсоветском контексте. *Неприкосновенный запас*, 3, 236–245. Взято 4 мая 2020, с https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/119_nz_3_2018/article/19933/
8. Малинова, О.Ю. (2017). Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа. *Полития*, 4(87), 6–22.
9. Мазур, Л.Н. (2013). Образ прошлого: формирование исторической памяти. *Известия Уральского федерального университета, Сер. 2, Гуманитарные науки*, 3(117), 243–256.
10. Миллер, А.И. (2009, 25 ноября). *Россия: власть и история*. Взято 5 мая 2020, с <https://polit.ru/article/2009/11/25/miller>
11. Миллер, А.И. (2020, 6 мая). Войны памяти вместо памяти о войне. С чем Россия и мир пришли к очередному юбилею Победы. *Новая газета*. Взято 6 мая 2020, с <https://novayagazeta.ru/articles/2020/05/05/85240-voynu-pamyati-vmesto-pamyati-o-voyne>
12. Нора, П. (1999). Проблематика мест памяти. *Франция-память* (пер. с франц.) (с. 17–49). СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета.
13. Поршнева, О.С. (2005а). *Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях*. Екатеринбург: Издательство Уральского

университета.

14. Поршнева, О.С. (2005b). Феномен исторической памяти о войне. *Уральский вестник международных исследований*, 4, 112–119.

15. Пряхин, В.М. (2020). Коммеморативные практики как современный метод изучения истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в высшей школе. *Война и общество в XX веке: XXIV всероссийские с международным участием историко-педагогические чтения* (с. 285–291). Екатеринбург.

16. Рагозина, Т.Э. (2017). Культурная память versus историческая память. *Наука. Искусство. Культура*, 3(15), 12–21.

17. Репина, Л.П. (2015). Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации. *Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*, 157(3), 55–67.

18. Эйнгорн, Н.К. (2002). Толерантность исторической памяти. В *Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции: тезисы докладов международной конференции, посвященной 80-летию «философского парохода», 4–6 октября 2002 г. Пермь-Чусовой* (с. 332–333). Пермь: ПРИПИТ.

References

1. Einhorn, N.K. Tolerantnost' istoricheskoy pamyati [Tolerance of historical memory]. In *Tolerantnost' i vlast': sud'by rossiyskoyi ntelligentsii: tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu "filosofskogo parokhoda", 4–6 oktyabrya 2002 g. Perm'-Chusovoy* (pp. 332–333). Perm: ПРИПИТ.

2. Gudkov, L. (2019, May 8). Epokha razvitogo militarizma [The era of developed militarism]. *Novaya gazeta*, 49. Retrieved May 4, 2020, from <http://novayagazeta.ru>

3. Ivanova, T.N., & Myagkov, G.P. (2015). Yubileynnye daty kak stimul razvitiya "universitetologii" [Anniversaries as a stimulus for the development of "universitetology"]. *Dialog so vremenem*, 52, 384–389.

4. Kamynin, V.D. (2011). Istoricheskaya pamyat' o Velikoy Otechestvennoy voyne kak factor formirovaniya obshchestvennogo soznaniya [The historical memory of the Great Patriotic War as a factor in shaping of the public consciousness]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, 1(86), 59–65.

5. Kolonitsky, B.I. (2019). Ot mirovoy voyny k grazhdanskim voynam (1917?–1922?) [From world war to civil wars (1917?–1922?)]. *Rossiyskaya istoriya*, 1, 3–24.

6. Malakhov, V.S. (2018). Izobreteniyе traditsii kak mem i kak cherta sotsiokul'turnoy real'nosti: Erik Khobsbaum i yego soavtory v postsovetskom kontekste [Inventing tradition as a meme and as a feature of socio-cultural reality: Eric Hobsbawm and his co-authors in the post-Soviet context]. *Neprikosnovenny zapas*, 3, 236–245. Retrieved May 4, 2020, from https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovenny_zapas/119_nz_3_2018/article/19933/

7. Malinova, O.J. (2017). Kommemoratsiya istoricheskikh sobytiiy kak instrument simvolicheskoy politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza [Commemoration of historical events as a tool of symbolic politics: possibilities of comparative analysis]. *Politiya*, 4(87), 6–22.

8. Mazur, L.N. (2013). *Obraz proshlogo: formirovaniye istoricheskoy pamyati* [The image of the past: Historical memory formation]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta, ser. 2, Gumanitarnyye nauki*, 3(117), 243–256.
9. Miller, A.I. (2009, November 25). *Rossiya: vlast' i istoriya* [Russia: power and history]. Retrieved May 5, 2020, from <https://polit.ru/article/2009/11/25/miller>
10. Miller, A.I. (2020, May 6). *Voyny pamyati vmesto pamyati o voyne. S chem Rossiya i mir prishli k ocherednomu yubileyu Pobedy* [Wars of memory instead of the memory of war. With what Russia and the world came to the next anniversary of Victory]. *Novaya gazeta*. Retrieved May 6, 2020, from <https://novyagazeta.ru/articles/2020/05/05/85240-voyny-pamyati-vmesto-pamyati-o-voyne>
11. Nora, P. (1999). *Problematika mest pamyati* [Problems of places of memory]. In *Frantsiya-pamyat'* (translation from French.) (pp. 17–49). SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
12. Porshneva, O.S. (2005a). *Mezhdistsiplinarye metody v istoriko-antropologicheskikh issledovaniyakh* [Interdisciplinary methods in historical and anthropological research]. Ekaterinburg: Izdatelstvo Ural'skogo universiteta.
13. Porshneva, O.S. (2005b). *Fenomen istoricheskoy pamyati o voyne* [The phenomenon of historical memory of the war]. *Ural'skiy vestnik mezhdunarodnykh issledovaniy*, 4, 112–119.
14. Pryakhin, V.M. (2020). *Kommemorativnyye praktiki kak sovremennyy metod izucheniya istorii Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. v vysshey shkole* [Commemorative practices as a modern method of studying the history of the great Patriotic war of 1941–1945 in higher education]. *Voyna I obshchestvo v XX veke: XXIV vserossiyskiye s mezhdunarodnym uchastiyem istoriko-pedagogicheskiye chteniya* (pp. 285–291). Ekaterinburg.
15. Ragozina, T.E. (2017). *Kul'turnaya pamyat' versus istoricheskaya pamyat'* [Cultural memory versus historical memory]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*, 3(15), 12–21.
16. Repina, L.P. (2015). *Nauka i obshchestvo: publichnaya istoriya v kontekste istoricheskoy kul'tury epokhi globalizatsii* [Science and society: public history in the context of historical culture of the globalization era]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnyye nauki*, 157(3), 55–67.
17. Vasiliev, A. (2012). *Memory studies: yedinstvo paradigmy – raznoobraziye ob'yektov (Obzor angloyazychnykh knig po istorii pamyati)* [Memory studies: unity of paradigm – diversity of objects (Review of English-language books on the history of memory)]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 5. Retrieved May 4, 2020, from https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/117_nlo_5_2012/article/18946/
18. *Vospominaniya vypusknikov i veteranov* [Memories of graduates and veterans]. (2001). Ekaterinburg: UrGUA.

РОССИЙСКАЯ ЭЛИТА В ПОИСКАХ НАЦИИ: ПОЛИТИКА ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ ПАМЯТИ*

Мартьянов Виктор Сергеевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
директор,
кандидат политических наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
ORCID 0000-0002-7747-0022,
E-mail: martianovy@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 07.10.2020, принята к публикации 09.11.2020

Для цитирования: Мартьянов В.С. Российская элита в поисках нации: политика избирательной памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4 (41). С. 54–67. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10404

Аннотация

Проблема ценностной консолидации российской нации состоит в том, что ее фактическим историческим основанием является распад СССР и поражение в холодной войне. Поэтому политические элиты как изобретатели новой российской традиции вынуждены смещать основание российской нации в далекое прошлое абстрактной и противоречивой тысячелетней истории России, по сути исчерпавшее объяснительный, символический и легитимирующий потенциал для современного российского общества. Либо символически фундировать рождение российской нации советским периодом, прежде всего победой в ВОВ. Третьим альтернативным вариантом мог бы стать отказ от всего советского при формировании идентичности нового общероссийского «мы», что осталось после развала СССР нерешенной задачей. Попытки ее решения в 1990-е через антисоветизм и воображаемое при-

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. (проект «Общественное согласие в России и конструирование гражданской идентичности как способ его достижения», рук. академик РАН В. Н. Руденко).

© Мартьянов В.С., 2020

соединение к некому свободному миру оказались провальными. Российские политические элиты так и не смогли осуществить сборку универсальных идеологических координат российской нации как современного общества с опорой на большой исторический нарратив. В результате место центральной ценностной системы занимает непоследовательная риторика, опирающаяся на не менее противоречивую конфигурацию политики памяти, играющей на понижение уровня коллективной идентичности. Актуальные ценности российской нации состоят из партикулярной этики добродетелей, задающей дифференцированные стандарты для разных социальных групп; избирательной легитимации через высшие советские достижения, оторванные от контекста советских ценностей, благодаря которому они были осуществлены. Все это подтверждает отсутствие современного исторического нарратива, который политические элиты могли бы убедительно обосновать через заложенную в нем универсальную иерархию ценностей. Соответственно основания легитимности политического порядка, консолидирующие ценности и новые исторические традиции российской нации остаются ситуативными и локальными с точки зрения принципов воспроизводства большого (модерного) общества.

Ключевые слова:

политика памяти, символическая политика, советское, изобретение традиции, идентичность, легитимация, СССР, российская нация, современное общество.

UDC 323.23

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10404

RUSSIAN ELITE IN SEARCH OF A NATION: SELECTIVE MEMORY POLITICS

Victor S. Martianov,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Director,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-7747-0022,
E-mail: martianovy@rambler.ru

Article received on October 7, 2020, accepted on November 9, 2020

To cite this article: Martianov, V.S. (2020). Rossijskaya elita v poiskah nacii: politika izbiratel'noj pamyati [Russian elite in search of a nation: selective memory politics]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 4(41), 54-67. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10404

Abstract

The problem of the value consolidation of the Russian nation is that its actual historical basis is the collapse of the USSR and defeat in the Cold War. Therefore, political elites, as inventors of a new Russian tradition, are forced to shift the foundation of the Russian nation to the distant past of the abstract and contradictory thousand-year history of Russia, which in fact has exhausted the explanatory, symbolic and legitimizing potential for modern Russian society. Or to symbolically fund the birth of the Russian nation during the Soviet period, primarily by the victory in the Second World War. The third alternative could be the rejection of everything Soviet in the formation of the identity of the new all-Russian “we”, which remained an unsolved problem after the collapse of the USSR. Attempts to solve it in the 1990s through anti-Sovietism and imaginary annexation to some kind of free world proved to be a failure. Russian political elites have never been able to assemble the universal ideological coordinates of the Russian nation as a modern society based on a grand historical narrative. As a result, the place of the central value system is taken by inconsistent rhetoric, based on an equally contradictory configuration of the politics of memory, which plays to lower the level of collective identity. The actual values of the Russian nation consist of a particular ethics of virtues that sets differentiated standards for different social groups; selective legitimation through the highest Soviet achievements, divorced from the context of Soviet values, thanks to which they were realized. All this confirms the absence of a modern historical narrative that political elites could convincingly substantiate through the universal hierarchy of values embedded in it. Accordingly, the foundations of the legitimacy of the political order, consolidating values and new historical traditions of the Russian nation remain situational and local from the point of view of the principles of reproduction of a large (modern) society.

Keywords:

politics of memory, symbolic politics, Soviet, invention of tradition, identity, legitimation, USSR, Russian nation, modern society.

**Современные нации:
изобретенные традиции и политики памяти ограниченного доступа**

В основании ценностного ядра идентичности любого политического сообщества лежит ответ на вопрос «кто мы»? Ответ сглаживает вечные локальные конфликты и структурирует перманентные процессы группообразования (семьи, группы, класса, нации), устанавливая легитимные иерархии идентичностей и отделяя наше сообщество от чужих и врагов. Во временном измерении группообразование опирается на общее прошлое (совместная история), настоящее (легитимность текущих коллективных практик и институтов) и будущее (общие цели). Все вместе они образуют национальный исторический нарратив, повествующий о том, кто мы, откуда и куда идем. Очевидно, что постоянно конструируя национальную память, историческая и политическая наука может только мимикрировать под естественные науки, делая вид, что изучает неизменные социальные факты, оставаясь нейтральной к их вопросам

ценностной интерпретации и проблемам установления правильной иерархии общественных благ. Однако даже факты, запечатленные в документах и архивах, являются не более чем материалом для определенных представлений о прошлом, то есть предметом смысловых интерпретаций в разных классовых, идеологических и иных перспективах, встраиваясь в более широкие контексты и нарративы.

Поэтому единство истории любого народа есть не более чем существующее здесь и сейчас консенсус/согласие большинства с постоянно корректируемой версией прошедшей повседневности многих поколений «мы», объединяемых в семью, класс, народ, нацию, цивилизацию, человечество. Релятивность версий совместной истории, выходящей на рамки живой памяти отдельных людей и поколений, радикализируется неизбежными противоречиями как внутри этого поколения, так и между разными поколениями, локальными группами, классами и народами. Война разных субъектов за коллективную память является бесконечной, а победители в ней только временными. Постоянно меняется не только субъектный состав войн памяти, но и само поле сражения, в котором идет непрерывная переоценка, введение в широкий оборот и забвение символов, событий и деятелей прошлого, составляющих легитимирующие современность кладбища истории.

Политические элиты в качестве фундаментальной задачи воспроизводства современных обществ должны постоянно вырабатывать и подтверждать иерархии идентичностей, в центре которых находится общая история и судьба конкретного политического сообщества, подтверждаемая совместным прошлым, настоящим и будущим. Предполагается, что нация как самоопределяющаяся гражданская общность должна иметь более универсальный и эгалитарный характер, чем актуальные классовые, сословные, этнические, экономические и корпоративные конфликты по поводу доступа разных социальных групп к общественным ресурсам. В противном случае большое общество становится колоссом на глиняных ногах, который может разрушиться в ходе нарастания внутренней конфликтности любого генезиса. Именно такие закономерности распада продемонстрировал поздний СССР, чьи высшие ценности распались под натиском множества локальных интересов и идентичностей, разрушивших советскую иерархию приоритетов.

Любое государство, любой народ обретают единство через главные события/фигуры своей истории. Российская империя, в конечном итоге слинявшая в три дня (В. Розанов), долгие годы опиралась в своем историческом нарративе на официальные высшие ценности православия (истинная вера), самодержавия (император как ее хранитель) и народности (народ-богоносец). Подобная легитимация органична для традиционных аграрных обществ, в которых узаконение настоящего социального порядка осуществляется посредством его соотнесения с вечным и абсолютным. Однако переход к современности закономерно поставил под сомнение подобный тип божественной легитимации политического сообщества, обнаружив множество конфликтующих групп и необходимость выработки динамической модели общественного согласия, связанного с согласительными процедурами коммеморации и выработки общей памяти современного общества. Идея нормальности прогресса и постоянных общественных изменений переместила общественные идеалы современных обществ из вечности в возможное будущее, превратив прошлое и настоящее в его несо-

вершенные черновики. Эти же процессы сформировали политический запрос на объяснительные и легитимирующие функции социально-исторических наук в их нынешнем виде: «наибольшим изменением в реальном социальном мире стало принятие двух доктрин, освященных Французской революцией: нормальности изменения и суверенитета народа. Для участников политического процесса в рамках мир-системы стало необходимым понимать, что именно производило нормальное изменение, дабы обладать способностью ограничивать влияние народных предпочтений на структуры социальной системы. Именно для выполнения этой задачи были изобретены исторические социальные науки и их новый концептуальный язык» (Валлерстайн, 2016, с. 258). Поскольку будущее стало альтернативно в разных классовых и иных перспективах, политика превращается в состязание символических образов движения в будущее, опирающихся на те или иные иерархии ценностей, обещающих расширение возможностей для большинства в сравнении с прошлым. Прошлое превратилось в важнейший ресурс, который в виде бесконечного переизобретения традиции могут использовать господствующие социальные группы и политические элиты: получать из достижений многих предшествующих поколений культурную ренту, тотализировать историю, присваивать вневременное коллективное «мы», ограничивать доступ к прошлому своим оппонентам, якобы подрывающим государственные устои, традиции и основы.

В ситуации культурной универсализации локальных историй, капитализации и накопления ресурсов истории/прошлого нациями-государствами эпохи длящегося Модерна закономерным (и далеко не только российским) становится базовое утверждение, что «у истории может быть только один неделимый субъект (народ, обретший единство благодаря сильному государству), поэтому и право доступа к богатствам национального прошлого может даваться только от лица государства. Лишь оно обладает монопольной привилегией контролировать возможность использования этого ресурса – попытки несанкционированного доступа пресекаются как фальсификации истории и проявления информационной войны» (Калинин, 2013b, с. 204). Таким образом, политическая элита получает практически эксклюзивный доступ к истории как важному источнику своей легитимации в настоящем.

Советский период в политике национальной идентичности: замри, умри, воскресни?

В подобном интеллектуальном контексте важная проблема в деле построения нации состоит в том, что актуальная российская политика все чаще превращается исключительно в политику прошлого или политику памяти, утрачивая символические ресурсы настоящего и будущего. В частности, такой программный политический дискурс как ежегодные послания Президента России по своей тональности является скорее реакцией на происходящее в России и мире, чем попыткой запрограммировать будущее. Изменяться (реформироваться) России необходимо только в связи со сложившимися обстоятельствами, а не для достижения безусловных по отношению к обстоятельствам целей. Временной код закольцован в посланиях на вечное настоящее, которое помимо воли элит превращается в тиранию настоящего времени (П. Вирильо). В посла-

ниях приветствуются только реактивные изменения, обусловленные внешними обстоятельствами и вызовами, в то время как необходимость прогрессивных перемен, детерминированных высшими целями, в посланиях просто отсутствует. Большинство поручений, которые Президент РФ выдает разным органам власти, рассчитаны на ближайшие недели и месяцы, максимум год. Поэтому попытки обозначить стратегию развития на десятилетие оборачиваются закономерным поражением на уровне невозможности формулировки количественных показателей экономических планов на ближайшие годы (Мартьянов, 2009).

Политические элиты за десятилетия, прошедшие с момента распада политического проекта СССР, не сформулировали убедительные высшие ценности, которые сплотили бы российскую гражданскую нацию как сверхценность, преобладающую над всеми остальными партикулярными идентичностями классов и сословий, этносов и религий, поколений и идеологий. И следует отметить, что понимание этой задачи присутствовало у определенной части российских элит: «нужно, чтобы будущее влияло на актуальную политику сильнее, чем прошлое. Нужно диагностировать и корректировать существующее положение с позиций предстоящего. Назовем такой способ оценки и постановки задач «взгляд из утопии», из желательного будущего» (Сурков, 2007).

Парадокс заключается в том, что легитимация социально-политического и экономического порядка современной России, несмотря на понимание правящей элитой необходимости выработки новых высших ценностей (которые к тому же могут расходиться с ее ситуативными и сиюминутными интересами), осуществляется с помощью инструментальных и операциональных ценностей низшего порядка, не предназначенных для воспроизводства и консолидации современных обществ (Мартьянов, Фишман, 2020). В результате легитимация любых действий отечественных элит имеет паллиативный характер, продолжая отсылать в качестве своих конечных оснований к символам прошлого, к политическим проектам, из распада которых возникла современная Российская Федерация. Соответственно ценностное ядро российской политики, призванной консолидировать общество и показать/объяснить своим и чужим, кто мы, остается политикой прошлого, исторической политикой или политической историей. Фундаментальная символическая привязка к прошлому проявляется в том, что наиболее значимыми опорными символами гордости за коллективную идентичность в современном российском сознании остаются главные достижения советского периода, а наибольшие сожаления вызывает распад СССР (Национальная идентичность ..., 2019).

В период СССР общность советского народа конструировалась вокруг двух ключевых событий, имевших судьбоносное значение для сохранения российского народа: Великая Октябрьская Социалистическая революция и Великая Отечественная война (ВОВ). Причем по мере отдаления от 1917 года и сокращения поколения революционеров в позднесоветский период объективно нарастала символическая значимость ВОВ как коллективного исторического свершения народа в последующих поколениях. В постсоветский период революции было отказано в качестве одного из главных объединяющих символов нации. Легитимация постсоветского политического порядка первоначально черпалась в тотальном и механическом отрицании советского проекта и лежащих в его основании коммунитарных и эгалитарных ценностей. Однако позже

выяснилось, что ни постсоветский период, ни история досоветского периода не содержит событий, которые могли бы восполнить символический вакуум отрицания советского сакрального календаря праздничных дат. Попытки реформы и смещения ключевых событий красного календаря, а также введения новых праздничных дат не нашли массовой поддержки (Россияне назвали ..., 2018). Символическая нищета политических символов настоящего и будущего приводит к опоре на прошлое. Над современным российским обществом довлеет неизлечимая социокультурная травма распада СССР и поражения в холодной войне, которая осложняет конструирование позитивной гражданской идентичности в основании новой точки исторического отсчета.

Следует особо отметить, что и советская политика идентичности, которую структурно наследует российская, была внутренне противоречива, особенно в своем позднем периоде. С одной стороны, существовала неоспоримая идеологическая иерархия высших ценностей и политика формирования идентичности новой исторической общности в виде советского народа. С другой – проводилась абсолютно противоположная ей политика создания, поддержания и пестования локальных культурных, исторических и этнических идентичностей, входящая в прямое противоречие с высшими советскими ценностями, предполагающими элиминацию предшествующих ей этнических, культурных, конфессиональных и иных конфликтогенных различий и дифференциаций. Крах высших советских ценностей закономерно направил постсоветскую политику идентичности в направлении распада гражданской общности или большого общества в угоду интересам и привилегиям разнообразных меньшинств – новой буржуазии, бюрократии, силовиков, корпораций, этнических и конфессиональных групп.

Попытки создать новую гражданскую идентичность являются непоследовательными, риторическими и неспешными, так как не имеют в своей основе сильных интегрирующих принципов и ценностей, которые убедительно ограничивали бы партикулярные интересы разных меньшинств. Последние паллиативно заменяются на исторические события, которые, по мнению политической элиты, естественным образом содержат в себе правильные ценности в основе национальной идеи. Очевидно, что подобная позиция ущербна, так как любые исторические события и явления всегда интерпретируются в определенной ценностной перспективе теми или иными политическими субъектами, которые существуют независимо от них.

С течением времени стало окончательно очевидно, что травмирующий распад СССР не может стать объединяющей антисоветской основой для новой России. Однако антисоветизм стал затянувшейся основой исторического нарратива освобождения от империи зла в прочих советских республиках и бывших социалистических странах Восточной Европы. Социокультурная травма распада великой страны была официально признана российской политической элитой лишь в 2000-е, в ходе начавшейся символической инкорпорации советских достижений: «крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века... Эпидемия распада к тому же перекинулась на саму Россию...» (Путин, 2005). В результате не Великая Октябрьская Социалистическая революция или распад СССР, но победа в ВОВ, причем предельно очищенная от высших советских ценностей, становится идеологической точкой отсчета постсоветского политического режима в путинский период. ВОВ

как событие пронизано высшими советскими ценностями, благодаря которым оно стало возможно, будучи неразрывно связано со Сталиным, организующей ролью коммунистической партии, бесклассовым обществом и идеологией советского единства. Все эти ценностные и исторические контексты отвергаются постсоветскими элитами, выхолащивая советские ценностные основания победы в ВОВ. Однако проблема заключается именно в том, что в ВОВ победило территориально, культурно и идеологически другое государство, в которое входили 15 советских республик и в основе которого лежали отвергнутые ныне высшие ценности коммунизма, равенства, интернационализма и т. д. Поэтому подчинение Победы выполнению актуальных для российских элит задач легитимации и консолидации нации на буржуазно-рыночных основаниях является весьма противоречивой задачей по трансформации советской Победы в свою Победу: «сегодняшняя Россия, ее элита и идеологическая обслуга последней имеют... весьма опосредованное отношение к одержанной 75 лет назад Победе. Ровно такое же отношение они имеют к образовавшемуся благодаря Победе новому глобальному соотношению сил, придававших этой Победе столь высокий статус» (Фишман, 2020, с. 51).

Таким образом, провалы в альтернативном конструировании исторической памяти вновь привели российские элиты к необходимости поиска опоры на высшие достижения советского периода, победу в ВОВ и экономические достижения, рельефно обозначаемые выходом в космос. Проблема состоит в том, что эти исторические достижения инкорпорируются вне чуждого современным элитам советского ценностного контекста, который сделал их возможным. Возникает своеобразный парадокс «свой среди чужих, чужой среди своих»: в центре исторической легитимации российского политического режима находятся не просто события предшествующего исторического периода, но и достижения, советский ценностный контекст которых отрицается или замалчивается. При этом попытки опоры не только на наиболее близкий и высший по своим свершениям советский период, а на всю тысячелетнюю историю России оказываются еще более бессильными и лишенными возможности ответить на реальные общественные проблемы, адресуемые в поисках ответов из настоящего в прошлое: «Духовные скрепы», «воля нации», «единая и неделимая тысячелетняя история», несмотря на свой универсалистский пафос, не могут скрыть стоящего за ними частного интереса правящей элиты, компенсирующей пустоту наскоро изобретаемых традиций лишь благодаря риторической возгонке и политическому весу тех, кто взял на себя ответственность «хранить и защищать нашу память» (Калинин, 2013b, с. 213).

Круг трансформации дискурса легитимации, совершенный постсоветскими элитами, оказался очень коротким. Первоначально легитимация нового общественного порядка осуществлялась как антисоветский проект. Предполагалось, что отрицание высших советских ценностей само собой ведет к торжеству универсальных альтернативных ценностей свободного мира и конца истории, которые разделит большинство. Однако рыночные институты и практики оказались выгодны меньшинству, в то время как большинство сгенерировало запрос на социальное государство и преимущественно государственную, внерыночную регуляцию распределения общественных ресурсов, что является долгосрочной тенденцией для всех современных обществ (Фишман, Мартыянов, Давыдов, 2019).

Реализация указанных трендов в путинский период привела к формированию довольно устойчивого статус-кво. В результате любые изменения достигнутого равновесия рассматриваются и элитами, и ключевыми социальными группами скорее как угрозы, чем возможности улучшить свое положение. Перестроечный дискурс перемен и транзита к глобальному либерально-рыночному обществу довольно быстро разочаровал большинство в качестве оснований новых высших ценностей, закономерно уступив место ценностям безопасности и стабильности, державности и возвращения к основам. Всплеск массовой политической активности сменился пассивным обществом спектакля, где большинству отведена преимущественно роль зрителей при формулировании приоритетов и интересов национально-государственного уровня. В результате все ключевые «символы отсылают к единству, которого нет, а старое в их наборе кентаврически соединено с новым... В таком контексте любые фундаменталистские поиски мифического «начала», кто бы их ни инициировал, обречены остаться безрезультатными. Поскольку координаты не заданы, а идея особого пути лишь подчеркивает границу («особый»), но не содержит энергетическую семантику движения, то и оценка правильности-неправильности курса, как его ни понимай, с годами становится лишь все более неопределенной» (Дубин, 2011, с. 21).

Дискурс будущего, предлагающий альтернативы настоящему, уходит из активного ядра политической повестки: «произошла радикальная перемена в восприятии исторического времени: на смену «режиму историчности», при котором образ будущего придавал смысл истории, высвечивая, как прожектором, то главное, что происходило в прошлом и настоящем, пришел так называемый презентизм – время вечного настоящего, неопределенного будущего и распавшегося на фрагменты прошлого. Такое восприятие прошлого создает благоприятные возможности для выражения партикулярных идентичностей и подъема этнопопулизма – что мы и наблюдаем в последнее время в большинстве стран, хотя и в разной степени и в разных формах. В условиях распада проекта будущего партикулярные идентичности приобретают силу логической очевидности, какой на протяжении двух последних столетий обладала либеральная демократия (а для некоторых – коммунизм)» (Копосов, 2011, с. 256–257).

Политическая риторика элит стремительно десубъективизируется и приобретает перформативные признаки, свойственные позднесоветскому политическому дискурсу (Юрчак, 2014). Все стратегии развития обнаруживают отсутствие количественно фиксируемых целевых показателей, что позволяет периодически отодвигать горизонты планирования на более отдаленные даты. Центральным принципом российской политики становится ситуативное реагирование на внутренние и внешние вызовы и угрозы интересам политических элит: «отсутствие собственного исторического проекта, через осуществление которого могла бы реализовываться политическая субъективность, компенсируется за счет паразитирования на прошлом. В этом смысле активизация исторической политики есть симптом исчезновения политического, когда вопрос о политической идентичности периформулируется как вопрос о принадлежности к исторической традиции. Вопрос о политической субъектности индивида или сообщества снимается через обращение к «генному коду» (Калинин, 2013а, с. 194).

Паллиативным вариантом легитимации социально-политического порядка становится обращение к архаической этике добродетелей, которая формулирует

требования к человеку как члену локальных общностей (кланов, корпораций, классов, сословий). Это позволяет узаконить разницу в полезности членов разных сообществ для государства и соответствующую дифференциацию доступных им конфигураций прав и ресурсов. Подобная структура ресурсно-сословной социальной стратификации возвращает к феодальным принципам оправдания социального неравенства, когда представители разных сословий не сравниваются между собой по универсальным для всех граждан критериям. Это позволяет ослабить интенсивность межгрупповой конфликтности, но не решает фундаментальной проблемы фактического полураспада большого общества. Наличие двойной системы отсчета и в виде универсальной общегражданской этики принципов, и этики добродетели, оправдывающей сословные привилегии, создает пространство двойных стандартов. В рутинной ситуации политические элиты могут выбирать в зависимости от контекста удобные для них критерии аргументации и принятия решений, выстроенные в логике этики добродетели. Однако рост внутреннего напряжения в обществе и выход на принципиальные вопросы общественного устройства принуждает обращаться к высшей, сакральной легитимности, которая может быть получена только в виде развертывания публичного дискурса, опирающегося на универсальные, общегражданские принципы, которые практически невозможно совместить с избирательными сословными практиками.

Заключение

Вынужденным фокусом современной российской политики все чаще становится политика памяти или историческая политика, в то время как утопическая устремленность в будущее, характерная для модерной идеи прогресса, постепенно отходит на периферию политической повестки. Причинами этого стали и социокультурная травма рождения российской нации, и сложившееся в российском обществе status-quo – неустойчивый баланс между потребностями ключевых социальных групп в социальном государстве и отвечающей на этот запрос патерналистской политикой госрегулирования. В результате образ будущего уходит из российской политики, а стратегические планы и концепции развития страны предстают предельно размытыми по своим целям и постоянно сдвигаются в неопределенное будущее: сначала на 2008 г., потом на 2020 г., и далее – на 2030 г. После цикла общественных потрясений конца 1980-х–1990-х любые изменения и реформы начинают восприниматься массовым сознанием скорее как тревожные угрозы и вызовы, чем потенциальные возможности. Аналогичные настроения характерны и для политических элит, отвечающих на массовые неврозы риторикой безопасности и предотвращения угроз. При этом ключевые символы национальной идентичности черпаются из модерного советского XX века (Победа в ВОВ, социальное государство, индустриализация, космос и т. д.), а дореволюционный период предстает как утраченный высший исторические символы и смыслы для массового сознания в XXI веке. При этом актуальная реабилитация наследия послевоенного СССР полна внутренних противоречий, которые не позволяют убедительно представить их вне коммунистического и эгалитарного идеологического контекста, благодаря которому и стали возможны высшие советские достижения.

Основной антиномией российской политики прошлого и сопутствующих попыток создания российской нации остается отношение к советскому периоду: «Советское» непригодно к включению в какой бы то ни было синтез... по причине своей тотальности. Если мы действительно хотим создать российскую политическую нацию, «советским» надо пожертвовать» (Каспэ, 2009b, с. 35). Дилемма остается неразрешимой, поскольку советский период остается слишком привлекателен для легитимационной ренты элит. В то же время полный отказ от советского, который политические элиты пытались оформить в 1990-е, окончился крахом, обнаружившим у правящего класса вызывающее отсутствие эквивалентных идеологических альтернатив для воспроизводства большого современного общества. Более того, в ключевых европейских обществах привычный дискурс национальной идентичности формировался в раннемодерный период становления наций, чье начало знаменовалось великими буржуазными революциями. Поэтому попытка построить дискурс российской национальной идентичности, выхолостив самый современный (при всех противоречиях) советский период истории, инициированный Великой Октябрьской социалистической революцией, – задача воистину нетривиальная.

Российские политические элиты не смогли выработать сакральные основания нового политического порядка и новой российской нации. Поскольку эти основания необходимым образом выходят за рамки чьих-то конкретно-исторических интересов, настойчиво требуя серьезных жертв и доказательств самоотречения во имя высших целей, которые имеют не менее высокую цену своего достижения (Каспэ, 2009a, с. 22). А поскольку жертвовать и ограничивать себя в настоящем и будущем элитам совсем не хочется, то мы наблюдаем попытку обмануть историю и самих себя, представив дело так, что для обретения новой национальной идентичности достаточно самого факта жертв, принесенных в прошлом. И при этом не столь важно, во имя чего они были принесены. Ведь главное, что наши предки за цену не постояли, а значит, мы автоматически достойны считаться равными им, вне зависимости от той идеологии и высших ценностей, которыми эти жертвы обосновывались.

Парадокс состоит в том, что российское общество не испытывает явного дискомфорта от отсутствия общих высших ценностей в основе актуальной общегражданской идентичности. Отчасти это объясняется тем, что постсоветское общество паллиативно переключилось на социальную регуляцию с помощью ценностей более низкого порядка (локальных, сословных, корпоративных), которые не предназначены для воспроизводства современных наций-государств, базирующихся на универсальных ценностях. Тем не менее, институционализация политики памяти со стороны российских политических элит наталкивается на растущую неподконтрольность альтернативных исторических нарративов, транслируемых в Интернете и социальных сетях. В результате инерция играющих на понижение политик памяти и символов идентичности воспроизводит в основании российского политического порядка все те же конфликтные логики добродетели, интересы и предпочтения отдельных сословий, этносов и меньшинств, которые взорвали СССР как этнонациональную федерацию и очертили постсоветские политические границы. В настоящее время сакральные ценности российской политической нации не сформулированы публично, недвусмысленно и в форме универсальной иерархии приоритетов. В результате мы имеем дело

преимущественно с избирательной политикой памяти – двойными и тройными стандартами легитимации коллективных интересов, которые ситуативно работают для социальной регуляции отдельных локальных общностей, но не интегрируют российскую нацию в универсальном ценностном контексте, создавая единую (модерную) систему идеологических координат.

Список литературы

1. Дубин, Б. (2011). Символы возврата вместо символов перемен. *Pro et contra*, 5, 6–22.
2. Валлерстайн, И. (2016). *Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789*. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке.
3. Калинин, И. (2013а). Нехватка политической субъективности, или Исторический photoshoping. *Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре*, 1, 192–203.
4. Калинин, И. (2013б). Прошлое как ограниченный ресурс: историческая политика и экономика ренты. *Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре*, 2, 200–214.
5. Каспэ, С.И. (2009а). Политическая нация и ценностный выбор: общие положения, российский случай. Ч. 1. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, 2, 5–26. doi: 10.30570/2078-5089-2009-53-2-5-26
6. Каспэ, С.И. (2009б). Политическая нация и ценностный выбор: общие положения, российский случай. Ч. 2. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, 4, 5–39. doi: 10.30570/2078-5089-2009-55-4-5-39
7. Копосов, Н.Е. (2011). *Память строгого режима. История и политика в России*. Москва: Новое литературное обозрение.
8. Мартьянов, В.С. (2009). Прогностика дальнего прицела: в поисках будущего для России и мира. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, 4, 61–74. doi: 10.30570/2078-5089-2009-55-4-61-74
9. Мартьянов, В.С., Фишман, Л.Г. (2020). Советская мораль: от высоких ценностей к «криминальной революции»? *Новый мир*, 3, 135–149.
10. *Национальная идентичность и гордость. Опрос Левада-центра* (2019, 17 января). Взято 1 октября 2020, с <https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/>
11. Путин, В.В. (2005, 25 апреля). *Послание Президента Российской Федерации*. Взято 1 октября 2020, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36354>
12. *Россияне назвали свои любимые праздники* (2018, 31 октября). Взято 1 октября 2020, с <https://tass.ru/obschestvo/5740556>
13. Сурков, В. (2007). Русская политическая культура. *Стратегия России*, 7. Взято 1 октября 2020, с http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1185274722&archive=1185275035&start_from=&ucat=14&
14. Фишман, Л.Г. (2020). Наша не наша Победа. *Дискурс-Пи*, 2(39), 48–59. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10203
15. Фишман, Л.Г., Мартьянов, В.С., Давыдов, Д.А. (2019). *Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии*. Москва: Изд. дом Высшей

школы экономики. doi: 10.17323/978-5-7598-1913-4

16. Юрчак, А. (2014). *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. Москва: Новое литературное обозрение.

References

1. Dubin, B. (2011). Simvoly vozvrata vmesto simvolov peremen [Symbols of return instead of symbols of change]. *Pro et contra*, 5, 6–22.
2. Fishman, L.G. (2020). Nasha ne nasha Pobeda [Our/not our Victory]. *Discourse-P*, 2(39), 48–59. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10203
3. Fishman, L.G., Martyanov, V.S., & Davydov, D.A. (2019). *Rentnoye obshchestvo: v teni truda, kapitala i demokratii* [Rent Society: In the Shadow of Labor, Capital and Democracy]. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics. doi: 10.17323/978-5-7598-1913-4
4. Kalinin, I. (2013a). Nekhvatka politicheskoy sub"yektivnosti, ili Istoricheskiy photoshopping [Lack of Political Subjectivity, or Historical Photoshopping]. *Neprikosnovennyy zapas: Debaty o politike i kul'ture*, 1, 192–203.
5. Kalinin, I. (2013b). Proshloye kak ogranichennyy resurs: istoricheskaya politika i ekonomika renty [The past as a limited resource: historical politics and the economics of rent]. *Neprikosnovennyy zapas: Debaty o politike i kul'ture*, 2, 200–214.
6. Kaspe, S.I. (2009a). Politicheskaya natsiya i tsennostnyy vybor: obshchiye polozheniya, rossiyskiy sluchay. Ch. 1. [Political Nation and Value Choice: General Provisions, Russian Case. Part 1]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*, 2, 5–26. doi: 10.30570/2078-5089-2009-53-2-5-26
7. Kaspe, S.I. (2009b). Politicheskaya natsiya i tsennostnyy vybor: obshchiye polozheniya, rossiyskiy sluchay. Ch. 2. [Political Nation and Value Choice: General Provisions, Russian Case. Part 2]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*, 4, 5–39. doi: 10.30570/2078-5089-2009-55-4-5-39
8. Koposov, N.E. (2011). *Pamyat' strogogo rezhima. Istoriya i politika v Rossii* [Memory of the strict regime. History and politics in Russia]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.
9. Martyanov, V.S. (2009). Prognostika dal'nego pritsela: v poiskakh budushchego dlya Rossii i mira [Predicting Long Range Sight: In Search of the Future for Russia and the World]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*, 4, 61–74. doi: 10.30570/2078-5089-2009-55-4-61-74
10. Martyanov, V.S., & Fishman, L.G. (2020). Sovetskaya moral': ot vysokix cennostej k "kriminal'noj revolyucii" [Soviet morality: from high values to a "criminal revolution"?]. *Novyy mir*, 3, 135–149.
11. *Natsional'naya identichnost' i gordost'. Opros Levada-tsentra* [National identity and pride. Levada Center survey] (2019, January 17). Retrieved October 1, 2020, from <https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/>
12. Putin, V.V. (2005, April 25). *Poslaniye Prezidenta Rossiyskoy Federatsii* [Message from the President of the Russian Federation]. Retrieved October 1, 2020, from <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36354>
13. *Rossiyanе nazvali svoi lyubimyye prazdniki* [The Russians named their

favorite holidays] (2018, October 31). Retrieved October 1, 2020, from <https://tass.ru/obschestvo/5740556>

14. Surkov, V. (2007). Russkaya politicheskaya kul'tura [The Russian political culture]. *Strategiya Rossii*, 7. Retrieved October 1, 2020, from http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1185274722&archive=1185275035&start_from=&ucat=14&

15. Wallerstein, I. (2016). *Mir-sistema Moderna. Tom IV. Triumf tsentristskogo liberalizma, 1789* [Modern World-System. Volume IV. Triumph of centrist liberalism, 1789]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke.

16. Yurchak, A. (2014). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Posledneye sovetskoye pokoleniye* [It was forever until it was over. The last Soviet generation]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.

КЛАДБИЩА КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА: МЕМОРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ПАРКАХ СРЕДНЕГО УРАЛА *

Воробьева Мария Владимировна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
научный сотрудник, кандидат культурологии,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-8093-0878,
E-mail: vorobyova-mariya@yandex.ru

Рабинович Евгений Ильич,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
доцент кафедры культурологии и социально-культурной
деятельности,
кандидат культурологии,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0001-7718-8564,
E-mail: svet-evg@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.06.2020, принята к публикации 28.09.2020

Для цитирования: Воробьева М.В., Рабинович Е.И. Кладбища культуры и отдыха: мемориальная культура и политика памяти в парках Среднего Урала // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4 (41). С. 68–85. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10405

* Исследование выполнено за счет средств гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-411-660005 «Специфика конструирования гражданской ответственности в 1920–2010-х гг. на материале публичных парковых пространств г. Свердловска/Екатеринбурга».

© Воробьева М.В., Рабинович Е.И., 2020

Аннотация

Статья посвящена тому, как государственная политика памяти современной России воплощается в парковых пространствах (парках, скверах) городов Среднего Урала и какие тенденции для неё характерны. Цель статьи – раскрыть трансформацию парковых пространств под влиянием российской государственной политики памяти.

Для достижения цели статьи авторы реконструируют историю парковых пространств на примере Среднего Урала советского и постсоветского периодов, рассматривая историко-культурные процессы в аспекте дистанцирования от парков мемориальных объектов или агрессивного проникновения в них. Выделены ключевые этапы истории парковых пространств: 1) раннесоветский этап (1920–1930-е годы), вызвавший к жизни первые мемориальные объекты и места памяти в духе ленинского плана монументальной пропаганды; 2) послевоенный этап (вторая половина 1940-х – начало 1950-х годов), давший начало сталинскому мифу о войне и его осуществлению в политике памяти; 3) позднесоветский этап (вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х годов), связанный с расцветом мифа о войне и масштабной кампанией по увековечиванию победы; 4) постсоветский этап (с начала 2000-х годов по настоящее время), активизировавший политику памяти, которая включила в себя реанимированный миф о войне, а также породила новые мемориальные культы и коммеморативные практики.

Проведённое исследование позволило сделать следующие выводы: в результате реализации актуальной государственной политики памяти коммеморативная функция парковых пространств Среднего Урала постепенно ущемляет рекреационную функцию, а парки и скверы всё более становятся местами коммеморации. Данная ситуация закладывает основу будущих конфликтов между разными группами посетителей парков и горожан в целом. Также создаются сложности для модернизации парковых пространств, поскольку не только сами мемориальные объекты, но и зоны вокруг них воспринимаются как территории градостроительного покоя, а размеры площадей символических зон покоя оцениваются крайне субъективно. Вместе с тем, наличие мемориальных объектов в парковых пространствах выступает своеобразным гарантом физической сохранности последних, охраняя от застройки и, в конечном счёте, уничтожения.

Ключевые слова:

политика памяти, государственная политика памяти, места памяти, мемориальная культура, практики коммеморации, ритуальные площадки, парки и скверы, Средний Урал.

RECREATION CEMETERIES: CULTURE OF REMEMBRANCE AND POLITICS OF MEMORY IN THE PARKS OF THE MIDDLE URALS

Maria V. Vorobyeva,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
PhD (Cultural Studies), Research Fellow,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-8093-0878,
E-mail: vorobyova-mariya@yandex.ru

Evgeny I. Rabinovich,

Ural Federal University,
PhD (Cultural Studies), Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0001-7718-8564,
E-mail: svet-evg@mail.ru

Article received on June 9, 2020, accepted on September 28, 2020

To cite this article: Vorobyeva, M.V., & Rabinovich, E.I. (2020). Kladbishcha kul'tury i otdyha: memorial'naya kul'tura i politika pamyati v parkah Srednego Urala [Recreation cemeteries: culture of remembrance and politics of memory in the parks of the Middle Urals]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 4(41), 68–85. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10405

Abstract

The article is devoted to the implementation and trends of the state politics of memory in modern Russia. The authors used the parks and squares of the cities of the Middle Urals as the research material. The purpose of the article is to reveal the transformation of parks and squares under the influence of the Russian state politics of memory.

The authors reconstructed the history of parks and squares in the Middle Urals of the Soviet and post-Soviet periods to achieve the goal of the article. Historical and cultural processes are considered in the aspect of distancing memorial objects from parks or aggressive penetration into them.

Key stages in the history of parks and squares are highlighted: 1) the early Soviet stage (1920-1930s) gave rise to the first memorial objects and places of memory in the spirit of the plan of monumental propaganda, which appeared after the revolution; 2) the post-war stage (the second half of the 1940s – the early 1950s) gave rise to the myth of war and its realization in politics of memory; 3) the late Soviet stage (the second half of the 1960s –

the first half of the 1980s) is associated with the heyday of the myth of war and a large-scale campaign to perpetuate the victory; 4) the post-Soviet stage (from the early 2000s to the present), activated the politics of memory. Modern Russian politics of memory has included a reanimated Soviet myth of war, as well as spawned new memorial cults and commemorative practices.

The study led to the following conclusions: the commemorative function of parks and squares in the Middle Urals impairs the recreational function. Parks and squares become places of commemoration as a result of the implementation of the modern state politics of memory. This situation creates the basis for future conflicts between different groups of park visitors. In addition, memorial objects and areas around them are perceived as free from development of the territory, and the size of these symbolic zones is highly subjective. This creates difficulties for modernizing the spaces of parks and squares. At the same time, the presence of memorial objects in parks and squares acts as a kind of guarantee of their preservation, because it protects parks and squares of development and destruction.

Keywords:

politics of memory, state politics of memory, realms of memory, culture of remembrance, commemoration practices, ritual sites, parks and squares, the Middle Urals.

Введение

Сложно отрицать значение мест рекреации – общения, отдыха, развлечения, занятий спортом – для городской повседневности. Тем более, если к ним прибавляется взаимодействие с природой, редкое для жителя города. Поэтому величина, состояние, структура, благоустройство разнообразных парковых пространств в городе (парков, скверов) важны, сказываясь на качестве жизни каждого горожанина.

Говоря об идеологической политике современного российского государства, исследователи фиксируют, во-первых, существенную активизацию, вызвавшую её проникновению в места, казалось бы, довольно далёкие от политики – пространства городской повседневной жизни, среди которых находятся парки и скверы, а, во-вторых, сращивание с политикой памяти (Копосов, 2011, с. 137, 143). Наша статья посвящена тому, как государственная политика памяти современной России реализуется в парковых пространствах городов Среднего Урала, какие тенденции ей присущи и какое влияние она оказывает на эти пространства, трансформируя последние.

В многочисленных научных публикациях, порождённых сравнительно недавним ростом исследований разнообразных видов коллективной памяти, употребляются такие понятия, как «символическая политика», «политика памяти», «государственная политика памяти», «культурная память», «национальная память», «мемориальная культура» и т. д. Во избежание разночтений, вызванным наличием большого количества толкований данных понятий, приведём определения тех, которые важны для достижения цели нашей статьи. Под политикой памяти будем понимать «целенаправленную деятельность по репрезентации

определённого образа прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных (речи политиков, учебники истории) и визуальных (памятники, государственная символика) практик»; при том цель политики памяти выступает в создании такого набора образов прошлого, который бы позволил консолидировать общество, снизить возможные противоречия между разными его частями и наиболее эффективно представить образ государства на международной арене (Аникин, 2012, с. 36). В свою очередь, государственная политика памяти – такая форма политики памяти, основным субъектом которой является государство, проводящее соответствующую политику в своих интересах (Беляев, Линченко, 2016). Что касается мемориальной культуры, то, вслед за А. Ассман, станем под ней подразумевать «совокупность форм и средств культурной мнемотехники, с помощью которой группы или культуры выстраивают собственную коллективную идентичность и свою ориентацию во времени» (Буллер, Линченко, 2019, с. 7). Наконец, пользуясь наработками Ф.Б. Шенка (2007), местом памяти будем считать «место в географическом, временном или символическом пространстве, «символическую фигуру», значение которой может меняться в зависимости от контекста её употребления, передачи, привлечения и восприятия» (с. 12). Логично при этом предположить, что места памяти входят в состав мемориальной культуры.

Многие современные уральские парки по причине недофинансирования и чрезвычайной архаичности предлагаемых публице форм досуга, нередко практически повторяющих досуговые технологии начала XX века (см. Открытие сада народных развлечений, 1916, с. 3; Кухер, 2012, с. 41), всё чаще становятся ностальгическими пространствами памяти о советских парках. Это положение стало следствием того, что большинство парков появилось в советский период, их структура – если она ещё прослеживается среди природы, занимающей место культуры – отражает, как правило, планировку 1930-х или 1950-х годов. В руинированном виде фиксируются (при отсутствии более современных объектов – доминируют) скульптуры, арки входа, «малые архитектурные формы», урны, фонтаны, клумбы периода первых пятилеток или позднесталинского стиля. Подобная ситуация поневоле формирует такую основу идентичности парка, при которой руины советского парка начинают восприниматься в качестве исторической ценности, подлежащей сохранению и консервации, а сам парк позиционироваться как памятник эпохе, «парк советского периода». Неудивительно, что в этом окружении возникновение мемориальных объектов, увеличение их количества и превращение в главное содержание данного пространства выглядит органично и по-своему убедительно.

В современной российской провинции парковая мемориальная культура не только наследует советской традиции, но идёт дальше. Советские памятники Ленину, Сталину, Пушкину, скульптуры, изображающие девушку с веслом, пионера-горниста и проч., бесспорно, не были связаны с поминальным культом или культом смерти. Актуальные же парковые мемориальные практики, претендующие на формирование традиции, связанная с ними политика памяти всё больше акцентируют внимание на героизации подвига, приведшего к смерти героя. Послевоенная советская парковая традиция назначения гением места героев Великой Отечественной войны расширяется до максимально возможных пределов, включая в пантеон героев погибших участников любых сверхорди-

нарных событий. И подобное положение в целом не вызывает удивления, если, с одной стороны, принять во внимание такие особенности коллективной памяти наших дней, как криминализацию и виктимизацию прошлого, превращающую историю в цепь преступлений и катастроф, с другой стороны – сопротивление правящих кругов данным процессам, ибо так увиденная история непригодна для патриотического воспитания и сплочения населения (Копосов, 2011, с. 52–54). История, ощущаемая как цепь катастроф и преступлений, даёт преувеличенную тягу к показу жертв и трагических смертей, а стремление правящих кругов превратить историю в базу для воспитания людей в духе лояльности власти, делает жертвы и смерти образцом для подражания и молчаливым укором для тех, в пользу кого были принесены жертвы (Адоньева, 2009, с. 256–257, 260).

Чтобы понять, благодаря чему сложилась подобная ситуация, что дало начало тенденции превращения парков в места памяти и пространства меморации, нужно исследовать историю парков советского и постсоветского периодов. Рассмотрим её и связанные с ней практики создания мемориальных объектов на примере Среднего Урала в контексте дистанцирования от парковых пространств или, напротив, агрессивного проникновения в них, попробуем вычленить ключевые периоды в интересующем нас процессе.

Результаты исследования

Первый мемориальный объект возник в советском Екатеринбурге спустя год после одного из важнейших довоенных событий, ставшего праздником – «освобождение Урала от Колчака» (1919 год). Надо отметить, что этот мемориальный объект был одним из многих подобных, стремившихся увековечить память жертв революции и Гражданской войны, начало которым, по всей видимости, положило захоронение в 1917 году на Марсовом поле в Петрограде останков погибших в февральских уличных беспорядках и воздвижение над могилами временного мемориального сооружения, реконструированного в начале 1920-х годов (Адоньева, 2009, с. 226–227). Памятник «Освобождённому человечеству» скульптора С.Д. Эрзи в Екатеринбурге представлял собой обнажённую женскую фигуру, символизовавшую свободу, возлежащую на шаре (планета Земля) и был сооружён в качестве памятника уральским коммунарам на месте коллективного захоронения жертв Гражданской войны (площадь Коммунаров) (Звагельская, (2007, с. 516). Через несколько лет памятник уберут, поскольку он начал казаться излишне авангардным, вызывающим теперь вместе с другими памятниками раннего агитационного искусства смешанную гамму чувств смущения и иронии (О голом человеке в Свердловске, 1926, с. 3). В последующие годы к памятным датам (1949 и 1959 годы) его сменяют стандартные памятные объекты, перерастающие в мемориальный комплекс с «Вечным огнём». Наиболее значимо для нас то, что этот главный для «столицы Красного Урала» мемориальный объект выносятся за пределы города – фактически захоронение коммунаров и фиксирующий его мемориал расположены вне границ тогдашнего Екатеринбурга. Относительно недалеко от мемориального объекта существовало старое Ивановское кладбище, новый объект стал его органическим дополнением. Высаженные и выросшие со временем деревья образуют вокруг мемориального комплекса зону покоя, опять же включая его в рамки кладбищенской традиции.

В этом есть смысл: новый сакральный объект воспринимается как отражение вечности, его ценность неподвластна времени, поэтому он вынесен за пределы сферы повседневных забот.

Вместе с тем, в парках и скверах Екатеринбурга/Свердловска 1920-х годов подобные объекты не фиксируются. Несмотря на все административные попытки внедрения политико-пропагандистских практик в парковые пространства города, последние преимущественно остаются пространствами рекреации. Таковы главные парки города: бывший Харитоновский парк и сад им. Вайнера, в котором ещё долго сохраняется дореволюционная скульптура – игриво поднявшая ножку античная богиня (Рабинович, 2019, с. 985–994). Сады и парки Екатеринбурга/Свердловска не выступают местами памяти и пространствами коммеморации, они реализуют функции рекреации трудящихся и параллельно служат пропаганде, однако пропаганде мобильной и динамичной (лекции, массовки, концерты), устремлённой в будущее, а не в прошлое.

В небольших городах и посёлках Среднего Урала ситуация могла быть несколько отлична, как минимум, по причине меньшей вариативности выбора места для расположения мемориальных объектов из-за небольшой величины обитаемой территории. Здесь мемориальные объекты могли размещать как в центре, так и на условном месте боёв Гражданской войны, либо выносить за пределы городской/поселковой черты. Классический пример – массовое производство и установка скульптуры-надгробия «Героям, павшим за революцию». Скульптура Г. П. Валёноква и К. А. Клодта представляла собой фигуру уральского рабочего, держащего в одной руке винтовку, а в другой – молот. Скульптура была отлита на Каслинском заводе и в период с 1922 по 1929 годы установлена во многих уральских городах (Ревда, Сысерть, Златоуст и другие). Финальным этапом стала установка монумента в городе Полевской (1929 год) (Алексеев и др., 2008, с. 38–40). В последнем варианте мы видим, на первый взгляд, ситуацию, которую допустимо трактовать как попытку соединения парковых пространств и мест памяти. На возвышающейся над городом горе Думной в братской могиле похоронили жителей города, погибших в Гражданской войне, и в ознаменование десятилетия победы над Колчаком воздвигли скульптуру рабочего с винтовкой и молотом, снабжённую надписью «Павшим героям за свободу». К мемориалу ведёт аллея, окружающая его территория густо поросла кустарником и деревьями. Мы можем увидеть здесь формальные признаки парка/сквера, но в реальности данное пространство не сквер и не парк, поскольку это не досуговое пространство и место рекреации. Здесь отсутствуют объекты, маркирующие пространство как место массового отдыха. Мемориальный комплекс на горе Думной можно считать классическим местом памяти с характерными для него практиками: здесь допустимо проводить митинги или проводить обряды перехода (посвящение в пионеры). Растительность, окружающая мемориал, не указывает на парковость, а, скорее, выступает маркером кладбищенской территории. Таким образом, в 1920-е годы политика памяти осуществляется преимущественно вне парковой зоны, отведённой под настоящее и будущее, но репрезентируется и каменеет в пригородных монументах, являющих собой либо приобщение к сакральному прошлому, либо к безвременью вечности.

В 1930-е годы логика выбора пространств реализации государственной политики памяти в целом не меняется. Сплошная проработка протоколов за-

седаний первичной партийной ячейки Центрального парка культуры и отдыха г. Свердловска с 1934 по 1944 годы не позволила нам обнаружить наличие даже единичных попыток основать в парке ритуальные площадки с памятными объектами и организовать коммеморативные практики (см. Центр документации ..., 1934–1944). Это достаточно важно, поскольку ЦПКиО им. В. Маяковского в Свердловске – изначально и до 1934 года – главный парк огромной Уральской области. Но и позднее ЦПКиО им. В. Маяковского остаётся наиболее статусным парком Урала, на политику которого ориентируются другие уральские парки.

В уральских парках 1930-х – первой половины 1940-х годов в пропорции, колеблющейся в ту или иную сторону, сочетаются идеологически относительно нейтральная скульптура и малые архитектурные формы (скульптурные изображения спортсменов, детей, животных; гипсовые вазоны и т. п.) с обязательным набором памятников политическим деятелям (Сталин, Ленин, Киров и др.). Так, в ЦПКиО им. В. Маяковского в Свердловске мы встретили бы памятники, изображающие Сталина с газетой в руке, Ленина и Сталина, беседующих на скамейке в Горках, Кирова, Дзержинского, фонтан «Мальчик с рыбой», скульптуры в виде оленей и журавлей, вездесущие вазоны. Мемориальную скульптуру или памятники, воспевающую подвиг погибших, по той или иной причине мы там не увидим (Рабинович, 2019, с. 1017–1042). Подобная ситуация типична и для других парковых пространств.

Ситуация поменяется во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов, демонстрирующих явную активизацию государственной политики памяти. Миф о войне, начавший целенаправленно формироваться ещё в годы Великой Отечественной войны, настаивающий на внезапности нападения на СССР, маскирующий поражения в начале войны, подающий советский народ как единый организм, сумевший под мудрым руководством партии и лично Сталина мобилизоваться, дать отпор хитрому, жестокому врагу и т. п. (Копосов, 2011, с. 91), требовал своего воплощения в вещественных формах – а именно в формах памятников и мемориалов. Овеществовать нужную власти версию истории нужно было ещё и потому, что чересчур свежей оставалась в памяти людей реальная повседневность войны и тяжёлой жизни в тылу, слишком контрастировавшая с «парадной» версией войны (Гудков, 2005). Непосредственно после Великой Отечественной войны были предприняты первые попытки воздать должное тем, кто совершал подвиги или просто погиб в ходе военных действий. Впрочем, примеры редки и реализованы в логике, сформированной политикой памяти 1920–1930-х годов, практически не затрагивая парковые пространства (см., напр., Звагельская, 2008, с. 324).

В середине 1960-х годов, к двадцатилетнему юбилею победы, начал реализовываться масштабный план по увековечиванию памяти героев Великой Отечественной войны. Этот план в целом был связан с корректировкой идеологии власти, которая после смены правящего лидера нуждалась в самолегитимации. Самолегитимация новая правящая команда обрела в обращении к прошлому, а именно к военному мифу, частично оспоренному за годы хрущёвской «оттепели», однако впоследствии не только восстановленному (Копосов, 2011, с. 99), но и приобретшему немало средств для лучшего внедрения в сознание людей – разнообразные памятники и ритуалы, произведения литературы, кинематографа, живописи, программы телевидения и т. д. (Дубин, 2008). Как отмечали, говоря

о специфике корректировки государственной идеологии в 1960-е годы П. Вайль и А. Генис (1996), «будущее нуждалось в прочном фундаменте. Но что может быть прочнее 20 миллионов павших? Война обладала всеми достоинствами очевидного факта. <...> Значит, несмотря на все преступления социалистического строя, он выдержал грозную проверку» (с. 92). Любопытно при том, что основания расцвета разнообразных ритуальных практик, сопровождавших брежневскую редакцию мифа о войне, были заложены ещё в предыдущий «оттепельный» период, повернувший пропаганду в сторону большего эмоционального воздействия на людей, что подразумевало изобретение новых традиций и гражданских ритуалов (Копосов, 2011, с. 97–98).

Что касается интересующего нас формирования мест памяти и ритуальных площадок, то и первое, и второе получили большое развитие именно со второй половины 1960-х годов. Скромные обелиски-кенотафы с фамилиями погибших, устанавливаемые в конце 1940-х – начале 1950-х годов, а также чуть более представительные памятники (устанавливаемые за счёт средств, собранных местным населением), сменились грандиозными мемориальными комплексами, выполненными командами профессиональных работников искусства (например, комплексы в Ленинграде, Сталинграде, Бресте, Курске и др.) и профинансированными государством (Конрадова Н., Рылева А., 2005). Именно в то время широко распространились хорошо известные любому современному россиянину мемориалы с «Вечным огнём», фигурами солдата, Родины-матери и др.

Если памятники революции и Гражданской войны почти не отразились на структуре парков, то мемориализация героев Великой Отечественной войны оказала намного большее воздействие, распространившееся на всю страну. Типичным примером для Среднего Урала можно признать парк Победы в городе Ревде. Парк был заложен к двадцатилетнему юбилею Победы, а его смысловым центром стал монумент «Героям фронта и тыла» (1965) (Алексеев и др., 2008, с. 86). Подобна и структура парка культуры и отдыха города Первоуральска, где парк фактически центрован вокруг мемориала «Единство фронта и тыла» (1968).

Возникшая в 1960-е годы традиция продолжится и в следующие советские десятилетия, определяясь десятилетними циклами, своеобразной юбилейной логикой мемориализации. Так, в городе Серове на месте скромного знака, установленного в 1966 году, открыт к тридцатилетию победы мемориал с «Вечным огнём», фигурой Родины-матери, плитами с именами погибших – и всё это в центре сквера, который до того включал в себя относительно нейтральные памятники Пушкину, Ворошилову, скульптуру, изображающую девушку-спортсменку (Листратенко, 2019, с. 67; Серов-125 ..., 2018).

В годы горбачёвской «перестройки» и далее, на протяжении 1990-х годов, государственная политика памяти не отличалась последовательностью и, в общем, не демонстрировала наличие единой линии. По меньшей мере, миф о войне был слабо востребован в течение 1990-х годов, а в образе войны, создаваемом медиа, подчёркивался страдания народа и высокая цена победы (Копосов, 2011, с. 136). Начиная же с 2000 года, курс государственной политики памяти резко меняется и делается последовательным. Во-первых, можно зафиксировать явное оживление государства как основного субъекта этой политики, во-вторых, возвращение к советским образцам, в частности, советскому мифу о войне. Значение победы в войне возросло многократно, став важным элементом коллективной

идентификации современных россиян. Согласно ёмкому и образному выражению Л. Гудкова (2005), «Победа торчит сегодня как каменный столб в пустыне, оставшийся после выветривания скалы. Она стягивает к себе все важнейшие линии интерпретаций настоящего, задаёт им масштаб оценок и риторические средства выражения». В целом же миф о войне и память о войне используются для легитимации существующего социального порядка, для консервации социального целого и в качестве важного довода в пользу международного признания заслуг России (Дубин, 2008; Копосов, 2011, с. 162–163).

Что касается овеществления политики памяти в мемориалах и памятниках, то исследователи подмечают несколько любопытных тенденций: 1) появляются не только памятники другим чрезвычайным (не всегда военным) событиям и их участникам – участникам войны в Афганистане, в Чечне, ликвидаторам аварии на Чернобыльской АЭС, жертвам политических репрессий и др. – но также новые памятники старым событиям; 2) каждому событию ставится отдельный памятник; 3) новые памятники не объединяются в единые мемориальные комплексы, а пристраиваются к уже существующим мемориалам, посвящённым победе в Великой Отечественной войне; 4) таким образом, общий дизайн мемориальных комплексов тяготеет к потере смыслового центра и отсутствию единой стилистики; 5) мемориальные комплексы старого типа, воздвигнутые в советский период, стали для населения местом повседневных прогулок и сбора молодёжных компаний (Конрадова, Рылева, 2005).

Современная мемориальная культура в уральских парках, как и по России в целом, основывается на советской традиции, что, как минимум, связано с появлением значительной части парков Урала именно в советское время. Центрирование парка вокруг мемориала делает его своеобразным аналогом кладбища, традиционно представляющего собой реальные могилы и/или кенотафы, помещённые среди зелёных насаждений. Если парк снабжён мемориалом, это говорит о том, что мы имеем дело не только (или даже не столько) с пространством отдыха, но и с местом реализации государственной политики памяти.

Рассмотрим конкретные примеры в городах Свердловской области. Алапаевск: в 2017 году в сквере установлен памятник «Героям необъявленных войн» (скульптор В. Мосиелов). Нижний Тагил: в 1999 году (реконструирован в 2015 году) в сквере на набережной городского пруда установлен памятник воинам-тагильчанам, погибшим в локальных войнах планеты, названный «Героям необъявленных войн» (скульптор А. Г. Неверов). Нижняя Салда: в 2006 году в городском парке открыт памятник погибшим в локальных войнах. Новоуткинск: в 2018 году в сквере открыт памятник новоуткинцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Верхняя Пышма: в 2003 и 2007 годах в сквере Воинской Славы установлен памятник участникам локальных конфликтов (скульптор Р. Ш. Омаров). Каменск-Уральский: в лесопарке заложена Аллея Славы, в 2009–2016 годах формируется большой мемориальный комплекс памяти погибших в локальных войнах, который включает установленную на постамент БМП, памятные плиты с именами погибших, памятник генералу В. П. Дубынину, памятник генералу В. Ф. Маргелову (Войтенко, 2019, с. 56–57, 83–84, 97–98, 107, 149–150, 180–182). Список может быть продолжен, мы указали лишь некоторые мемориальные объекты.

Можно констатировать, что на Среднем Урале продолжается линия, заложенная в 1960-е годы – создание мемориалов, посвящённых памяти жертв войны. Отличия состоят в использовании более камерных скульптурных форм, в отсутствии очевидной привязки к юбилейным датам и в появлении мемориальных объектов, посвящённых участникам локальных военных конфликтов (Афганистан, Чечня и др.), ликвидаторам аварии на Чернобыльской АЭС, представителям различных силовых структур и родов войск (МВД, ВДВ и т. д.). При этом главным пространством материального воплощения государственной политики памяти становятся скверы и парки. Таким образом, пространство отдыха превращается в пространство памяти о войнах и катастрофах, а сфера мемориализации вытесняет изначальную функцию, тотально подчиняя её себе.

Проиллюстрируем этот процесс чуть более крупно конкретными случаями, взяв областной центр (Екатеринбург) и небольшой города (Дегтярск).

ЦПКиО им. В. Маяковского в Екатеринбурге начал включаться в реализацию государственной политики памяти постепенно. Первым шагом была установка памятника погибшим свердловским разведчикам-мотоциклистам, которая состоялась в 1995 году (проект Г. А. Голубева, 1995 год), приуроченная к пятидесятилетию победы (Осипова, без даты). Памятник разведчикам-мотоциклистам существовал и ранее, но располагался за пределами парка, возле южных его ворот. Теперь новую версию памятника принял парк, хотя и на месте, находящемся в отдалении от центральных аллей и зоны аттракционов. Любопытно, что накануне следующего юбилея победы, в 2014 году, начальник Управления культуры администрации Екатеринбурга поделилась с журналистами планом перемещения памятника ближе к центру парка (Памятник мотоциклистам-разведчикам в ЦПКиО ждет масштабное обновление, 2014). Этому замыслу не суждено было воплотиться, однако политика памяти нашла энергичного продолжателя в виде директора парка Р. А. Шадрина, занимавшего этот пост с 2015 по 2020 годы, военного в отставке, участника боевых действий и обладателя звания героя Российской Федерации.

Р. А. Шадрин решил превратить место, где уже стоял памятник разведчикам-мотоциклистам, в так называемую «Аллею ратной славы». Начиная с осени 2017 года, образуя собой «Аллею...», один за другим стали появляться памятные знаки, отмечающие достижения некоторых видов войск, а также память о разного рода событиях: знак в честь группы советских войск в Германии, знак памяти участников ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, знак, посвящённый войскам правопорядка, знак в честь воинов-пограничников, знак, отмечающий подвиги пожарных-спасателей. Реакция горожан на установку памятных знаков оказалась неоднозначной, поскольку дизайн памятных знаков сильно напоминал дизайн кладбищенских памятников (Кругом могилы с венками, 2017).

В День народного единства 4 ноября 2017 года на «Аллее ратной славы» был открыт памятник советским героям-десантникам отцу и сыну Маргеловым (Войтенко, 2019, с. 38–39). Наконец, 29 сентября 2018 года памятный знак, посвящённый воинам-пограничникам, был замещён полновесной скульптурной группой, изображающей воина-пограничника со служебной собакой возле пограничного столба (В ЦПКиО вместо «могильных плит» установили памятник пограничникам, 2018).

Таким образом, «Аллея ратной славы» в настоящее время представляет собой причудливое соединение памятников разного стиля и времени установки, памятных знаков, внешне похожих на кладбищенские памятники. Дизайн памятников и памятных знаков не был согласован ни в какой муниципальной институции; мнения посетителей парка относительно того, какими бы они желали видеть данные скульптурные объекты (и желали ли бы вообще), не выяснялось. Наверное, последнее обстоятельство и определило то, что горожане до сих пор не могут примириться с существованием отдельных объектов «Аллеи...», хотя со времени её основания прошло около трёх лет. Так, недавно зафиксированы случаи вандализма и порчи памятников (В парке Маяковского разбили монументы на Аллее силовых структур, 2020), которые выражают отношение людей и вписываются в общероссийскую тенденцию вымещения негативного восприятия памятников, к проектам и появлению которых местные жители никак не причастны (Колягина, 2014).

Случай Дегтярска. Небольшой город в Свердловской области (население около 15 тысяч человек), выросший вокруг медных шахт, которые сейчас закрыты по причине исчерпания рудных запасов. Единственный парк города ожидаемо получил название Парка шахтёров. Решённый в стилистике первых пятилеток (парадные аллеи, статуи шахтёров с отбойными молотками), в последние годы парк пережил радикальную трансформацию. В северной части парка доминирует мемориал жителям города, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Это стела и окружающие её мраморные плиты с именами погибших. В южной части парка разместились более современный комплекс мемориальных объектов. В 2013 году здесь была заложена Аллея Славы, появился памятник воинам-интернационалистам. В 2016 году была установлена БРДМ (бронированная разведывательно-дозорная машина) (Войтенко. 2019, с. 116). Возник памятный знак в честь воинов-интернационалистов и воинов-участников локальных конфликтов. Позднее комплекс был дополнен памятниками: «Морякам флота России», «Ликвидаторам техногенных катастроф», мемориалом жертвам политических репрессий. Около Аллеи Славы, расположен памятник лётчику С. И. Сафронову (мемориальная плита и хвостовая часть самолёта), погибшему в небе над Дегтярском при задержании американского самолёта-разведчика в 1960 году.

Перечисленные мемориальные объекты занимают значительную территорию парка и, более того, разбиты на две группы, мемориальными «клещами» замыкающими между собой пространство отдыха. Фактически, здесь мемориализация победила – парк стал местом памяти, кладбищем, перестав, даже потенциально, быть пространством рекреации, поскольку каждый из этих мемориальных объектов предполагает окружающую его «зону покоя» с неопределёнными, а, следовательно, потенциально конфликтогенными границами. Последнее делает невозможным реализацию проектов модернизация зарастающего и умирающего парка.

Заключение

В результате столь деятельной реализации политики памяти, современные парки становятся скорее местами коммеморации, нежели рекреации. Последнее,

в свою очередь, закладывает основу будущих конфликтов. Занимая даже иногда незначительные части парков, мемориальные объекты, тем не менее, стремятся к тотальному доминированию, радикально меняя наполнение пространства, полностью захватывая его, преобразая территорию отдыха в пространство памяти. Очевидно, что детская площадка с горками и песочницами органически неуместна рядом с памятником жертвам политических репрессий, а пространство, где работники парка организуют детей для различных физических активностей в игровой форме, резко контрастирует с мемориалом погибших в чеченских войнах. Как следствие, некоторые посетители будут воспринимать парк в роли места рекреации, другие же, воспринимающие парк в качестве сакрального места памяти, будут оскорблены неуместностью чрезмерно шумного, недопустимого в «таком месте» поведения резвящихся детей или влюблённых, целующихся в непосредственной близости от мемориального объекта. Ситуация подобного рода, при которой в одном парковом пространстве противоречиво сочетаются рекреационная и коммеморативная функции, не уникальна, фиксируется в разных городах России. Приведём для примера мемориальный комплекс на Поклонной горе в Москве, сочетающий широкий ряд мемориальных объектов с проведением досуговых мероприятий вроде фестиваля мёда, Последнего звонка и проч. (Колягина, Конрадова, 2015); Парк Победы в одном из новых районов Казани, ставший местом отдыха горожан по причине отсутствия иной рекреационной структуры в пределах района (Тимофеев, 2015, с. 55). И вызывает эта ситуация резонный вопрос – как совместить отдых с почитанием памяти павших?

Кроме того, появление мемориальных объектов создаёт явные сложности для модернизации парковых пространств. Не только сам мемориальный объект, но и зона вокруг него воспринимаются как территория тотального градостроительного покоя. При этом, размеры площади данной символической зоны покоя определяются крайне субъективно. На каком расстоянии от памятника военнопленным, погибшим в одной из войн, или мемориала жертвам Холокоста допустимо создание развлекательных и рекреационных объектов? Любая попытка реконструкции и/или модернизации паркового пространства, включающего мемориальные объекты, рождает почти неизбежный конфликт между потенциальными модернизаторами и посетителями парка, принадлежащими к разным городским сообществам. Можно предположить, что в итоге такие мемориальные зоны будут окружаться максимально значительной неиспользуемой территорией, разрывая целостную структуру парка, создавая табуированные для вмешательства зоны памяти в меняющемся пространстве современности. Отметим, что если в территориально крупных парках возможны определённые вариации на тему опасного (в силу своей потенциальной разгорающейся/затухающей конфликтности) баланса консервации/модернизации, то в небольших парках, сравнимых с Парком шахтёров в Дегтярске, такое не представляется возможным. Столь жёсткий вывод обусловлен, как минимум, тем, что беззаботный отдых в окружении знаков скорби едва ли является нормативным для части посетителей.

Дальнейшее проведение политики по превращению парков в места памяти делает эти открытые публичные пространства местом потенциальных культурных войн с возможными элементами реального насилия. Принадлежность общественных открытых пространств, в том числе и парковых, характер их дальнейшего использования – весьма чувствительная тема, вызывающая всё

большее количество конфликтов в различных городах России, среди которых и Екатеринбург.

Однако с другой стороны, мемориалы, превращающие парки как пространство рекреации в квазикладбища, парадоксальным образом одновременно и сохраняют их. Застройщики могут договориться с городской администрацией о вырубке деревьев, фактическом уничтожении парка или сквера для строительства домов, торгового комплекса, бизнес-центра. Но если в парке/сквере расположен мемориал, то это почти невозможно без значительнейшего медиа-конфликта, вследствие которого пострадает репутация застройщика. В итоге, мемориалы аннигилируют пространство рекреации парка, являясь, вместе с тем, гарантом его сохранения, а выбитые на мемориалах имена становятся духами покровителями, подлинными *genius loci*.

Список литературы

1. Адоньева, С. (2009). *Дух народа и другие духи*. СПб.: Амфора.
2. Алексеев, Е. П., Черепов, В. А., Ярков, С. П. (2008). *Памятники монументального искусства Свердловской области*. Екатеринбург: Сократ.
3. Аникин, Д. А. (2012). Стратегии политики памяти на постимперском пространстве. *Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика*, 12(2), 34–38.
4. Беляев, Е. В., Линченко, А. А. (2016). Государственная политика памяти и ценности массового исторического сознания в современной России: проблемы и противоречия. *Studia Humanitatis*, 2. Взято 6 июня 2020, с <http://st-hum.ru/content/belyaev-ev-linchenko-aa-gosudarstvennaya-politika-pamyati-i-cennosti-massovogo>
5. Буллер, А., Линченко, А. А. (2019). Культурная память как предмет философского осмысления. *Диалог со временем*, 66, 5–18.
6. *В парке Маяковского разбили монументы на Аллее силовых структур*. (2020, 21 мая). Взято 6 июня 2020, с <https://www.uralweb.ru/news/crime/513131-v-parke-mayakovskogo-razbili-monumenty-na-allee-silovyh-struktur.html>
7. *В ЦПКиО вместо «могильных плит» установили памятник пограничникам. Фото до и после* (2018, 27 сентября). Взято 6 июня 2020, с <https://66.ru/news/society/215578/>
8. Вайль, П., Генис, А. (1996). *60-е. Мир советского человека*. М.: Новое литературное обозрение.
9. Войтенко, А. А. (2019). *Чернеют от крови тюльпаны. Памятники свердловчанам – участникам боевых действий в Афганистане, на Северном Кавказе и в других горячих точках второй половины XX – начала XXI веков*. Екатеринбург: Генри Пушель.
10. Гудков, Л. (2005). «Память» о войне и массовая идентичность россиян. *Неприкосновенный запас*, 2. Взято 6 июня 2020, с <https://magazines.gorky.media/authors/g/lev-gudkov>
11. Дубин, Б. (2008). Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий. *Отечественные*

записки, 4. Взято 6 июня 2020, с http://www.strana-oz.ru/2008/4/pamyat-voynapamyat-o-vojne-konstruirovaniie-proshlogo-v-socialnoy-praktike-poslednih-desyatiletii#_ftnref8

12. Звагельская, В.Е. (Ред.). (2007). *Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Т. 1. Екатеринбург*. Екатеринбург: Сократ.

13. Звагельская, В.Е. (Ред.). (2008). *Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Т. 2. Свердловская область*. Екатеринбург: Сократ.

14. Колягина, Н. (2014, 24 ноября). *Бюрократы, патриоты, аутсайдеры: стратегии взаимодействия с новыми российскими памятниками*. Взято 6 июня 2020, с <http://gefter.ru/archive/13632>

15. Колягина, Н., Конрадова, Н. (2015). День Победы на Поклонной горе: структура пространства и ритуалы. *Неприкосновенный запас*, 3. Взято 6 июня 2020, с <https://magazines.gorky.media/nz/2015/3/den-pobedy-na-poklonnoj-gore-struktura-prostranstva-i-ritualy.html>

16. Конрадова, Н., Рылева, А. (2005). Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной. *Неприкосновенный запас*, 2. Взято 6 июня 2020, с <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/geroi-i-zhertvy-memorialy-velikoj-otechestvennoj.html>

17. Копосов, Н. (2011). *Память строгого режима. История и политика в России*. М.: Новое литературное обозрение.

18. *Кругом могилы с венками: в ЦПКиО вместо Аллеи ратной славы сделали кладбище* (2017, 16 октября). Взято 6 июня 2020, с <https://66.ru/news/society/203921/>

19. Кухер, К. (2012). *Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху 1928–1941*. М.: РОССПЭН.

20. Листратенко, Е.А. (Ред.). (2019). *Серов. Историческая азбука*. Серов: МБУК «ЦБС СГО» ЦГДБ.

21. О голом человеке в Свердловске (1926, 11 июня). *На смену!*, 3.

22. Осипова, А. (без даты). *Под крылом «мотобабушки». История свердловских разведчиков-мотоциклистов, которым установлен памятник в ЦПКиО им. Маяковского*. Взято 6 июня 2020, с https://ekburg.tv/articles/gorodskie_istorii/2019-05-09/_2

23. Открытие сада народных развлечений (1916, 15 июня). *Зауральский край*, 3.

24. *Памятник мотоциклистам-разведчикам в ЦПКиО ждет масштабное обновление* (17 июня, 2014). Взято 6 июня 2020, с <https://ekaterinburg.pf/news/3590-pamyatnik-mototsiklistam-razvedchikam-v-tspkiio-zhdet-masshtabnoe-obnovlenie>

25. Рабинович, Е. (2019). *Центральный парк культуры и отдыха им. В. Маяковского*. Екатеринбург: ТАТЛИН.

26. *Серов-125. И в городе родном мне интересно жить!* (2018, 20 ноября). Взято 6 июня 2020, с <http://serovrb.ru/town/serov-125-i-v-gorode-rodnom-mne-interesno-zhit/>

27. Тимофеев, М.Ю. (2015). Помни о Родине-матери. Конкурирующие места памяти. *Лабиринт*, 4, 43–63.

28. Центр документации общественных организаций Свердловской области. (1934–1944). *Фонд Центрального парка культуры и отдыха*

им. В. В. Маяковского, Октябрьский район, г. Свердловск (ф. 2310, оп. 1., Д. 1а – Д. 1г).

29. Шенк, Ф. Б. (2007). *Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000)*. М.: Новое литературное обозрение.

References

1. Adon'eva, S. (2009). *Duh naroda i drugieduhi* [Spirit of the nation and other spirits]. SPb.: Amfora.
2. Alekseev, E. P., Cherepov, V. A., & Yarkov, S. P. (2008). *Pamyatniki monumental'nogo iskusstva Sverdlovskoj oblasti* [Objects of monumental art of the Sverdlovsk region]. Ekaterinburg: Sokrat.
3. Anikin, D. A. (2012). Strategii politiki pamyati na postimperskom prostranstve [Strategies of politics of memory on Postimperial space]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*, 12(2), 34–38.
4. Belyaev, E. V., & Linchenko, A. A. (2016). Gosudarstvennaya politika pamyati i cennosti massovogo istoricheskogo soznaniya v sovremennoj Rossii: problemy i protivorechiya [State politics of memory and the values of the mass historical consciousness in modern Russia: issues and contradictions]. *Studia Humanitatis*, 2. Retrieved June 6, 2020, from <http://st-hum.ru/content/belyaev-ev-linchenko-aa-gosudarstvennaya-politika-pamyati-i-cennosti-massovogo>
5. Buller, A., & Linchenko, A. A. (2019). Kul'turnaya pamyat' kak predmet filosofskogo osmysleniya [Cultural memory as a subject of philosophical understanding]. *Dialog so vremenem*, 66, 5–18.
6. Centr dokumentacii obshchestvennyh organizacij Sverdlovskoj oblasti (1934–1944). *Fond Central'nogo parka kul'tury i otdyha im. V.V. Mayakovskogo Oktyabr'skij rajon, g. Sverdlovsk* [Fund of the Central Recreation Park named after V.V. Mayakovsky, Oktyabrsky district, Sverdlovsk] (f. 2310, op. 1. D. 1a – D. 1g.).
7. Dubin, B. (2008). Pamyat', vojna, pamyat' o vojne. Konstruirovaniye proshlogo v social'noj praktike poslednih desyatiletij [Memory, war, memory of war. Constructing the past in the social practice of recent decades]. *Otechestvennye zapiski*, 4. Retrieved June 6, 2020, from [http://www.strana-oz.ru/2008/4/pamyat-voyna-pamyat-o-voyne-konstruirovaniye-proshlogo-v-socialnoy-praktike-poslednih-desyatiletij#_ftnref8](http://www.strana-oz.ru/2008/4/pamyat-voyna-pamyat-o-vojne-konstruirovaniye-proshlogo-v-socialnoy-praktike-poslednih-desyatiletij#_ftnref8)
8. Gudkov, L. (2005). “Pamyat’” o vojnei massovaya identichnost' rossiyan [“Memory” of the war and mass identity of Russians]. *Neprikosnovennyj zapas*, 2. Retrieved June 6, 2020, from <https://magazines.gorky.media/authors/g/lev-gudkov>
9. Kolyagina, N. (2014, November 24). *Byurokraty, patrioty, autsajdery: strategii vzaimodejstviya s novymi rossijskimi pamyatnikami* [Bureaucrats, patriots, outsiders: strategies for interacting with new Russian monuments]. Retrieved June 6, 2020, from <http://gefter.ru/archive/13632>
10. Kolyagina, N., & Konradova, N. (2015). Den' Pobedy na Poklonnoj gore: struktura prostranstva i ritualy [Victory day on Poklonnaya mountain: structure of space and rituals]. *Neprikosnovennyj zapas*, 3. Retrieved June 6, 2020, from

<https://magazines.gorky.media/nz/2015/3/den-pobedy-na-poklonnoj-gore-struktura-prostranstva-i-ritualy.html>

11. Konradova, N., & Ryleva, A. (2005). Geroi i zhertvy. Memorialy Velikoj Otechestvennoj [Heroes and victims. World War II Memorials]. *Neprikosnovennyj zapas*, 2. Retrieved June 6, 2020, from <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/geroi-i-zhertvy-memorialy-velikoj-otechestvennoj.html>

12. Koposov, N. (2011). *Pamyat' strogogo rezhima. Istoriya i politika v Rossii* [Strict-mode memory. History and politics in Russia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

13. *Krugom mogily s venkami: v CPKiO vmesto Allei ratno jslavy sdelali kladbishche* [Around the grave with wreaths: the cemetery was made instead of the alley of military glory in Central Park] (2017, October 16). Retrieved June 6, 2020, from <https://66.ru/news/society/203921/>

14. Kuher, K. (2012). *Park Gor'kogo. Kul'tura dosuga v stalinskuyu epohu 1928–1941* [Gorky park. Leisure culture in the Stalin era 1928–1941]. M.: ROSSPEN.

15. Listratenko, E. A. (Ed.). (2019). *Serov. Istoricheskaya azbuka* [Serov. Historical alphabet]. Serov: MБУK «CBS SGO» CGDB.

16. *O golom cheloveke v Sverdlovsk* [About a naked man in Sverdlovsk] (1926, June 11). *Na smenu!*, 3.

17. Osipova, A. (n. d.). *Pod krylom «motobabushki». Istoriya sverdlovskih razvedchikov-motociklistov, kotorym ustanovlen pamyatnik v CPKiO im. Mayakovskogo* [Under the wing of a motorcycle grandmother. The history of the Sverdlovsk scout-motorcyclists in whose honor a monument was erected in the Central Mayakovsky Park]. Retrieved June 6, 2020, from https://ekburg.tv/articles/gorodskie_istorii/2019-05-09/_2

18. Otkrytie sada narodnyh razvlechenij [Opening of the folk entertainment garden] (1916, June 15). *Zaural'skij kraj*, 3.

19. *Pamyatnik motociklistam-razvedchikam v CPKiO zhdet masshtabnoe obnovlenie* [Monument to motorcyclists-scouts in the Central Park is waiting for a large-scale update] (2014, June 17). Retrieved June 6, 2020, from <https://ekaterinburg.rf/news/3590-pamyatnik-mototsiklistam-razvedchikam-v-tspkiio-zhdet-masshtabnoe-obnovlenie>

20. Rabinovich, E. (2019). *Central'nyj park kul'tury i otdyha im. V. Mayakovskogo* [Central Park of culture and recreation named after V. Mayakovsky]. Ekaterinburg: TATLIN.

21. *Serov-125. I v gorode rodnom mne interesno zhit'!* [Serov-125. And it is interesting to live in my native city!] (2018, November 20). Retrieved June 6, 2020, from <http://serovrb.ru/town/serov-125-i-v-gorode-rodnom-mne-interesno-zhit/>

22. Shenk, F. B. (2007). *Aleksandr Nevskij v russkoj kul'turnoj pamyati: svyatoj, pravitel', nacional'nyj geroy (1263–2000)* [Alexander Nevsky in Russian cultural memory: saint, leader, national hero (1263–2000)]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

23. Timofeev, M. Yu. (2015). Pomni o Rodine-materi. Konkuriuyushchie mesta pamyati [Remember the Motherland! Competing realms of memory]. *Labirint*, 4, 43–63.

24. *V CPKiO vmesto „mogil'nyh plit” ustanovili pamyatnik pogranichnikam. Foto do iposle* [A monument to border guards was installed instead of “tombstones” in the Central park. Before and after photos] (2018, September 27). Retrieved June

6, 2020, from <https://66.ru/news/society/215578/>

25. *V parke Mayakovskogo razbili monumenty na Allee silovyh struktur* [Monuments were broken up on the Alley of law enforcement agencies in Mayakovsky Park] (2020, May 21). Retrieved June 6, 2020, from <https://www.uralweb.ru/news/crime/513131-v-parke-mayakovskogo-razbili-monumenty-na-allee-silovyh-struktur.html>

26. Vajl', P., & Genis, A. (1996). *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [60s. The world of the Soviet man]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

27. Vojtenko, A. A. (2019). *Cherneyut ot krovi tyul'pany. Pamyatniki sverdlovchanam – uchastnikam boevykh dejstvij v Afganistane, na Severnom Kavkazei v drugih goryachih tochkah vtoroj poloviny XX – nachala XXI vekov* [Tulips turn black with blood. Monuments to Sverdlovsk residents who fought in Afghanistan, the North Caucasus and other hot spots in the second half of the 20th and early 21st centuries]. Ekaterinburg: Genri Pushel'.

28. Zvigel'skaya, V.E. (Ed.). (2007). *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Sverdlovskoj oblasti. T. 1. Ekaterinburg* [Summary of historical and cultural monuments of the Sverdlovsk region. Vol. 1. Ekaterinburg]. Ekaterinburg: Sokrat.

29. Zvigel'skaya, V.E. (Ed.). (2008). *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Sverdlovskoj oblasti. T. 2. Sverdlovskaya oblast'* [Summary of historical and cultural monuments of the Sverdlovsk region. Vol. 2. Sverdlovsk region]. Ekaterinburg: Sokrat.

ВКЛАД ЛЕНИНА В РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ. К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛЕНИНА

Цзидун Чжу,

Китайская академия общественных наук,
заместитель директора и генеральный секретарь национального
центра культурной безопасности и идеологического строительства
Китайской академии общественных наук,
доктор права, исследователь,
Пекин, Китай,
ORCID: 0000-0001-6770-588X,
E-mail: zhujidong@vip.163.com

Статья поступила в редакцию 28.08.2020, принята к публикации 05.10.2020

Для цитирования: Цзидун Чж. Вклад Ленина в развитие марксистской идеологии. К 150-летию со дня рождения Ленина // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4 (41). С. 86–97. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10406

Аннотация

Ленин, в соответствии с революционной теорией и революционной практикой, обогатил, развил и усовершенствовал идеологическую теорию марксизма, сделав ее впервые по-настоящему мировой. Он был первым, кто усилил её идеологический потенциал, первым, кто объединил марксистское учение и его идеологию в одно органическое целое, обозначив тем самым новый этап в развитии марксизма. Он четко предлагал и всегда настаивал на партийном принципе марксистской идеологии и на классовом подходе, уделял особое внимание изучению построения социалистической идеологической системы, сделал социалистическую идеологию стержнем государственной власти. Ленинская идеология для потомков – это важное теоретическое оружие и ценное духовное богатство, которое мы сегодня используем для создания новой эры социалистической идеологии.

Ключевые слова:

Ленин, марксизм, идеология, классовый подход.

© Цзидун Чж., 2020

LENIN'S CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF MARXIST IDEOLOGY. TO THE 150TH ANNIVERSARY OF LENIN'S BIRTH

Zhu Jidong,

Chinese Academy of Social Sciences,
Executive deputy director and Secretary-general of the Research Center for National Cultural
Security and Ideological Construction of CASS, Director of the Research Office of Mao Zedong
Thought of the Academy of Marxism of CASS,
PhD, Professor,
Beijing, China,
ORCID: 0000-0001-6770-588X,
E-mail: zhujidong@vip.163.com

Article received on August 28, 2020, accepted on October 5, 2020

To cite this article: Jidong, Zh. (2020). Vklad Lenina v razvitie marksistskoj ideologii. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya Lenina [Lenin's Contribution to the Development of Marxist Ideology. To the 150th Anniversary of Lenin's Birth]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 4(41), 86–97. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10406

Abstract

Lenin, in accordance with revolutionary theory and practice, enriched, developed and improved the ideological theory of Marxism, making it for the first time truly worldwide. He was the first to strengthen its ideological potential, the first to combine Marxist teaching and its ideology into one organic whole, thus marking a new stage in the development of Marxism. He clearly proposed and always insisted on the party principle of Marxist ideology and on the class approach, paid special attention to the study of the construction of the socialist ideological system and made socialist ideology the core of government. Lenin's ideology for posterity is an important theoretical weapon and valuable spiritual wealth which we use today to create a new era of socialist ideology.

Keywords:

Lenin, Marxism, ideology, class approach.

Introduction

As a great proletarian revolutionist, ideologist, theorist, statesman, and great leader of the Soviet Revolution and standard bearer of Soviet ideology, Vladimir Lenin

was firmly opposed to the absolutization, dogmatization, vulgarization of Marxism and other wrong tendencies and practices. He inherited and scientifically developed the ideas and undertakings of Karl Marx and Friedrich Engels, advocated the development of Marxism in accordance with the development of the times and the reality of the country, and insisted on the integration of the basic principles of Marxism with the reality. Based on the development of revolutionary theory and revolutionary practice, he further enriched, developed and perfected Marxist ideological theory. He developed Marxism in an all-round and scientific way in the new era, and made it the guiding ideology of the governing party for the first time. Vladimir Lenin (2009b) pointed out many times, “We do not regard Marx’s theory as something completed and inviolable” (p. 96). “It is essential to grasp the incontestable truth that a Marxist must take cognizance of real life, of the true facts of reality, and not cling to a theory of yesterday” (p. 169). Believing in Marxism but not in its dogmas, Vladimir Lenin created the world’s first socialist country, made the Communist Party the ruling party for the first time, and advanced and developed the socialist ideology for the first time. He created the first truly world-wide Communist international organization, which made the Marxist ideological theory truly global for the first time. Moreover, Vladimir Lenin was the first to put forward the idea of strengthening the capacity building of ideology, and was the first to put forward the idea of strengthening the system building of ideology and paying attention to the security of ideology, thus laid down and established the guiding ideology and main theory of the Soviet ideology. Vladimir Lenin had always paid great attention to consolidating, strengthening and enhancing the influence and appeal of socialist ideology. The dominant position of Marxism in the Soviet ideological field had never wavered in his era. Most of his views and thoughts are still of great significance in guiding and enlightening the ideological work in this new situation. It is an important theoretical weapon and precious spiritual wealth for us to strengthen the ideological capacity-building.

Lenin for the first time made Marxism and ideology into one organic whole

With the further development and expansion of Marxism, the world at the end of the 19th and the beginning of the 20th century gradually entered a new stage characterized by imperialism and proletarian revolution. Not only had the labor movement flourished in many countries, but more than twenty countries had established truly independent proletarian parties that belong to the working class. As the contradiction between the proletariat and the bourgeoisie became more and more intense, the development of Marxist ideological theory ushered in a new period, which was also the time when Lenin’s ideological thought came into being.

Lenin’s ideological thoughts further developed the Marxist ideological theory. These ideological ideas are mainly embodied in the following articles: “*What the “Friends of the People” Are and How They Fight Against the Social-Democrats*”(A Reply to Articles in *Russkoye Bogatstvo* Opposing the Marxists), written in the spring and summer of 1894); “*What Is To Be Done?*”(1902), “*Party Organization and Party Literature*” (1905); “*Marxism and Revisionism*” (1908); “*Materialism and Empirio-Criticism*” (1908); “*The Historical Destiny of the Doctrine of Karl Marx*” (1913); “*Childhood illness of “leftism” in communism*” (1920),

“*On Proletarian Culture*” (1920); “*Purging the Party*” (1921); “*Conditions for Admitting New Members to the Party. Letters to V.M. Molotov*” (1922); “*On the Significance of Militant Materialism*” (1922); “*Philosophical Notebooks*” (1895–1916). By exposing and criticizing the ideology of the Bourgeoisie, Lenin pointed out that ideology is the ideological system by which the ruling class maintains its rule in the social stratification. The bourgeois ideology, including the religious ideology, is false, unscientific and negative. “It is unconditionally true that to every scientific ideology (as distinct, for instance, from religious ideology), there corresponds an objective truth, absolute nature” (2009a, p. 42). This scientific ideological system refers to the scientific ideology, that is, the Marxist ideology. For the first time, Lenin gave a positive and definite meaning to the ideology that had once been the bridge between negation and affirmation, making Marxism and ideology an organic whole for the first time, and creatively put forward the theory of “Marxist Ideology”, making it a powerful ideological weapon of the proletarian revolution. “Marxism has won its historic significance as the ideology of the revolutionary proletariat because, far from rejecting the most valuable achievements of the bourgeois epoch, it has, on the contrary, assimilated and refashioned everything of value in the more than two thousand years of the development of human thought and culture” (2009b, p. 296). Marxist ideology had developed and grown in constant debates and struggled with bourgeois ideology and in the absorption of the achievements of past human civilization. He stressed that modern scientific consciousness was based on and could only be produced on the basis of profound scientific knowledge. He further put forward the brilliant conclusion that “without revolutionary theory there can be no revolutionary movement” (2009c, p. 70). “The role of vanguard fighter can be fulfilled only by a party that is guided by the most advanced theory” (2009c, p. 71). It revealed that the theory of revolution was a powerful ideological weapon for the working class and its political parties to understand and transform the world. It inspired the working class to begin and realize its great historical mission, and to see the right way forward in a changing world, in order to formulate the right line, policies, guidelines and strategies to achieve the set goals. Only nations with theoretical thinking will stand in the forefront of the times and the highest peak of science. All nations that have played great roles in promoting the progress of human history took advanced theories and thoughts as the guide of action. Lenin further pointed out that “socialism, as a doctrine, has its roots in modern economic relationships just as the class struggle of the proletariat has, and, like the latter, emerges from the struggle against the capitalist-created poverty and misery of the masses. But socialism and the class struggle arise side by side... each arises under different conditions” (2009c, p. 84). He stressed the extreme importance of ideology and pointed out the relationship among socialist ideology, proletarian class struggle and modern economy, so that we had a more comprehensive and profound understanding of the socialist ideology. Marxist ideology was moving rapidly from the proposition of concept to the enrichment of theory and the test of practice.

In Lenin’s view, a new socialist ideology was not and could not have arisen spontaneously. It must be based on the real victory over the old bourgeois ideology, and become a powerful ideological weapon of the working class through the proletarian party’s “indoctrination”. “All worship of the spontaneity of the working class movement, all belittling of the role of ‘the conscious element’, of the role of Social-

Democracy, means, quite independently of whether he who belittles that role desires it or not, a strengthening of the influence of bourgeois ideology upon the workers” (2009c, p. 83). “For the spontaneous working-class movement is trade-unionism, is *Nur-Gewerkschaftlerei*, and trade unionism means the ideological enslavement of the workers by the bourgeoisie” (2009c, p. 85). Lenin pointed out that spontaneous labor movement were highly susceptible to the influence, encroachment, and even control of the bourgeois ideological system. He also revealed why. “For the simple reason that bourgeois ideology is far older in origin than socialist ideology, that it is more fully developed, and that it has at its disposal immeasurably more means of dissemination” (2009c, p. 87). In order to truly move the labor movement from spontaneity to self-consciousness, and to truly make the proletarian revolution win, he further pointed out the socialist intellectuals armed with Marxism should develop and create, on the basis of the Marxist ideological theory of the past, a socialist ideological theory that could represent the fundamental interests of the proletariat, embody the historical mission of the proletariat, inspire the revolutionary will of the proletariat, and guide the revolutionary struggle of the proletariat. This theory would be “indoctrinated” to the working class and the masses of the working people, by the proletarian party, the elite group of professional revolutionaries, making it a powerful ideological weapon guiding the proletarian revolution. This is the famous “indoctrination” theory. He argued against the labor movement's tendency to be spontaneous. He advocated the active ideological and political education of the workers, and the cultivation and enhancement of the socialist ideological consciousness of the working class. Therefore, it can arouse the class consciousness of the working class and promote its development, and turn it into a great historical power to guide and promote the works' revolution.

Lenin also proposed that the intellectuals of the proletarian revolution should and could make themselves revolutionary ideologists and play an important role in leading the revolutionary struggle of the proletariat. “This requires that one becomes the ideologist not of the direct producer who stands apart from the struggle, but of the one who stands in the midst of heated struggle, who has already become totally ‘differentiated from life’ of bourgeois society” (1984a, p. 318). This required them not only to “merge them indissolubly with the interests of those who participate in the economic struggle” (1984a, p. 353), moreover, they should be good at inheriting, learning and developing the scientific and theoretical achievements created by the bourgeois intellectuals in the fields of history, philosophy and economy. They were called “ideologist” because “the ‘ideologist’ is worthy of the name only when he precedes the spontaneous movement, points out the road, and is able ahead of all others to solve all the theoretical, political, tactical, and organizational questions which the “material elements” of the movement spontaneously encounter” (1984c, p. 326). Under the propaganda of these “ideologists”, more and more people realized that the socialism and the socialist ideology were more in line with the interests of the proletariat. It was the class interests that united the proletariat in their struggle against the capitalists and made it easier for them to understand and accept socialism and socialist ideology.

We now face globalization, marketization, networking and other challenges. In the face of erroneous trends of thought that demonize socialist ideology and erroneous statements that deliberately separate or even oppose Marxism and ideology, we must further adhere to and strengthen the construction of socialist ideology, train

more Marxist theorists and ideologists, and lead the masses to carry out a resolute struggle against the erroneous western ideological trend.

Lenin clearly put forward and always adhered to the ideological principles of the party spirit and its class nature

Party spirit is the inherent nature of a political party, which is the most essential characteristic of the proletarian party and the highest and most concentrated expression and sublimation of class spirit. “Parties are the result and the political expression of highly developed class antagonisms” (1987, p. 273), “behind the epistemological scholasticism of empirio-criticism one must not fail to see the struggle of parties in philosophy, a struggle which in the last analysis reflects the tendencies and ideology of the antagonistic classes in modern society” (2009a, p. 130). The system he talked about was ideology, which led us to further recognize the principle of party spirit in philosophy as an ideology and the relationship among party spirit, class antagonism and class struggle. He believed that ideology had a clear-cut principle of party spirit. The materialism itself contains party spirit, which requires that any evaluation of things and their changes must be made directly, openly and clearly on the side of certain social groups. Both the bourgeoisie and the proletariat have their own ideology, which represents the interests of different classes, and the two ideologies are fundamentally opposed to each other, since the birth of the proletarian ideology. The party spirit is a distinctive feature of the socialist ideology which is different from the bourgeois ideology, and the theory of ideological party spirit is a great contribution of Lenin to the theory of Marxist ideology. On the basis of analyzing and criticizing the capitalist ideology, the socialist ideology has gradually developed into a scientific, advanced, legal and influential ideology. The socialist ideology should and dare to take the initiative to recognize its own class nature. The socialist ideology, as the superstructure, is used to guide and determine the ways and means of the proletariat to lead the revolution. Its political function is firstly embodied in the proletarian class consciousness and the principle of party spirit. The party spirit, revolutionary spirit and fighting power of the superstructure are the most prominent functions of ideology, and are also one of the most distinctive features and theoretical cornerstones of Lenin’s ideological thought. In order to defeat the bourgeoisie, the proletariat must oppose the bourgeois propaganda of “non-party spirit” and have the courage to wage a resolute struggle against all bourgeois ideological systems. They must dare to attack and destroy the bourgeois ideology in order to wipe out the capitalist system.

Lenin also clearly pointed out and emphasized the class nature of ideology, and pointed out that the class nature was the essential feature of ideology. The class nature and party spirit should be of the same importance. Ideology occupied an increasingly important position in the Marxist theory. He believed that the workers’ struggle would be the real class struggle only when all the advanced figures of the entire working class in the country realized that they belonged to a unified working class, when workers began to struggle not with individual factory owners but with the entire capitalist class and the government that upheld it and when the worker realized that he was a member of the whole working class and his daily struggle against the individual factory owners and officials was fighting against the whole bourgeoisie and the whole government. The ideology was rooted in social existence and economic

relation. It is either a socialist ideological system or a bourgeois ideological system. There is no ideology between or beyond these two opposing ideologies. The mankind has never created any “third” ideology. Lenin’s socialist system of thoughts is the socialist ideology. He put forward the concept of socialist ideology, deeply analyzed the uncovering class nature of ideology, and sorted out some wrong ideas in the society at that time. In *Marxism and Revisionism*, which was written in April, 1908, he noted: “No wonder, therefore, that the Marxian doctrine, which directly serves to enlighten and organize the advanced class in modern society, indicates the tasks facing this class and demonstrates the inevitable replacement (by virtue of economic development) of the present system by a new order – no wonder that this doctrine has had to fight for every step forward in the course of its life” (2009b, p. 148). He emphasized the class nature of ideology and the inevitability of the socialist system replacing the capitalist system. Why did Lenin put so much emphasis on the ideological class nature? Because he deeply and soberly recognized the complexity and cruelty of the Russian revolutionary practice at that time. He understood and considered the question from the point of view of how to keep the labor movement from being invaded, corroded and poisoned by bourgeois ideology. He studied and solved the problem from the height of how to protect the achievements of the proletarian revolution and how to truly establish a proletarian regime. Lenin believed that the proletariat must have a powerful ideological weapon and use it to justify its dictatorship to the people. Only by giving correct guidance to the people in ideology, theory and guiding ideology can they truly consolidate the new proletarian regime. He stressed that “to belittle the socialist ideology in any way, to turn aside from it in the slightest degree means to strengthen bourgeois ideology” (2009c, p. 85). He warned against the uncertainty and harm of relying solely on spontaneity, and pointed out that spontaneity was likely to result in the labor movement being influenced or even dominated by the bourgeois ideology. He analyzed the covert, long-term and complex of every struggle in the field of ideology at all times. He stressed that only by constantly strengthening the education of socialist ideology could the labor movement be guided along the right path. Although Lenin did not put forward the concept of ideological capacity building, he had initially put forward the idea of constantly strengthening the capacity building of socialist ideology. His idea inherited and developed the ideology concept of Karl Marx and Friedrich Engels, and added new scientific elements and positive contents to the theory of Marxism ideology, which was a milestone in the development of Marxism.

Facing the challenge of the wrong ideological trend, such as de-ideologization, non-ideologization, ideological pluralism and so on, in the new era, we must adhere to and emphasize the distinct party spirit principle and the class nature of ideology, and adhere to the guiding position of Marxism in the field of ideology. We should dare and be able to demonstrate the great superiority of socialist ideology in the contest with capitalist ideology.

Lenin attached great importance to the exploration of the ideological system and made important contributions

The ideological institution building was first proposed by Lenin. It is a new height in the development of Marxist ideological theory and a great theoretical innovation. The ideological system construction and the ideological capacity building

are closely related to each other and develop together, which has become the core of Marxist ideological theory. As a theoretical guide to the establishment of social institution, ideological identity is an important premise and foundation of the institution identity. The construction of ideology system is the important foundation and the center of the institution construction. "A basic condition for the necessary expansion of political agitation is the organization of comprehensive political exposure. In no way except by means of such exposures can the masses be trained in political consciousness and revolutionary activity" (1995, p. 354). By thoroughly exposing and criticizing the bourgeois ideology, we can cultivate the masses' political consciousness, revolutionary enthusiasm and initiative, and thus establish the socialist ideology. According to Lenin, one of the important and main tasks and goals of the construction of the ideological system was to unify the thoughts and actions of the workers, the peasants and other revolutionary masses with Marxist ideological theory, guiding and inspiring them to make unremitting efforts and contributions to the socialist revolution and construction. The proletarian party is the core and main force of the ideological system construction. The working class is the representative of the masses of the people. The proletarian party should unite, guide and inspire the masses by means of propaganda, education, agitation and criticism. In order to consolidate the state power and the socialist system, the socialist ideology should be clarified. The class consciousness should be greatly enhanced. The revolutionary confidence and determination should be strengthened, and all aspects of the organization should be strengthened.

Through the study of revolutionary theory and the exploration of revolutionary practice, Lenin provided powerful arguments for ideology, system rationality and legitimacy, making ideology an important part and a core pillar of the state. Both the bourgeoisie and the proletariat, after seizing and establishing power, will actively construct their own ideological system and make it occupy a dominant position in order to maintain the state power and the institution they have established. The opposition of class interests inevitably leads to the opposition of ideology, and makes the struggle of ideological theory the key, the focus, the center and the soul of political and economic struggle. If the proletarian party can not win the ideological and theoretical struggle, it can not really win the socialist revolution. After the establishment of the world's first socialist state, Lenin actively devoted himself to the further development, promotion and improvement of the proletarian ideology in terms of theory and practice. The birth and development of socialist ideology had played an active role in unifying thought, guiding direction and leading development, and had provided ideological and theoretical basis for the people to identify with and support the socialist system. It made the socialist ideology become a powerful ideological weapon and theoretical guide to maintain, consolidate and develop the socialist system. Antonio Gramsci, the leader of the Italian Communist Party, put forward the question and idea of cultural leadership. Starting with the proletarian revolution and the socialist construction, he revealed that whoever really controlled the ideological leadership would be able to truly control the masses and the state. In fact, starting with Lenin, the construction of the ideological system had shown great influence and become the greatest magic weapon for the communists to win new victories. It had also become one of the outstanding advantages in the competition between the socialist system and the capitalist system.

As General Secretary Xi Jinping stressed, ideological work is an extremely important part of the party's work. In order to consolidate the guiding position of Marxism in the ideological field and the common thought foundation of the Party and the people's united struggle, we need to attach great importance to the ideological work, further strengthen the construction of the ideological system, and make it become the greatest magic weapon that we gain new victory ceaselessly, as well as one of the outstanding advantages that the socialist system competes with the capitalist system.

Lenin actively promoted and made ideology the core of governance

Lenin not only expounded on the importance of “inculcating” socialist ideology into the masses of the people, but further pointed out that the theory should be combined with practice through the vivid and lively form, as well as combined with the vivid practice of the revolutionary struggle to promote socialist ideology. In *The Attitude of the Workers' Party to Religion* (May 1909), Lenin pointed out: “one who treats the struggle against religion not in an abstract way, not on the basis of remote, purely theoretical, never varying preaching, but in a concrete way, on the basis of the class struggle which is going on *in practice* and is educating the masses more and better than anything else could” (2009c, p. 117). When propagating and inculcating Marxist ideological theory to the masses of the People, neither should we mechanically spread the abstract, empty, boring and boring theories, nor should we rigidly and dogmatically repeat “slogans” that are full of empty talk. It should be deeply understood and actively accepted by the people in the vivid political struggle with the concrete life practice. Lenin criticized the dogmatic and stereotyped approaches at that time, which also made Marxism and Russian reality truly integrated into the masses of the people. The Marxist ideological theory became a correct theoretical guide and a powerful ideological weapon for the proletarian revolution and a great talisman for the October Revolution's Victory.

In order to further promote and consolidate the socialist ideology, Lenin pioneered and used such inspiring concepts as “Marxism Faith”, “Marxism (Communism) Conviction” and “Socialism Belief (Ideal)”, which got the broad masses of the people accept and support. He wrote to B.N. Knipovich in June 1912: “It is possible to test, deepen and consolidate faith in Marxism through this work” (1990, p. 101). By the end of 1913, in the overview part of the letters of Marx and Engels, Lenin describes why Friedrich Engels was tired of his home environment and left home: “His father was a despot, a pious manufacturer, who was outraged at his son's continual running about to political meetings, and at his communist convictions” (2009b, p. 76).

During the long revolutionary struggle, Lenin became more and more aware of the importance of the working class's beliefs and ideals to the success of the revolution. He pointed out that the proletarian party must attach great importance to the education of the workers about the communist belief and the ideal and belief of communism. In the winter of 1899, Lenin wrote an article for *Rabochaya Gazeta – Our Immediate Task*. The Social Democratic Party was a combination of socialism and the labor movement: “the task of Social-Democracy is to bring definite socialist ideals to the spontaneous working-class movement, to connect this movement with socialist convictions that should attain the level of contemporary science, to connect

it with the regular political struggle for democracy as a means of achieving socialism – in a word, to fuse this spontaneous movement into one indestructible whole with the activity of the revolutionary party” (1984b, p. 167). Lenin emphasized the importance of socialist ideals and beliefs to revolutionary parties and their role in the realization of socialism, which inspired communists and the proletariat in many countries.

After the victory of the October Revolution, Lenin further emphasized the localization, popularization and modernization of ideological work, which should be closely integrated with the great practice of socialist construction and make due contributions to the socialist construction. He held that education was connected with politics in any era, and education must not be carried out without ideology. It was necessary to have a deep understanding of the ideological nature of socialist education, and to pay special attention to the political characteristics and political positions of the educational content. So, in November 1920, in his *Speech Delivered At An All-Russia Conference Political Education Workers Of Gubernia and Uyezd Education Departments*, he stressed that “for along the whole line of our educational work we have to abandon the old standpoint that education should be non-political; we cannot conduct educational work in isolation from politics” (2009d, p. 170). It emphasizes that we should attach importance to the ideological attribute of education and be good at connecting with politics to carry out educational work. We should expose and criticize the hypocritical claims and the fraudulence of bourgeois that education is “apolitical”. Moreover, in his *Speech Delivered At An All-Russia Conference Political Education Workers of Gubernia and Uyezd Education Departments*, he further pointed out that “Propaganda of the old type describes and illustrates what communism is. This kind of propaganda is now useless, for we have to show in practice how socialism is to be built. All our propaganda must be based on the political experience of economic development. That is our principal task; whoever interprets it in the old sense will show himself to be a retrograde, one who is incapable of conducting propaganda work among the masses of the peasants and workers. Our main policy must now be to develop the state economically, so as to gather in more poods of grain and mine more poods of coal, to decide how best to utilize these poods of grain and coal and preclude starvation—that is our policy. All our agitation and propaganda must be focused on this aim” (2009d, p. 177). Lenin put forward the concepts of “political education” and “political education work”, which had great influence on the development of the whole Marxist theory. In his view, in the great practice of socialist construction, the communism should not be a highly theoretical program written on paper or shouted at the mouth. Instead of being merely a political theory “instilled” into the people, it should reflect the powerful force and prominent role in guiding state-building, and guide and inspire more people to consciously become firm believers in communism and active builders of socialism. It should promote the development and perfection of the Marxist ideological theory as the core of governing, and push the socialist construction forward in a good and fast direction.

With the CPC Central Committee with Comrade Xi Jinping at its core attaching great importance to the ideological work, Marxist ideological theory has once again been raised to a new height. After a period of being belittled, ignored or even ignored, ideological work has ushered in a new spring. As the whole Party attaches great importance to ideological work, Marxist ideological theory has once again be-

come the core of governance. In particular, the fourth plenary session of the 19th CPC Central Committee for the first time put forward the fundamental system of upholding the guiding position of Marxism in the field of ideology. Socialist ideology has increasingly manifested its strong cohesion, appeal, leadership, and combat effectiveness.

Conclusion

Facing the impact and challenge of globalization, marketization and network, how can we do the ideological work well? Strengthening the ideological capacity-building has become the center of gravity and an important breakthrough of ideological work in the new era. Ideological ability is the actual level of distinguishing, leading and controlling the social ideological trend and the social mainstream consciousness through the new theoretical concepts, theoretical generalization and theoretical innovation. It is mainly embodied in the ideological discrimination, the theoretical innovation and the consensus cohesion. The body of ideological ability is the general leader, mainly the ruling party's leading member.

As General Secretary Xi Jinping pointed out: "China is a great country. It must not make subversive mistakes on fundamental issues. Once made, it can not be remedied". We must always keep a firm grip on the leadership, management and discourse of ideological work, and at no time should we fall by the wayside, so as to ensure the right way forward and avoid irreversible historical mistakes. Lenin insisted on Marxism and ideology as an organic whole, clearly put forward and always adhered to the ideological principles of party spirit and its class nature. He attached great importance to the exploration of ideological system building and made important contributions, as well as actively promoting and making ideology the core of governance. Lenin's ideology is not out of date. It is of great guiding significance to our ideological work today. Through analyzing of Lenin's ideological thinking historically and realistically, we know that being guided by a correct ideology and having a strong ideological capability are the fundamental issues that concern the continued progress of reform and opening-up along the right path and the survival of the socialist cause. Strengthening the construction of ideological ability is the most important part of ideological work. It can greatly consolidate the guiding position of Marxism in the field of ideology, and it is a banner flying high when the ideological work is ushered in a new spring. Promoting ideology as the core of governance and creating a better social and public opinion environment for economic construction can be the fundamental guarantee for economic construction to achieve the scientific and lasting development, which will be the inexhaustible source of power for realizing the Chinese dream of great national rejuvenation.

The results of the study are summarized, conclusions, generalizations and recommendations arising from the work are drawn, the main directions of further research are determined.

References

1. Lenin, V. (1984a). *Collected works of Vladimir Lenin* (Vol. 1). Beijing: People's Publishing House.

2. Lenin, V. (1984b). *Collected works of Vladimir Lenin* (Vol. 4). Beijing: People's Publishing House.
3. Lenin, V. (1984c). *Collected works of Vladimir Lenin* (Vol. 5). Beijing: People's Publishing House.
4. Lenin, V. (1987). *Collected works of Vladimir Lenin* (Vol. 5). Beijing: People's Publishing House.
5. Lenin, V. (1990). *Collected works of Vladimir Lenin* (Vol. 46). Beijing: People's Publishing House.
6. Lenin, V. (1995). *Lenin selected works* (Vol. 1). Beijing: People's Publishing House.
7. Lenin, V. (2009a). *Collected works of Vladimir Lenin on dialectical materialism and historical materialism*. Beijing: People's Publishing House.
8. Lenin, V. (2009b). *Collected works of Vladimir Lenin on Marxism*. Beijing: People's Publishing House.
9. Lenin, V. (2009c). *Collected works of Vladimir Lenin on the proletarian party*. Beijing: People's Publishing House.
10. Lenin, V. (2009d). *Collected works of Vladimir Lenin on socialism*. Beijing: People's Publishing House.

ОСМЫСЛЕНИЕ КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ РУССКИМИ МЫСЛИТЕЛЯМИ XVIII, XIX И XX СТОЛЕТИЙ

Маслова Анастасия Владиленовна,

Московский государственный лингвистический университет,
доцент кафедры философских наук,
кандидат философских наук,
Москва, Россия,
ORCID: 0000-0001-8827-3692,
E-mail: an_maslova@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 05.05.2020, принята к публикации 30.09.2020

Для цитирования: Маслова А.В. Осмысление китайской философии русскими мыслителями XVIII, XIX и XX столетий // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4 (41). С. 98–111. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10407

Аннотация

Когда мы начинаем говорить о влиянии одной философской традиции на иную культуру, мы неизбежно обязаны прояснить специфику каждой из них и указать лишь на точки соприкосновения и перекрестные духовные тропы. Цель данной статьи состоит в прояснении взаимосвязи русской и китайской мысли.

Несмотря на то, что Китай и Россия давно являются соседними государствами, одна из проблем такого сравнения состоит в несимметричности хронологии формирования китайской и русской философии. Конфуций и Лао жили в VI веке до н. э., первыми русскими философами мы можем назвать мыслителей, творивших в XVIII веке. Исходя из этого, первые задокументированные работы о китайской жизни, традиции и философии были сделаны не ранее, чем в 18 веке. Однако это ещё не было глубоким анализом культуры Китая, больше внимания уделялось практической стороне взаимоотношений между странами, на этом этапе знакомства с иной культурой придавалось значение проявлениям *modus vivendi* ее жителей, а также методам управления страной, нежели способу мышления и философским традициям. Постепенно, с развитием торговых и политических взаимоотношений,

© Маслова А.В., 2020

интерес к китайской культуре возростал, однако так и не вышел за пределы чисто коммерческих интересов.

Тем не менее, в XIX веке в России формируется одна из сильных школ синологии. Об этапах ее формирования мы скажем в данной статье.

Прежде чем мы приступим к описанию конкретных влияний китайской философии на русскую мысль, мы должны прояснить основные характеристики русской философии как единого смыслового поля, в котором мы обнаруживаем вкрапления китайской философии. Также мы рассмотрим проблему перевода китайских текстов на русский язык, сложность которой требует отдельного исследования, которое мы не беремся проводить в данной работе, но укажем лишь на специфику преломления китайской философии в текстах русских мыслителей.

Ключевые слова:

русская философия, китайская философия, синология, конфуцианство, даосизм.

UDC 1(091)+101+141.2

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10407

THE COMPREHENSION OF CHINESE PHILOSOPHY BY RUSSIAN THINKERS OF THE XVIII, XIX AND XX CENTURIES

Anastasia V. Maslova,

Moscow State Linguistic University,
Department of philosophy,
Associated professor, PhD,
Moscow, Russia,
ORCID: 0000-0001-8827-3692,
E-mail: an_maslova@inbox.ru

Article received on May 5, 2020, accepted on September 30, 2020

To cite this article: Maslova, A.V. (2020). Osmyslenie kitajskoj filosofii russkimi myslitelyami XVIII, XIX i XX stoletij [The Comprehension of Chinese Philosophy by Russian Thinkers of the XVIII, XIX and XX Centuries]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 4(41), 98–111. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10407

Abstract

When we speak about the influence of one philosophical tradition on another culture we are to clarify the specifics of each of them and point out the common points together with cross-spiritual paths. The article is aimed at clarifying the relationships between Russian and Chinese thoughts.

Despite the fact that China and Russia have long been neighbouring states one of the problems of this comparison is the asymmetry of the chronology of the formation of Chinese and Russian philosophy. Confucius and Lao lived in the VI century BC while the first Russian philosophers who can be called thinkers worked in the XVIII century. Following this line of reasoning, the first documented works on Chinese life, tradition and philosophy were made no earlier than in the 18th century. However, this has not been a deep analysis of Chinese culture. More attention was paid to the practical side of relations between the countries in this stage of experiencing a new culture, a special attention was paid to the manifestations of the *modus vivendi* of its residents, as well as methods of governance, rather than a way of thinking and philosophical tradition. Gradually, with the development of trade and political relations interest in Chinese culture increased but it never went beyond purely commercial interests.

Nevertheless, in the XIX century one of the strongest schools was formed in Russia – Sinology. This article deals with the stages of its formation.

Before we begin to describe the specific effects of Chinese philosophy on Russian thought we must clarify the main characteristics of Russian philosophy being a single semantic field in which we find intersperses of Chinese philosophy. Russian translation is a problem that requires a separate study which we do not undertake to conduct in this work but we will point out the specifics of Chinese philosophy retraction in the texts of Russian thinkers.

Keywords:

Russian philosophy, Chinese philosophy, Sinology, Confucianism, Taoism.

Введение. Специфика русской философии

История русской философии, очевидно, имеет множество отличий от китайской мыслительной традиции. Наша задача в данной работе состоит не в том, чтобы показать становление русской мысли как таковой, ибо такая задача требует глубокого анализа архивов, но указать на параллели и тропы, которые только намечала русская мысль и те борозды, которые уже возделала мысль китайская.

История русской философии имеет, по меньшей мере, два периода: до реформ Петра и после. Однако начальная точка отчета формирования аутентичной философской мысли в России все еще остается трудноопределимой, смутно видимой по нескольким причинам. Положение России в геополитическом пространстве двойственно, с одной стороны – Европа, с другой стороны – Восток, который в своем разнообразии, несомненно, имеет влияние на культуру России. Такая амбивалентная ситуация провоцирует постоянный поиск собственного пути, бытия в мире и своего культурного ядра.

В период допетровских реформ философское сознание существовало в рамках Славяно-Греко-Латинской академии, в которой преобладал схоластический дух. Внимание мыслителей было направлено на решение проблемы соотношения веры и знания, однако были оригинальные философы, такие как Григорий Сковорода, братья Лихуды. Данный период обычно именуется предфилософским, потому что принято считать, что философия формируется в среде,

сформированной на базе Академии наук и первых Университетов в Санкт-Петербурге и Москве после 1724 года. В это время было положено начало организации духовных миссий в Китай, в которых Россия выступала в качестве медиатора мировых духовных ценностей. «Россия в свою очередь должна быть и носительницей этого светоча, и распространительницей его в более далекие восточные пределы. Поэтому по отношению к Европе она играла роль ученика, по отношению к Азии должна играть роль учителя» (История российской духовной миссии в Китае, 1997, с. 15) – говорится в сборнике статей, посвященному первым духовным миссиям из России в Китай.

В процессе расширения территории России все больше возрастал вопрос о самоидентичности и определения места данной страны в глобальном мире. В это время русская интеллигенция формировалась под сильным воздействием западных тенденций мысли, воспринимая западные ценности как образец для развития собственной интеллектуальной культуры. Можно сказать, что после петровских реформ начался процесс обретения философии, как формы светского, научного мировоззрения, базирующийся на европейской рациональности.

Безусловно, процесс взаимовлияния естественен для любого развития в философии, представляя собой преемственность идей и их эволюционное развитие. Без Канта, скажем, не было бы Гегеля, несмотря на то, что сам он является оригинальным мыслителем. «Все это усложняет вопрос о понятии «влияние» – тут есть разные ступени, разные градации» (Зеньковский, 2001, с. 24).

Очевидно, что абсолютного влияния в области философии быть просто не может, так как философия есть свобода мышления, движение которой мы попытаемся представить в данной работе на конкретных примерах тех мыслителей, которые осмыслили опыт китайской мыслительной традиции.

Одним из ярких представителей русской мысли является М. В. Ломоносов, который в большей степени был ученым, и свои философские взгляды подчинял научной картине мира.

Принято считать, что русская философия – это религиозная философия по той причине, что большая часть философов акцентировали свое внимание вокруг религиозных, схоластических проблем и создавали онтологические системы, опираясь на идею Бога и Христианство.

Однако не стоит думать, что этим ограничивается вся русская философия, ибо в ней просто не было бы места для анализа, с точки зрения христианского мировоззрения, атеистической философии Китая.

Особенно важен для нас период правления Екатерины II, когда интерес к Китаю сильно возрос, и среди интеллигенции стали появляться выдающиеся фигуры, посвятившие свою жизнь изучению культуры Китая, прокладывая путь синологии в России. В данный исторический период преобладали прагматические интересы, в недрах которого теплилась та энергия мысли, которая в будущем воплотится в произведениях русских писателей и философов, активно искавших аутентичный путь развития России, олицетворяя собой национальный дух самопознания.

Первый, кто наиболее полно описал в XVIII веке китайскую культуру, был Николай Сапфариус. Однако его представления о дальней восточной стране базировались на иезуитских источниках, поэтому они были похожи на описание

в Русских сказках далекого удивительного волшебного мира избылиия. Эта работа положила начало исследованиям китайской цивилизации. В его работе «Описание Китая» впервые мы находим описание интеллектуальной культуры и философии Китая. Работы Сапфария были опубликованы лишь в 1910 году, до этого времени в России были весьма смутные, нецелостные представления о Китае. Более того, русская философия сама только начинала обретать собственные очертания как уникальное творчество мысли.

Китайская мысль в социальном контексте России

В XVIII веке Россия и Китай стали соседствующими государствами, и только к XIX веку сосед обрёл имя «Китай» (Лукин, 2007, с. 33). С этого времени началось расширение научного интереса к «далекой стране».

Первая духовная миссия в Китай была связана с пограничным военным конфликтом, который произошел в 1685 году. В связи с захватом власти маньчжурами в 1644 году, власти Китая стали больше обращать внимания к территории, граничащей с Маньчжурией, на одной из линий такой границы находился город Албазин, возле которого и произошел знаменитый захват одноименной крепости маньчжурским императором Канси (История российской духовной миссии в Китае, 1997, с. 7).

Однако император был настолько потрясен мужеством и отвагой русских, что решил взятых в плен бойцов определить в свою императорскую армию, назвав их «Русская сотня». Несмотря на то, что русские пленники были христианами, толерантный император не возражал, чтобы они сохранили свою веру. С этого момента начался процесс духовного и интеллектуального освоения китайской культуры. Стоит отметить, что на территории современного Китая живут потомки тех самых албазинцев, взятых четыре века назад под покровительство китайского императора.

Во время правления Екатерины II сильно возрос интерес к Китаю как к державе с абсолютной властью императора. Составляется перевод официальной истории династии Цин в 16-ти томах, в котором участвовал М.В. Ломоносов. Согласно А. Лукину до XVII века в Европе не было подобного полного перевода (Maggs, 1984, p. 118).

Составление перевода уголовного кодекса династии Цин имело особую значимость, в нем представлена китайская мудрость как пример единоправного управления государством.

В это время Алексей Леонтьев переводил рекомендации китайского мудреца, адресованные императору, который вызвал противоречивую реакцию читателей. А. Лукин пишет: «Очевидно, его целью было показать императрице, что должен, а чего не должен делать истинный просвещенный правитель» (Лукин, 2007, с. 57). Отсылка именно к китайской мысли и образу восточного мудреца была оригинальной попыткой подчеркнуть недостатки российской жизни и отношений между народом и властью. Этот тонкий намек был поддержан другими интеллектуалами, такими как Н.И. Новиков, Д.И. Фонвизин. Однако в итоге журналы «Трутенъ» и «Пустомеля», содержащие переводы китайских текстов, были закрыты правительством в связи с подрывом устоявшихся взглядов на деспотичный Китай.

Вернемся на несколько десятилетий назад, когда Готфрид Лейбниц писал Петру I о необходимости взаимодействовать с Китаем и развивать отношения с азиатской страной в связи с удачной географической локализацией. К этому времени в Германии, Франции и Англии уже имелись обширные знания о китайской культуре, что, конечно, нельзя сказать о России. Тем не менее, Россия стала первой страной, которая в 1689 году заключила торговый договор с Китаем, получивший название «Нерчинский торговый договор».

Александр Радищев, вторя Г. Лейбницу, считал, что взаимоотношения между Россией и Китаем могут быть особенно полезны и должны быть развиты в будущем. В «письме о китайском торге» он показал свою позицию относительно Китая, однако оно было опубликовано после ссылки автора в Сибирь за распространение радикальных и критических идей, направленных против правящей власти.

Денис Фонвизин составляет перевод китайского классического текста «Дасюе» («Великое учение»), в котором подчеркивает обязанности государства в лице императора перед своим народом и важную роль добродетели в этих непростых отношениях – все эти обязанности и качества были восприняты Екатериной II с недовольством.

В русской литературе XVIII века сформировались несколько стереотипов о Китае. Например, это были образы-паттерны «мудреца Конфуция, доброго китайского императора, простого человека» (Лукин, 2007, с. 55).

В целом духовный портрет Китая как удивительного мира был кардинально перерисован в связи со сменой вектора развития России, поэтому образ Китая имел довольно противоречивую дефиницию. Это было обусловлено драматической судьбой самой русской мысли, находящейся в постоянном поиске себя, на перепутье между Европой и Азией.

Европейский путь развития мысли был ближе, даже, скорее, привычнее русскому интеллигенту XVII века, так как восточная философия все еще стояла за пределами основных тенденций европейского разума, базирующегося на заветах немецкой классической философии, венцом развития которой был Г.В.Ф. Гегель. Согласно ему, только маргиналы могли посвящать свое бесценное время на изучение восточных текстов, тормозя собственное интеллектуальное развитие. Однако в реальности это оказалось совсем не так, что мы попытаемся далее обосновать.

Первый перевод «Лунь юй» был сделан Никитой Бичуриным. Однако его работа до сих пор не опубликована. Первая же опубликованная работа принадлежит перу Василия Васильева, которая увидела свет в 1876 году.

В связи с возрастанием потребности России в собственных исследовательских проектах, связанных с изучением далекой таинственной страны, было сформировано несколько духовных миссий в Китай, одна из которых для нас особенно значима – это девятая миссия под руководством Н. Бичурина (1807–1820 гг.). Бичурин создал первый русско-китайский словарь и «обосновал языковое и культурное родство народов Поволжья и азиатского Востока» (Скороходова, 2016, с. 28).

В начале XIX века в контексте поиска отечественными мыслителями аутентичного пути развития русской цивилизации (культуры) китайский способ существования рассматривался как альтернативный социальный механизм.

Рефлексия относительно восточной философии была в первую очередь направлена на обретение самоидентичности, которое осуществлялось двумя идейными течениями – в лице славянофилов и западников.

Западники видели развитие России как продолжение европейского проекта Просвещения, и в этом ключе Китай не мог быть положительным примером. Петр Чаадаев писал, что Китай – «это тупая неподвижность», поскольку он не христианская страна, он не имеет таких военных, которые бы вошли в историю подобно Юлию Цезарю или Наполеону, а также не располагает географическими открытиями. Такого взгляда придерживался не один Чаадаев, это была целая тенденция. Так, Александр Герцен, употребляя формулировку Дж. Ст. Милля, называл Китай «самодержавной толпой сплоченной посредственности (conglomerated mediocracy)» (Лукин, 2007, с. 74).

Альтернативная позиция оказалась более позитивно настроенной по отношению к китайской культуре. Славянофил Алексей Хомяков писал: «Как бы высоко мы себя ни ставили над нашими юго-восточными соседями, мы должны признаться, что логическая стройность и строгая последовательность отличают их политическую организацию перед всеми другими, и что уважение к уму человеческому и к просвещению не доходило нигде до той степени, до которой оно доведено в Китае» (Хомяков, 2003, с. 27–28). Эта идея вполне созвучна полицентристской картине мира, которая сегодня становится всё более актуальной.

Н.Я. Данилевский, будучи создателем цивилизационной модели культурно-исторических типов, считал, что разделение на Запад и Восток является искусственным изобретением западных мыслителей и непродуктивным для исследования культуры любой цивилизации. Такой раскол мира надвое является ошибкой в понимании цивилизационной карты мира. Китай же, с его точки зрения, начиная с древних времён, вносит существенный вклад в развитие знаний и наук. Он писал: «Когда на древних греков кометы наводили еще суеверный страх, китайские астрономы... наблюдали уже научным образом эти небесные тела. Науки и знания нигде в мире не пользуются таким высоким уважением и влиянием, как в Китае» (Данилевский, 1888, с. 74–75).

Цивилизационный подход приводил к изменению ракурса взгляда на Китай и на китайскую философию в целом. Это, в свою очередь, было связано с пересмотром ранее традиционно негативного взгляда на политическую философию конфуцианства, считавшейся неэффективной применительно к организации государственной жизни, поскольку, якобы, порождала её стагнацию. Так, например, исследователь А. Столповская обнаружила в конфуцианской традиции корень будущего развития китайского общества и основу нравственности китайского гражданина как уникальное проявление его национального характера (Столповская, 2010, с. 473–474).

В то же время, некоторые русские философы критически относились к теории и практике китайской этики. Например, основатель русского космизма Н.И. Федоров писал в работе «Записка от неученых к ученым»: «...в Китае нравственное чувство (т.е. любовь детей к родителям) проявляется в форме обряда, игры и делается все более и более фиктивным, даже вещи, приносимые в жертву, заменяются моделями, изображениями, а рядом с этим забавы и увеселения возводятся в действительное, серьезное дело; т.е. в действительности –

искусственным потребностям дается первенство, лицемерно же – на первое место ставится удовлетворение нравственного чувства» (Федоров, 1995, с. 49). Нетрудно увидеть, что за критикой китайской нравственности стоит глубокое личное убеждение ученого, что мораль может быть реализована лишь в границах Христианства, через феномены спасения, смерти, искупления грехов и воскрешения. Нельзя также не отметить позицию философа В. С. Соловьева, написавшего статью «Китай и Европа», в которой посредством своей идеи панмонголоизма развел по разным полюсам Запад и Восток. Данная идея была выдвинута мыслителем в качестве контраргумента против концепции культурно-исторических типов Данилевского, поскольку, по его мнению, Китай не имеет возможности полноценного развития без принятия им западноевропейских ценностей. Вне европейского пути развития Китай представляет собой стагнацию и «исторический конфуз» (Сербиненко, 2015, с. 42). Поэтому Китай лишь отколота часть от цивилизованного мира, подобно дихотомии варвар/эллин.

Мудрость Китая в русской литературе

Значительная часть русской философии представлена литературными произведениями русских писателей и мыслителей XIX–XX вв. Примером осознания и интерпретации китайской философии является творчество Л. Н. Толстого, которое оказало большое влияние на китайскую культуру после того, как его сочинения были переведены на китайский язык.

Л. Н. Толстой, как известно, хорошо владел иностранными языками, на которые в XIX веке были уже переведены китайские тексты Конфуция и Лао-Цзы. Его интерес к Китаю не был продиктован лишь веянием моды, это был последовательный духовный путь к созданию нового этического учения, поиска собственного смысла жизни. У философов Древнего Китая он стремился «...найти... идеи, созвучные его собственным размышлениям о сущности жизни, о назначении человека» (Шифман, 1971, с. 178).

Первая интенция в сторону Китая была вызвана реакцией русского писателя на военное вторжение Англии на территорию Гуанчжоу в 1856 году, которое спровоцировало так называемые опиумные войны. Л. Н. Толстой оценивал такую военную активность как отвратительный инцидент (Шифман, 1971, с. 125). С этого момента начали формироваться его этические взгляды. Два принципа восточной морали – индийская ахимса (*ahimsā*, не-насилие) и даосский принцип у-вэй – отразились в работах Толстого в их оригинальном преломлении. В течение всей своей жизни он распространял и отстаивал эти духовные принципы, за что получил прозвище «русский Махатма» или «русский Лао».

Особенное внимание стоит уделить влиянию конфуцианства, изучение которого делится в творчестве Л. Н. Толстого на три периода. Первый относится к реакции на насилие Англии над Китаем. Второй относится к периоду написания романа «Анна Каренина» (1880 год), в течение которого он публикует переводы высказываний китайских мыслителей. Третий период продолжался с 1903 года – это время формирования собственной религиозной доктрины.

Все три периода соприкосновения с китайской мыслительной культурой были обусловлены потребностью в обосновании собственной концепции природы человека, психологии души и этики действия. Л. Н. Толстой является

выдающейся фигурой, которая максимально для своего времени приблизилась к пониманию китайской мысли.

В романе «Анна Каренина» Л. Н. Толстой впервые упоминает конфуцианство в качестве религии, потому что «...саму религию он определяет как «законы добра» в «лучшее благо» – обладание смыслом жизни» (Абраменко и др., 2018, с. 31). Это был период духовного кризиса писателя, который спровоцировал его к поиску утраченного смысла жизни в основаниях иной культуры. В 1884 году он переводит «Да Сюэ» и «Дао Дэ Цзин», пытается проникнуть в суть конфуцианского учения и под их влиянием пишет работу «В чем моя вера?». Также активно участвует в подготовке книги «Жизнь и учение Конфуция».

Однако это было не беспристрастное исследование конфуцианства, оно было подвергнуто деконструкции через призму христианства, калейдоскопически вращая целостность китайского базового учения, воплощенное в книге «Мысли мудрых людей на каждый день» (Абраменко и др., 2018, с. 35).

Интерес Л. Н. Толстого к китайской мыслительной культуре во многом объясняется тем, что она была чужда мистике, метафизике, более важное место в ней занимал практический интерес к созданию идеального социального порядка, который способствовал решению актуальных жизненных проблем. Согласно китайской традиции, жизнь социума соответствует космической гармонии, а главная цель человеческой жизни (гражданина) – это следование ритуалу для поддержания гармонии. «Как достичь и/или поддержать стабильный социальный порядок? – ключевой вопрос, из которого произошла китайская мысль. Базовой предпосылкой для сохранения социума является такой социальный порядок, который будет находиться в гармонии с человеческой природой, а через нее в гармонии с космическим порядком» (Cohen, 2010, p. 34). Ритуал выступает своеобразным кодом для достижения гармонии между космосом и социумом.

Л. Н. Толстой в своих рассуждениях о социальном порядке намеревался показать, как происходит трансформация человеческой души под воздействием «грубой силы» социальной машины. В мировоззрении Л. Н. Толстого «мораль зависит от общества и мы должны быть такими же растленными, как общественные запреты, не больше» (Maninng, 1927, p. 509). Эта фраза взята из работы, посвященной роману «Анна Каренина», где в жизненных линиях героев воплощены внутренние голоса самого Толстого, находящегося в мучительном поиске нового смысла жизни. Писатель нуждался в прояснении и понимании теории общества, которая бы могла помочь достигнуть счастья в современном ему обществе.

Л. Н. Толстой был одним из первых русских авторов, кто стал распространять идеи Лао-Цзы, Мо Ди и Мэн-Цзы. В 1888 году он публикует работу «О жизни», подводя итоги своим штудиям китайской философии. Мо Ди притягивал своей идеей универсальной любви, о которой Христос скажет лишь пять веков спустя. Все люди имеют права и равные возможности для реализации своего жизненного пути согласно человеческим добродетелям.

Как мы упоминали, Л. Н. Толстого часто называли Лао, видимо, по той причине, что «путь к вере самого Толстого и был для него несомненным Дао, божественным жизненным Путем, впервые обозначенным в простых истинах Лао-Цзы» (Бондаренко, 2007). Для него Лао-Цзы был значимой фигурой,

в творчестве которого он чувствовал архетип гармонии человека и природы, воплощенный в «Дао Дэ Цзин».

Триада «Небо-Человек-Земля» понималась по-разному в трех учениях: даосизме, конфуцианстве и толстовстве. В толстовстве синтезировались традиции даосизма и конфуцианства: «Перед Толстым явно или неявно стояла грандиозная задача освоить архитектонику даосской и конфуцианской культуры Дао, найти архетип русской культуры Глагола, согласовать архетипы и впервые в истории Срединной Страны и России открыть диалог китайской культуры Дао и культуры Глагола» (Абраменко и др., 2018, с. 240). Русская культура глагола была создана А. С. Пушкиным, подобно Лао он открыл глубинный архетип своей культуры. «Мудрость и философию они соединяют взращенными на спиралях архетипов Дао и Глагола поэтическим Словом и становятся воплощением поэзии и творцами подлинного, нового языка своих этнических культур» (Абраменко и др., 2018, с. 174).

Понимание концепта У-вэй раскрыто в работе «Неделание», оригинальном эссе, опубликованном в 1893 году, где в духе Лао осуществляется критика идей цивилизационного прогресса и возвышения труда. Толстой критикует современность подобно тому, как это делали Конфуций и Лао 25 веков назад. Например: «Возведение труда в достоинство есть такое же уродство, каким бы было возведение питания человека в достоинство и добродетель» (Толстой, 1957b, с. 187). Здесь видна аргументация Лао в пользу принципа У-вэй, духовного выбора надеяния, как высшая форма осознанного, согласно природной гармонии, действия. На этом же строится критика Учения, которое представляет собой искусственные правила, заслоня индивидуальную работу души. Более того, по словам Толстого «Все бедствия людей, по учению Лао-Цзы, происходят не столько от того, что они не сделали того, что нужно, сколько от того, что они делают то, чего не нужно делать. И потому люди избавились бы от всех бедствий личных и в особенности общественных, которые преимущественно имеет в виду китайский философ, если бы они соблюдали неделание (*s'ils pratiquaient le non agir*)» (Толстой, 1957b, с. 185).

Высокая гуманность и проповедь самоотвержения и любви к людям, отличающие учение Конфуция, очень сходились с мыслями по этому поводу самого Толстого» (Толстой, 1957a, с. 883–884). В 1905 году Л. Н. Толстой получил письмо от китайского студента, в котором говорилось о необходимости сближения России и Китая и развития продуктивных взаимоотношений, подчеркивалось духовное родство держав, «...поскольку и та и другая имеют трудовую, народную основу и оба народа не приемлют западную буржуазную цивилизацию» (Петухов, 2014, с. 93). Практичное мышление китайцев, действительно, имеет глубокое духовное родство с базовой структурой души Толстого, что подтверждается активным изучением наследия русского мыслителя в Поднебесной, делает его творчество созвучным мышлению самих китайцев (Петухов, 2014, с. 95). Более того, «Архетипы Лао-Цзы, Конфуция и Толстого могут согласовываться, а выстроенные на них тексты могут вести к высокому уровню взаимопонимания» (Абраменко и др., 2018, с. 252).

То же самое, однако, нельзя сказать о Ф. М. Достоевском, великом творце русской литературы, который остался непонятым в Китае. Христианское мировоззрение Достоевского препятствовало адекватному пониманию его лите-

ратурного творчества китайскими читателями, ведь в Китае отсутствует идея бога. Романы Достоевского наполнены такими феноменами, как грехопадение, спасение, искупление, покаяние, их невозможно понять умом, который сформирован в контексте конфуцианства, буддизма и даосизма (Bart, 2017, p. 203).

Современная русская синология

В конце XIX века В. П. Васильев создает национальную школу изучения китайской культуры, затем эта школа была развита В. М. Алексеевым. Появляются новые литературные переводы, поэмы, песни, сказки, впервые был сделан перевод на русский язык «Ши цзин» (китайская книга песен). Для более глубокого изучения специфики перевода китайского фольклора было создано направление «шицзиноведение», создан «Очерк истории китайской литературы».

Становление синологии как самостоятельного исследовательского направления показало, что китайская культура, в том числе и художественная, – единая система, которая может изучаться только комплексно. Одновременно с этим возникали центры изучения Востока, появились различные школы и направления, в которых развивались различные подходы к переводу и толкованию текстов. Например, «...«цивилизационная школа» начала обретать свои черты в 1960 году в период расцвета изучения китайской философии в СССР, и объектом ее исследования было влияние китайской философии на развитие китайской цивилизации, социальные и политические институты, модернизацию Китая»; «Структурная школа» ставила иную цель: «достичь посредством раскрытия параллельных структур предложений и прослеживание закономерностей чередования последовательности идентичных фрагментов» (Ломанов, 2013, p. 124).

Возникли два глобальных проекта: словарь китайской философии и энциклопедия духовной культуры Китая. Совместные усилия двух упомянутых школ способствовали успеху их реализации.

Сегодня одно из наиболее интересных и дискуссионных направлений в синологии – это анализ логических структур языка древнего Китая, который может стать ключом к расшифровке китайского мышления. Как замечает А. Ломанов, «представители структуралистского направления по изучению китайской философии направляют свои поиски на феномен «учения символов и чисел» 象數之學 (xiàngshù zhī xué), воспринимая его как фундаментальный формальный принцип («нумерология») китайской культуры» (Ломанов, 2013, p. 124–125).

Данный метод исследования и поиска *ядерного основания* китайской культуры способствует решению проблем межкультурного диалога и глобальных проблем взаимонепонимания между странами и мировоззрениями.

Epilogue

Подводя итог нашему исследованию истории восприятия и понимания китайской философии в России, мы можем сказать, что формирование русской синологии было одновременно познанием самих себя и выявлением роли китайского культурного наследия в мировой интеллектуальной культуре.

В рамках статьи мы показали основные исторические вехи изучения китайской культуры и тенденции восприятия и понимания китайской философии.

фии в интеллектуальной культуре России. При этом специально остановились на литературно-философском наследии Л.Н. Толстого, воплотившем своеобразный синтез идей даосизма, конфуцианства и толстовства, что нашло яркий отклик в творчестве китайских мыслителей.

В заключение отметим, что сегодня отечественная философия совместно с синологией и ориенталистикой занимается не только прояснением и оценкой исторического опыта цивилизации Китая в самых различных его аспектах, но также исследует культурное её ядро, делающее Китай поистине уникальным культурным целым среди других целостных культурных образований. В данном контексте наше исследование является частью глобального проекта изучения такого феномена, как взаимовлияние культур друг на друга посредством философских идей.

Список литературы

1. Абраменко, В.П., Лукьянов, А.Е., Майоров, В.М. (2018). *Конфуцианство и даосизм в мировоззрении Л.Н. Толстого*. М.: ИДВ РАН.
2. Бондаренко, В.Г. (2007, 20 июня). Дао Льва Толстого. *НГ Наука*. Взято 15 февраля 2020, с http://www.ng.ru/ng_religii/2007-06-20/7_tolstoi.html
3. Данилевский, Н.Я. (1888). *Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому*. СПб.: Типография брат. Пантелеевых.
4. Зеньковский, В. (2001) *История русской философии*. М.: Академический Проект, Раритет.
5. *История российской духовной миссии в Китае*. (1997). М.: Издательство Свято-Владимирского братства.
6. Лукин, А.В. (2007). *Медведь наблюдает над драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках*. М: Восток-Запад: АСТ.
7. Петухов, С.В. (2014). «Великий мудрец» Лев Толстой и «скитающаяся душа» Федор Достоевский в Китае». *Научный журнал «Вестник Бурятского государственного университета»*, 10(2), 93–97.
8. Сербиненко, В.В. (2015). Спор о Китае: Вл. Соловьев и Н. Данилевский. *Научный журнал «Тетради по консерватизму»*, 2(5), 39–49.
9. Скороходова, С.И. (2016). Азия в русской философии XIX века. *Научный журнал «Соловьевские исследования»*, 1(49), 26–43.
10. Спирын, В.С. (1976). *Построение древнекитайских текстов*. М.: Наука.
11. Столповская, А. (2010). *Очерк истории культуры китайского народа*. М.: Книга по требованию.
12. Титаренко, М.Л. (Ред.). (2008). *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Ин-т Дальнего Востока, М.: Восточная литература*.
13. Толстой, Л.Н. (1957а). *Полное собрание сочинений в 90 томах* (Т. 25). М.: Государственное издательство «Художественная литература».
14. Толстой, Л.Н. (1957б). *Полное собрание сочинений в 90 томах* (Т. 29). М.: Государственное издательство «Художественная литература».
15. Федоров, Н.Ф. (1995). *Собрание сочинений: в 4 т.* (Т. 1). М.: Прогресс.

16. Хомяков, А. С. (2003). *Семирамида. Исследование истинности исторических идей*. М.: ЕКСМО.
17. Шифман, А. И. (1971). *Лев Толстой и Восток*. М.: Наука.
18. Bart, Dessein. (2017). Religious and nationalism societies. *Religion and the nation Confucian and the new Confucian nationalism* (pp. 199–232). Amsterdam: University press.
19. Cohen, Floris H. (2010). *How Modern Science Came into the World*. Amsterdam: University press.
20. Lomanov, A. (2013). Chinese philosophy an post-soviet Russia. *Journal of Chinese philosophy*, 40(S1). USA: WILEY.
21. Maggs, B.W. (1984). *Russia and «Le Rêve Chinois»: China in eighteenth-century Russian. Literature*. Oxford University Studies in the Enlightenment.
22. Maning, C.A. (1927, June). Tolstoy and Anna Karenina. *PMLA*, 42(2), 505–521. <https://doi.org/10.2307/457520>
23. Widenor, B. (1997). *Russia and 'le rêve chinois': China in eighteenth-century Russian Literature*. Oxford: The Voltare Foundation.

References

1. Abramenko, V.P., Luk'yanov, A.E., & Majorov, V.M. (2018). *Konfucianstvo i daosizm v mirovozzrenii L.N. Tolstogo* [Confucianism and Taoism in L.N. Tolstoy's world vision]. М.: IDV RAN.
2. Bart, Dessein. (2017). Religious and nationalism societies. *Religion and the nation Confucian and the new Confucian nationalism* (pp. 199–232). Amsterdam: University press.
3. Bondarenko, V.G. (2007, June 20). Dao L'va Tolstogo [Leo Tolstoy's Tao]. *Nauchnaya gazeta "NG Nauka"*. Retrieved February 15, 2020, from http://www.ng.ru/ng_religii/2007-06-20/7_tolstoi.html
4. Cohen, Floris H. (2010). *How Modern Science Came into the World*. Amsterdam: University press.
5. Danilevskij, N. Ya. (1888). *Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu* [Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world with the German-Romanian world]. SPb.: Tipografiya brat. Panteleevyh.
6. Fedorov, N. F. (1995). *Sobranie sochinenij: v 4 t.* [Collection of essays] (Vol. 1). М.: Progress.
7. Homyakov, A. S. (2003). *Semiramida. Issledovanie istinnosti istoricheskikh idej* [Semiramida. Study on the truth of historical ideas]. М.: Eksmo.
8. *Istoriya rossijskoj duhovnoj missii v Kitae* [History of the Russian spiritual mission in China]. (1997). М.: Izdatel'stvo Svyato-Vladimirskogo bratstva.
9. Lomanov, A. (2013). Chinese philosophy an post-soviet Russia. *Journal of Chinese philosophy*, 40(S1). USA: WILEY.
10. Lukin, A. V. (2007). *Medved' nablyudaet nad drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII–XXI vekah* [The bear is watching the dragon. The image of Russia in China in the XVII–XXI centuries]. М: Vostok-Zapad: AST.
11. Maggs, B.W. (1984). *Russia and «Le Rêve Chinois»: China in eighteenth-*

century Russian Literature. Oxford University Studies in the Enlightenment.

12. Maninng, C.A. (1927, June). Tolstoy and Anna Karenina. *PMLA*, 42(2), 505–521. <https://doi.org/10.2307/457520>

13. Petuhov, S.V. (2014). “Velikij mudrec” Lev Tolstoj i “skitayushchayasya dusha” Fedor Dostoevskij v Kitae” [“Great Sage” Leo Tolstoy and “wandering soul” Fyodor Dostoyevsky in China]. *Nauchnyj zhurnal “Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta”*, 10(2), 93–97.

14. Serbinenko, V.V. (2015). Spor o Kitae: Vl. Solov’ev i N. Danilevskij [The dispute about China: Vl. Soloviev and N. Danilevsky]. *Nauchnyj zhurnal “Tetradi po konservatizmu”*, 2(5), 39–49.

15. Shifman, A.I. (1971). *Lev Tolstoj i Vostok* [Leo Tolstoy and East]. M.: Nauka.

16. Skorohodova, S.I. (2016). Aziya v russoj filosofii XIX veka [Asia in 19th century Russian philosophy]. *Nauchnyj zhurnal «Solov’evskie issledovaniya»*, 1(49), 26–43.

17. Spirin, V.S. (1976). *Postroenie drevnekitajskih tekstov* [Construction of ancient Chinese texts]. M.: Nauka.

18. Stolpovskaya, A. (2010). *Ocherk istorii kul’tury kitajskogo naroda* [Essay on the cultural history of the Chinese people]. M.: Kniga po trebovaniyu.

19. Titarenko, M.L. (Ed.). (2008). *Duhovnaya kul’tura Kitaya: enciklopediya: v 5 t.* [Spiritual culture in China: an encyclopedia]. Institut Dal’nego Vostoka, M.: Vostochnaya literatura.

20. Tolstoj, L.N. (1957a). *Polnoe sobranie sochinenij v 90 tomah* [Complete works in 90 volumes] (Vol. 25). M.: Gosudarstvennoe izdatel’stvo «Hudozhestvennaya literatura».

21. Tolstoj, L.N. (1957b). *Polnoe sobranie sochinenij v 90 tomah* [Complete works in 90 volumes] (Vol. 29). M.: Gosudarstvennoe izdatel’stvo «Hudozhestvennaya literatura».

22. Widenor, B. (1997). *Russia and ‘le rêve chinois’: China in eighteenth-century Russian Literature*. Oxford: The Voltare Foundation.

23. Zen’kovskij, V. (2001). *Istoriya russoj filosofii* [History of Russian Philosophy]. M.: Akademicheskij Proekt, Raritet.

КОНЦЕПЦИЯ СИ ЦЗИНЬПИНА «СООБЩЕСТВА ЕДИНОЙ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ «ОБЩЕЙ СУДЬБЕ» В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ И ПОЛИТИКОВ

Бояркина Анна Владимировна,

Дальневосточный федеральный университет,
Восточный институт – Школа региональных и международных
исследований,
Академический департамент английского языка,
кандидат политических наук, доцент,
Владивосток, Россия,
ORCID: 0000-0001-9819-8171,
E-mail: aboyarkina@gmail.com

Статья поступила в редакцию 21.05.2020, принята к публикации 07.10.2020

Для цитирования: Бояркина А.В. Концепция Си Цзиньпина «сообщества единой судьбы человечества» и представления об «общей судьбе» в трудах российских ученых и политиков // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4 (41). С. 112–132. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10408

Аннотация

Статья посвящена политическому дискурсу идей о «единой судьбе» стран и народов в трудах российских ученых и политиков. Эти проблемы особенно актуализированы в связи с выдвинутой лидером современного Китая Си Цзиньпином концепции «сообщества единой судьбы человечества» (СЕСЧ). Цель статьи – проанализировать взгляды ученых и политиков на создание единой России, Европы, Евразийского пространства. Одновременно отмечено созвучие некоторых идей из российского дискурса о «единой судьбе» идеям китайским. В данном исследовании положения об «общей судьбе» стран и народов рассмотрены как корпус текстов на религиозные темы, научных статей, заявлений политических лидеров.

В качестве методологической основы для исследования выбрана ключевая философско-дипломатическая концепция «сообщество единой судьбы человечества»

© Бояркина А.В., 2020

с опорой на труды русских святых, ученых, общественных и государственных деятелей. Данная концепция применима во взаимосвязи с идеями об «общей судьбе» народов и стран в работах русских ученых и политиков. Автор статьи показывает, что современная концепция «сообщества единой судьбы человечества» обогащается взглядами и положениями об «общей судьбе» народов. Российские ученые подпитываются идеями об «общей судьбе» и достижениями традиционных китайских школ. Концепция Си Цзиньпина «сообщества единой судьбы человечества» определяет взаимосвязь и взаимозависимость в отношениях между всеми странами, способствует установлению равновесия в соотношении сил на международном уровне.

Автор приходит к выводу, что большинство русских ученых и политиков высоко оценивают не только традиционные китайские подходы к проблеме «общей судьбы», но и современную концепцию Си Цзиньпина СЕСЧ. Это позволит народам и странам вместе решать глобальные проблемы, предотвратить ядерную войну, урегулировать конфликты, бороться с эпидемиями. Несмотря на определенные различия между российской и китайской концепциями «общей судьбы», у них обнаружено много схожего. Эти две концепции призывают страны и народы к интеграции, построению общероссийского и общемирового дома. Заимствуя некоторые идеи российского общезития, Китай продолжает объединять страны в рамках концепции «сообщества единой судьбы человечества».

Ключевые слова:

Китай, понятие «общая судьба», концепция «сообщества единой судьбы человечества», российские мыслители и политики, о единой судьбе человечества.

UDC 327

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10408

XI JINPING'S CONCEPT OF A COMMUNITY WITH A SHARED FUTURE FOR MANKIND AND IDEAS ON COMMON DESTINY IN WORKS OF THE RUSSIAN SCHOLARS AND POLITICIANS

Anna V. Boyarkina,

Far Eastern Federal University,
Oriental Institute – School of regional and international studies,
Academic department of the English language,
PhD (Political sciences),
Vladivostok, Russia,
ORCID: 0000-0001-9819-8171,
E-mail: aboyarkina@gmail.com

Article received on May 21, 2020, accepted on October 7, 2020

To cite this article: Bojarkina, A.V. (2020). Konceptcija Si Czin'pina «soobshhestva edinoj sud'by chelovechestva» i predstavlenija ob «obshhej sud'be» v trudah rossijskih uchenyh i politikov [Xi Jinping's concept of a community with a shared future for mankind and ideas on common destiny in works of the Russian scholars and politicians]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 4(41), 112–132. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10408

Abstract

The article is devoted to political discourse on ideas about the common destiny of countries and peoples in the works of Russian scientists and politicians. These problems are especially discussible in connection with the concept put forward by the leader of modern China, Xi Jinping, a community with a shared future for mankind (CCD). The purpose of the paper is to analyze the views of scientists and politicians on the creation of a united Russia, Europe, Eurasian space. At the same time, it is noted the consonance of some ideas from the Russian discourse about the common destiny with the Chinese ones. In this study, ideas about the common future of countries and peoples are considered as a corpus of texts on religious topics, academic articles, and statements declared by political leaders.

As a methodological basis for research there has been defined the key philosophical and diplomatic concept of a community with a shared future for mankind, referring to the works of Russian saints, scholars, public and government figures. This concept is applicable in connection with ideas about the common destiny of peoples and countries in the works of Russian scientists and politicians. The author shows that the modern concept of a community with a shared future for mankind is enriched by the views and provisions on the common destiny of peoples. Russian scholars are fueled by the ideas on the common destiny and the achievements of traditional Chinese schools. Xi Jinping's concept of a community with a shared future for mankind determines interdependence in relations among all countries, encourages to establish equilibrium in the balance of power at the international level.

The author concludes that most Russian scholars and politicians highly value not only traditional Chinese approaches to the problem of common destiny, but also the modern Xi Jinping's concept. This will allow peoples and countries to solve global problems together, prevent a nuclear war, resolve conflicts, and fight epidemics. Despite certain differences between the Russian and Chinese concepts of common destiny, they share some similarities. These two concepts call on countries and peoples to integrate and build a nationwide and global home. Borrowing some ideas of the Russian common destiny, China continues to unite the countries within the framework of the concept of a community with a shared future for mankind.

Keywords:

China, a notion of a common destiny, concept of a community with a shared future for mankind, Russian scholars and politicians, on the common destiny of mankind.

Введение

Актуальность научной проблемы определена тем, что для решения общих проблем, стоящих перед человечеством, необходимы совместные усилия стран и народов. И сегодня во время страшной эпидемии COVID-19, поразившей почти 100 государств на земле, ни одна страна не может справиться с этим всемирным злом в одиночку. Только совместными усилиями человечество сможет победить глобальную эпидемию, подчеркнул китайский лидер (Китай на деле раскрыл значение сообщества единой судьбы, 2020).

Целью данного исследования является рассмотрение и анализ взглядов отечественных мыслителей, ученых и политиков на создание единой России, Европы, Евразийского пространства. Одновременно отмечено заимствование китайскими учеными и политиками некоторых идей из российского дискурса о «единой судьбе».

Концепция Си Цзиньпина «сообщества единой судьбы человечества», основанная на традиционной китайской культуре, является фундаментальной глобальной стратегией КНР в новую эпоху (Jan Chuan, 2018; Van Ivjej, 2018). Руководитель Китая Си Цзиньпин выдвинул концепцию «сообщества единой судьбы человечества» в октябре 2012 г. на XVIII Всекитайском съезде КПК.

Степень исследованности в науке

Анализ литературы свидетельствует о том, что китайская концепция «общества единой судьбы человечества», ее отличительные черты, подходы к выявлению интеллектуальных корней, генезиса и интерпретации достаточно разработана китайским научным сообществом, в то время как связь этой инициативы с идеями русских ученых и политиков об «общей судьбе» остается относительно новым и малоизученным и представляет научный интерес.

Профессора А. В. Семенов и А. В. Цзык (2019) анализируют «общее будущее человечества» как базовый концепт современного дипломатического дискурса Китая – на языковом, когнитивном и прагматическом уровнях его понимания. В. Ф. Печерица (2020, с. 2) подчеркивает необходимость объединения стран и народов совместно встречать угрозы и вызовы, общими усилиями устранять их. Китайские дипломаты (Ли, 2019; Чжан, 2020) положительно оценивают роль Китая и России в формировании «сообщества единой судьбы человечества».

А. Н. Соколов (2009), священник Русской православной церкви, исследует вклад первого собирателя великой Руси Святого благоверного Андрея Юрьевича Боголюбского в объединение русского народа юга и севера вместе с другими народами и их стремление к единой православной вере через созидание новых городов, храмов, укрепление княжеской власти на Руси.

Епископ Православной церкви в Америке Д. А. Шаховской (2007), М. А. Шахов (2012) описывают земной путь и труд преподобного Серафима Саровского из Свято-Успенского монастыря Саровской пустыни во имя исцеления и братского единения русского народа. В. О. Ключевский (2014), В. Десятников,

Т. Соколова (2002), Н.П. Макаркин (2014), С.В. Перевезенцев (2014) рассматривают преподобного Сергия Радонежского как духовного лидера, выступающего за свободу, единство помыслов и действий и единомыслие всех людей.

В.О. Ключевский (1957, 1969, 2014), Л.А. Комаровский (1899) развивают идеи стремления к человеческому общежитию; божественного, религиозно-духовного и нравственного начала как фундамента национального единства России и Европы.

Отдельную группу составляют ученые и политики, поддерживающие идею «единой судьбы» Европейских стран и строительство единого Европейского дома. Прежде всего это Александр I (Троицкий, 2005; Герасимова, 2015; Забродин, без даты; Макарова, 2008), Л.А. Комаровский (Кембаев, 2011), М.С. Горбачев (М.С. Горбачев в Страсбурге, 2009). Л.Д. Троицкий (1925) предлагает создание Советских Соединенных Штатов Европы под пролетарским углом зрения. Ленин (1973b), наоборот, критикует этот феномен и выступает за образование республиканских «Соединенных Штатов Европы».

В отличие от сторонников общеевропейского единства, Н.Я. Данилевский (2011) видит будущее славянских народов в создании Всеславянской федерации, как в политическом, так и в культурном отношении. В.О. Ключевский (1956) раскрывает возникновение «людского общежития» через создание «людских союзов», которые рождаются, живут, переходят один в другой, затем разрушаются, как органические тела природы.

Д.И. Менделеев (2008) подчеркивает необходимость консолидации малых народов различного национального происхождения и рас с большими, так как в «будущем пророчно лишь большое и сильное». Кроме того, России необходимо политически и промышленно сблизиться с Китаем, поскольку его мягкая сила крайне успешна в процессе объединения и расширения земель (Менделеев, 2008).

Академик Вернадский (2000) предлагает путем эволюционного изменения биосферы и силой научного творчества объединить все человечество. Исследование Л.И. Абалкина (2002), как и Вернадского, связано с обществом будущего – суперцивилизацией, основанной на общественных достижениях исторического синтеза.

Труды В.И. Ленина (1962, 1973а, 1973б, 1981) посвящены идеям социалистической революции во имя победы международного рабочего класса. Он связывает идею «единой судьбы» с социалистическим переустройством государства, когда все граждане участвуют в управлении государством.

И.В. Сталин (1946) и В.И. Ленин (1962) рассуждают об «общей судьбе» человечества с позиции национального вопроса, делая акцент на самоопределении народов.

Разделяют взгляды Менделеева на политические и военные приоритеты как наиболее важные в государственной политике могущественных держав бывший президент Казахстана Н. Назарбаев и президент Российской Федерации В.В. Путин. Они поддерживают идею развития Евразийского экономического союза (Главы государств ЕАЭС ..., 2019). При этом Назарбаев критикует Сообщество за отсутствие координации между ЕАЭС и ЕС (Назарбаев назвал ..., 2019).

Методология исследования

Исторический метод мы применяем для описания и характеристики таких политических и духовных лидеров, как А.Ю. Боголюбский, Сергей Радонежский, Серафим Саровский, император Александр I и других выдающихся интеллектуалов в новой и новейшей истории России. Исторический метод позволяет раскрыть закономерности возникновения и развития концепций «общей судьбы», выявить факторы и особенности политических явлений, их роль в определенных исторических условиях России.

Используя историко-сравнительный метод исследования, мы раскрываем определенную связь идей русских и российских мыслителей и политиков с китайскими, сопоставляем общее и особенное в российских и китайских подходах к этой проблеме.

В статье предлагаются четыре подхода к дискурсу об «общей судьбе» народов и стран: нравственно-духовные истоки «единства судьбы» народов России; «общечитие» народов в представлениях мыслителей и политиков XIX века; взгляды В.И. Ленина, И.В. Сталина и Л.Д. Троцкого на «общую судьбу» человечества; идеи современных ученых и политиков о проблеме «общей судьбы» человечества (конец XX – первая половина XXI вв.)

Учитывая масштаб анализируемой проблемы и ее роль в публичном пространстве, мы опираемся на следующий комплекс источников, используемых для дискурс-анализа:

- а) академические исследования, теоретизирующие идеи единой судьбы в России;
- б) опубликованные заявления государственных деятелей России о «единой судьбе» стран и народов; а также видение лидера КНР и дипломатов, опирающееся на концепцию СЕСЧ;
- с) материалы российских и зарубежных СМИ, специализирующихся на внешнеполитической проблематике.

Результаты исследования

Столкнувшись с кризисом, человечеству еще более необходимо стать сообществом единой судьбы (Чжан, 2020). Особая ответственность лежит на мировых державах, таких как Китай, Россия, США и др. В силу своего влияния они должны брать на себя большую ответственность за судьбу не только своего народа, но и планеты в целом. Новый коронавирус не имеет государственных границ, впоследствии могут возникнуть вспышки и других вирусов, поэтому странам и народам необходимо объединиться и плечом к плечу вместе устранять угрозы.

Китай считает Россию важным партнером в формировании СЕСЧ. На основе политического взаимного доверия на высоком уровне, тесных экономических контактов, гуманитарных и культурных обменов между Китаем и Россией, а также схожих позиций по решению глобальных проблем. По мнению лидера КНР, российско-китайские отношения всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства являются самыми важными в обеспечении мира и стабильности во всем мире (Ли, 2019).

Концепция СЕСЧ гармонизирует единое пространство Евразии с целью улучшения развития всего человечества. Россия и Китай взаимодополняют друг друга и выступают за создание международных отношений нового типа, отстаивают ключевое значение ООН, призывают все стороны к разрешению таких острых проблем международного и регионального характера, как кризис в Сирии и ядерная проблема Корейского полуострова с помощью политических средств (Ли, 2019).

Нравственно-духовные истоки единства судьбы народов России

В России аргументированно и обоснованно впервые высказывают идеи единства сообщества народов и стран государственно-политические деятели на рубеже XII–XIV вв. Еще великие князья Киевские, Владимиро-Суздальские, Московские цари понимали жизненно важный соборный принцип русских земель и людей, основанный на религиозном чувстве единства и общности. Православная вера является опорой народного духа, она единственная надежная и мощная защита, вселяющая уверенность победы добра над злом и на утверждение справедливости (Макаркин, 2014, с. 10). Первым собирателем великой Руси считается Святой благоверный А. Ю. Боголюбский (ок. 1111–1174 гг.) великий князь Владимирский. Его деятельность по объединению русских княжеств направлена на укрепление политического центра Руси (Соколов, 2009).

Особую роль в укреплении единого духа русского народа играет деятельность преподобного Сергия Радонежского (1314–1392 гг.). Преподобный – настоящий духовный лидер всего православного русского мира – чья миротворческая миссия состоит в единении русских княжеств перед лицом монголо-татарского ига (Макаркин, 2014, с. 10). В. О. Ключевский описывает преподобного как идеал, воспевающий нравственное богатство народа, основанное на деяниях во имя общего блага в свое общество. В нем нравственное чувство народа срастается с его питательной почвой, его корнями (Ключевский, 2014, с. 79).

Сергий Радонежский прославляет идею равенства, братства и смирения во всей монашеской общине – общежительной обители. С целью укрепления единого духа, соблюдения нравственной чистоты и нравственного воспитания Сергий Радонежский и его ученики учреждают общежительные монастыри по всей Руси. Примечательно то, что уклад монастырской жизни совпадает с правилами жизни деревенской общины. «Житие Сергия Радонежского» (1406–1419 гг.) сообщает, что преподобный «братии как купленный раб служил... и хлеб пек, и еду варил, и остальную пищу нужную... готовил» (Десятников, Соколова, 2002, с. 50; Перевезенцев, 2014). Это означает то, что общежительные обители закрепляются как символ единой русской справедливости в народном сознании (Перевезенцев, 2014, с. 5–6). Жизнь в монастыре Преподобного Сергия, быт и обстановка пустынного братства руководствуются простыми правилами, которыми крепко людское христианское общежитие (Ключевский, 1969, с. 51).

Преподобный Серафим, иеромонах Саровской пустыни (Прохор Мошнин в миру), наставляет человечество для будущего на путь духовной нравственности (Шахов, 2012). Он считает, что братское отношение к людям возможно при условии отречения от эгоистичности, особенно коллективной, от зла, искоренения пороков. Соблюдение истинного монашества опирается на об-

щинность и общность, которые основаны на единой вере в Бога, Отца всех людей (Шаховской, 2007).

Преподобный Серафим считает всех людей объединенными именем Христовым, с одним естеством. Если существуют причины удалиться из общечеловечества, только во избежание пороков и страстей, того что противно заповедям Божьим (Чуткова, 2013, с. 254–255). Объединяющая людей общая судьба, по мысли преподобного Серафима, состоит в спасении человеческой души. Чтобы начать общую жизнь с другими, он призывает побороть в себе эгоизм, стать истинным братом или сестрой для других, а другие, чтобы стали братьями и сестрами для всех. Преподобный Серафим отвергает материализм, поскольку он приводит к эгоизму, разделяет и обособляет (Шаховской, 2007).

«Общежитие» народов в представлениях мыслителей и политиков XIX века

Известны взгляды на создание единой Европы российского императора Александра I. В ноябре 1814 г. во время Венского конгресса державами-победительницами Первой мировой войны решались вопросы мироустройства после завершения антинаполеоновских войн. Это был уникальный дипломатический форум, на котором председательствовал император Александр I. Выступая на нем, император призывал к миру всех европейских правителей. Благодаря Александру I Франция, хотя и была повержена, но получила возможность вернуться в сообщество великих европейских держав (Забродин, без даты). Он убедил своих союзников снять территориальные и умерить финансовые претензии к Франции, что и было узаконено Парижским мирным договором от 20 ноября 1815 г. (Троицкий, 2005, с. 7). При всех разногласиях Россия, Австрия и Англия были сторонниками создания общеевропейской системы отношений, базировавшейся на принципах права (Макарова, 2008, с. 165).

Выдающийся русский мыслитель Н.Я. Данилевский, автор концепции культурно-исторических типов, преодолевает идею о всеобщности движения человечества по пути прогресса. Данилевский раскрывает уникальность развития каждого народа и отрицает в целом «прирожденность России Европе» (Данилевский, 2011, с. 81).

Данилевский исключает Россию из состава Европы в связи с ее культурно-исторической матрицей происхождения. Европейские интересы враждебны России. Он рассматривает два пути общей жизни русского народа: сформировать самостоятельную культурную единицу вместе с другими славянскими народами, или лишиться собственной культурной и исторической идентичности (Данилевский, 2011, с. 475, 480).

Полезно же, смысл Всеславянского союза по отношению к России, состоит в роли лидера уникальной политической системы стран и народов, что приведет к естественному противовесу Европейским странам и всемирному равновесию (Данилевский, 2011, с. 481).

Большой вклад в развитие идей общемирового дома внес выдающийся русский ученый и общественный деятель Д.И. Менделеев. Он философски подходит к анализу исторических явлений с точки зрения общеевропейской цивилизации (Менделеев, 1995, с. 188). Главная мысль ученого состоит в раз-

витии сельского хозяйства, торговли и промышленной деятельности, возведенных в ранг государственных дел (Менделеев, 2002, с. 451). Промышленность развивает человечество, способствует его общению и прогрессу. Именно он органически связан с судьбами стран, поскольку в будущем все народы будут руководствоваться общечеловеческими ценностями, согласно объективным законам природы и человека (Менделеев, 2002, с. 204–205).

Д. И. Менделеев подчеркивает зависимость народов друг от друга. Особенно судьбы малых народов различного национального происхождения и рас консолидируются с большими народами, так как в «будущем прочно лишь большое и сильное» (Менделеев, 2008, с. 56).

Дмитрий Иванович уделяет значительное внимание развитию всех сфер общественной жизни, а прогресс любой страны зависит от правильной организации государственной власти. «Мы живем в эпоху господства государственных начал повсюду на земле, и они составляют не только плод исторического движения всего человечества, но и залог всех его дальнейших успехов в победе над природой и над животными инстинктами самих людей, потому что в государстве заложено формирующее начало общественности и общего блага, ведущего к совершенствованию общежития» (Менделеев, 1991, с. 68).

В отношении национальных интересов внешней политики Европы и Азии Менделеев считал, что России необходимо перестроить вектор юго-западного направления и создать альянс с Китаем. Общий мир ученый мыслит не только как союз России с европейскими государствами, но и с этой великой азиатской державой. Союз с рядом расположенным сильным государством важнее для России, поскольку он развивает перспективное межцивилизационное сотрудничество (Менделеев, 2008, с. 150–151).

Выдающийся русский историк В. О. Ключевский раскрывает возникновение «людского общежития» через создание «людских союзов» в развитии исторического процесса. «Человеческое общежитие, – пишет ученый, – такой же факт мирового бытия, как и жизнь окружающей нас природы, и научное познание этого факта такая же неустранимая потребность человеческого ума, как и изучение жизни этой природы» (Ключевский, 1956, с. 14). Оно выражается в разнообразных «людских союзах» или «исторических телах», которые рождаются, живут, переходят один в другой и, наконец, разрушаются, как органические тела природы.

Исторический процесс у Ключевского заключается в международных отношениях, внешней и внутренней жизни отдельных народов, которые ведут жизненную борьбу. «Людские союзы» возникают из накопленного опыта, знаний, потребностей, привычек, интересов, чувств, улучшающих, с одной стороны, а с другой – устанавливающих и совершенствующих общественные отношения. Успех людского общежития, приобретения культуры или цивилизации разных народов созданы совместными или преемственными усилиями всех культурных народов. Индивидуальная личность, людское общество и природа страны являют три первичные силы общежития (Ключевский, 1956, с. 14–21). Они соединяются с нравственным и духовным единством под влиянием общей исторической судьбы.

Большую роль Ключевский придает «новому русскому миру» в монастырской колонизации. Она способствует духовному единению монахов и мирян.

Монастырская колонизация служит опорой земледельцам, ссудной кассе, приходской церкви и другим сословиям (Ключевский, 1957, с. 244–288).

Важную роль в формировании «людского общежития» Ключевский отводит идеям и политическим и экономическим фактам. Они являются движущими силами исторического процесса. Само единое общество и его коллективная память о вместе пережитых событиях – уже идея. На самом деле общество существует с того момента, как люди начинают осознавать, что они общество (Ключевский, 1956, с. 34).

Итак, по мысли Ключевского, события политической жизни и экономические явления в своей взаимосвязи составляют ткань нашей народности, формируют государственный порядок и совершенствуют умственный труд. Это положено в основу форм и элементов людского общежития.

Одним из представителей русской интеллигенции, предлагающий идеи объединения европейских государств, является юрист, профессор, граф Л. А. Комаровский (Комаровский). Его идея мира между народами, проект объединения государств Европы и мира, предложенные в конце XIX в., опираются на принцип восприятия человечества как единого организма. Он отстаивает объединение государств в рамках эффективной международной организации, основанной на мирном международном праве. Создание международного суда как центра мирового сообщества профессор Комаровский предлагает сначала утвердить в Европе и США, т. е. в наиболее развитых регионах того времени. Международные суды, опираясь на принцип братства народов, получают общее признание во всем мире (Кембаев, 2011, с. 103).

В то же время, рассуждая о судьбе единой Европы, профессор Комаровский называет ряд проблем, препятствующих этому объединению. Так, политическое объединение Европы спровоцирует межконтинентальные войны; конфликты между европейскими государствами основаны прежде всего на их «внеевропейских» противоречиях, которые не смогут быть устранены посредством создания общеевропейского дома и др. Европейские государства, хотя и имеют общие интересы, но не являются сугубо европейскими, а «потому, если и говорить о Соединенных Штатах, то не Европы, а всего мира» (Кембаев, 2011, с. 108).

Профессор Комаровский высоко оценивает вклад Православной церкви в строительство и обеспечение внутреннего, или «земского» мира и внешнего, или «международного» (Комаровский, 1899, с. 3). Служители церкви, по словам Комаровского, призваны проводить идею мира во все слои общества, так как язык их понятен и доступен для народа (Комаровский, 1899, с. 4). Граф Комаровский убежден, что крайне необходим институт церкви в деле обеспечения мира и сплочения людей на международном, личном, семейном, сословном и др. уровнях. Это «поставит в соотношение любовь к Отечеству с любовью к остальным людям, которые по слову Христа все нам братья» (Комаровский, 1899, с. 23).

Философские размышления о единстве всего человечества нашли отражение в проблеме взаимоотношения естествознания и философии в трудах академика В. И. Вернадского. Идея общего дома человечества, по убеждению Вернадского, «вышла за пределы отдельных личностей... и стала двигателем жизни и быта народных масс или задачей государственных образований. Медленно... создаются условия реального произведения их в жизнь». Создание такого единства обусловлено ростом науки и основанного на ней социального

труда человечества. Это представляет собой главное условие образования ноосферы, и к нему человечество неизбежно придет (Вернадский, 2000, с. 333).

Учение В.И. Вернадского о ноосфере и сформулированная им эволюционная философская категория – «ноосфера» – явились в конце XX в. фундаментом для разработки ноосферной философии России и глобальной философии планеты Земля, а также всеобщей теории человеческой эволюции природы (Адамов, 2013, с. 97–98).

Таким образом, в связи с комплексными фундаментальными проблемами природы и общества академик Вернадский актуализирует значение глобальных проблем современности с точки зрения трансформации человечеством природы и строительства ноосферных справедливых сообществ людей (Адамов, 2013, с. 97).

Взгляды В.И. Ленина, И.В. Сталина и Л.Д. Троцкого на «общую судьбу» человечества

Учение В.И. Ленина – основателя Советского государства – теоретический и идеологический фундамент международного коммунистического движения. Оно напрямую связано с судьбами человечества в новейшее время.

По мнению Ленина, «демократия есть форма государства... и представляет из себя организованное, систематическое применение насилия к людям. С другой стороны, она означает признание равенства между гражданами, равного права всех на определение устройства государства и управление им» (Ленин, 1962, с. 100–101). По мысли Ленина, учет и контроль являются главными формами для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества. Но это лишь, уверен Владимир Ильич, «ступенька, необходимая для движения вперед» (Ленин, 1962, с. 101–102). «Пока не уничтожены классы, – пишет Ленин, – всякие разговоры о свободе и равенстве... являются обманом рабочих и всех трудящихся...» (Ленин, 1981, с. 425).

Ленин выступает за международное братство рабочих против шовинизма и патриотизма буржуазии всех стран. Они стоят на пути к свободе и социализму и братству при условии превращения ложно-национальной империалистической войны в гражданское столкновение пролетариата с правящей буржуазией (Ленин, 1973а, с. 22–23; 25). Именно на высшей фазе коммунистического общества, считает Ленин, человечество привыкнет к соблюдению основных правил общежития, и когда их труд будет производителен, они будут добровольно трудиться по способностям (Ленин, 1962, с. 96).

В статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы» 1915 г. прослеживается идея «общей судьбы» европейских стран. Ленин открывает новую теорию социалистической революции международному рабочему классу. Он включает в основную задачу для социал-демократов Европы образование республиканских «Соединенных Штатов Европы» (Ленин, 1973b, с. 351–355). Однако Ленин жестко критикует такое объединение.

Как и Маркс, и Энгельс, В.И. Ленин выступает за единую республику с централизованной демократией, в которой большое внимание будет уделяться национальному вопросу (Ленин, 1962, с. 72–73).

Существенный вклад в развитие идеи «общей судьбы» народов вносит И.В. Сталин. Появление фразы «сообщество судьбы» (命运共同体) можно найти

в переводе на китайский язык его произведения «Марксизм и национальный вопрос». Сталин определяет нацию как «сообщество судьбы, возникающее из сообщества характера» (Сталин, 1946, с. 296). Это означает, что право наций на самоопределение – не вопрос прав личности, а скорее высших прав народов, суверенитета и политической независимости. То есть ключевым аспектом у Сталина выступает право народов на самоопределение.

Сталинский тезис приводит нас к мысли о том, является ли «сообщество единой судьбы человечества» в какой-то степени переосмыслением представления О. Бауэра об «общности судьбы»? Отметим, что принцип о самоопределении народов, невмешательства в их внутреннюю политику заложен во внешнеполитическом документе КНР уже в первые годы народной власти, в частности, в Советско-китайском «Договоре о дружбе, союзе и взаимной помощи» в 1950 г. Он стал основной частью дипломатии Китая, в основу которой легли пять принципов мирного сосуществования: 1) взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, 2) взаимное невмешательство во внутренние дела, 3) взаимное ненападение, 4) равенство и сотрудничество и 5) мирное сосуществование.

Значительный вклад в дело общеевропейской революции и построения Соединенных Штатов Европы вносит единомышленник Ленина Л. Д. Троцкий. В 1923 г. в статье «О своевременности лозунга «Соединенные Штаты Европы» он призывает принять этот тезис в качестве одной из руководящих идей своей деятельности. «Европейские народы должны взглянуть на Европу, как на арену объединенного и все более планомерного хозяйства», – пишет Троцкий. Он считает необходимым в сложившихся послевоенных условиях создание европейской федерации – «Соединенных Штатов Европы» (Троцкий, 1925).

Л. Д. Троцкий считает необходимым также объединить Европу на экономической и хозяйственной основах, что приведет к ее социалистическому переустройству (Троцкий, 1926, 1929, с. 7, 65–66). Кроме того, государственно-таможенные границы не способны развивать капиталистическое производство и народное хозяйство. Европейские державы должны снять эти границы, в противном случае Европе «грозит полный экономический упадок» (Троцкий, 1925).

В то же время Троцкий не верит полностью в скромный задаток под Соединенные Штаты Европы. Считает их проектом, не способным противостоять военной машине США и ее финансовой мощи. Размышляя о спасении европейского народа от упадка и порабощения, Троцкий предлагает Советские Соединенные Штаты Европы.

**Идеи современных ученых и политиков
о проблеме «общей судьбы» человечества
(конец XX – первая половина XXI вв.)**

Первый президент Союза советских социалистических республик М. С. Горбачев, выступая в Страсбурге на парламентской ассамблее Совета Европы в 1989 г., призвал жителей Европы к строительству единого европейского дома (М. С. Горбачев в Страсбурге, 2009). В 2009 г. Горбачев анализирует допущенные ошибки и объясняет причины неудачи реализации идеи «единого европейского дома». По его мнению, ключевая проблема отсутствия в Европе

безопасности состоит в том, что у Европейских стран и России должна быть разработана единая концепция общей безопасности. По мысли Горбачева, «единую Европу нельзя строить на антироссийских или антиамериканских настроениях». Западная архитектура безопасности, считает Горбачев, опирается на блок НАТО (Шестаков, 2009).

В творческом наследии академика Л.И. Абалкина, прежде всего в таких трудах, как «Россия: Поиск самоопределения» (2002 г.), «Взгляд в завтрашний день» (2005 г.), находят отражение его неординарные мысли об отличии современного общества от первозданного капитализма так же, как человека разумного от своих далеких предков. Он поддерживает идею консолидации, однако опираясь на бинарные понятия «богатые–бедные», «частная и общественная собственность», «социализм–капитализм», человечество не выйдет за рамки XIX века (Абалкин, 2002, с. 36). Вместе с тем, на наш взгляд, капитализм все еще господствует в нашем общежитии, и данные понятия слишком узки для описания полноценной жизни человечества.

«Смешанное общество», основанное на исторических традициях, национальных особенностях, по словам Абалкина, многовариантно и многолико (Абалкин, 2002, с. 36). Такое общество человеческого прогресса он называет «глобальной тенденцией исторического синтеза», общественных достижений. Формирование такого общества – это вопрос не ближайшей перспективы. Абалкин не дает точного ответа, когда мы войдем в новое состояние жизни. Наше общество только на пути к глобальной основе новой «общечеловеческой суперцивилизации» (Абалкин, 2002, с. 36–37).

Первым из лидеров реинтеграции стран – участниц Содружества Независимых Государств выступает президент Казахстана Н. Назарбаев. В 1994 г. он представляет идею учреждения Евразийского экономического союза.

По мере развития интеграции в рамках «пятерки»¹ Сообщества выявляются неудачи и возникает необходимость создания эффективного многостороннего организационно-правового механизма. В мае 2014 г. президентами России, Белоруссии и Казахстана подписан Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС).

Президент Российской Федерации В.В. Путин рассматривает «Евразийский экономический союз как эффективное интеграционное объединение, деятельность которого строится на равноправии, взаимной выгоде и уважении интересов друг друга». Об этом свидетельствует то, что сегодня «евразийская интеграция работает и приносит реальные результаты» (Главы государств ЕАЭС ..., 2019). Так, улучшается структура экспорта; создаются новые совместные предприятия; запускаются перспективные инвестиционные проекты; налаживается тесная промышленная кооперация. Дальнейшее углубление евразийской интеграции позволит повысить благосостояние наших граждан, будет способствовать сохранению культурной, исторической и социальной общности народов стран Союза.

Н. Назарбаев подчеркивает, что Евразийский экономический союз объединяет возможности пяти стран на огромной территории. Он верит в необходимость разработки новой стратегии развития, которая расширит стратегические

¹ В 1995–1996 гг. происходит создание таможенного союза в составе: Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия и Таджикистан.

контуры, усилит идеи интеграции. Назарбаев также считает неприемлемым отсутствие полноценного диалога между ЕАЭС и ЕС. Сегодня отсутствует механизм партнерства между двумя межгосударственными объединениями. При этом данное противостояние наносит урон экономикам стран Сообщества. Кроме того, «нам нужно наладить полноценное экономическое сотрудничество с ШОС... возможно, и АСЕАН», – отмечает Назарбаев (Назарбаев назвал ..., 2019; Главы государств ЕАЭС ..., 2019). Он также подчеркивает необходимость форсирования работы по проработке и реализации крупных совместных инфраструктурных проектов (Главы государств ЕАЭС ..., 2019).

В.В. Путин убежден, что ЕАЭС и китайская инициатива «Пояс и путь» могут эффективно дополнять друг друга (Обращение Президента России ..., 2018). Президент РФ призывает ускорить реализацию общей «цифровой повестки» Союза; координировать действия по развитию «интернет-экономики»; сформировать общие правила ведения цифровой торговли. Для эффективного финансирования межгосударственных проектов необходимо привлекать деловые круги в интеграционные инициативы Союза, считает Путин (Обращение Президента России ..., 2018).

Назарбаев выступает за построение в Евразии «единого сообщества, основанного на экономическом диалоге ключевых интеграционных объединений континента». Первый президент Казахстана верит, что «прагматичное сотрудничество между ЕАЭС, ЕС, ШОС, АСЕАН, инициативой «Пояс и Путь» дало бы мощный импульс формированию Большой Евразии» (Назарбаев назвал ..., 2019).

В сентябре 2018 г. Си Цзиньпин, впервые посещая Россию для участия в Восточном экономическом форуме, совместно с В.В. Путиным определил траекторию развития отношений между Китаем и Россией в новую эпоху, вместе с представителями всех стран и районов Северо-Восточной Азии обсудил масштабные планы по обеспечению мира и развития в регионе (Ли, 2019).

Приглашая государства Евразии к широкому и взаимовыгодному стабильному сотрудничеству, Пекин усиливает влияние на евразийском континенте, расширяя многостороннее политическое, торгово-экономическое и культурное сотрудничество. В.В. Путин и Си Цзиньпин способствуют процессу разрешения различных острых проблем политическими средствами, совместно противодействуют унилатерализму и торговому протекционизму, отстаивают концепцию «сообщества единой судьбы человечества».

В этой связи мы считаем, что благодаря поддержке Китая Россия больше не боится изоляции и санкционных западных мер. Кроме того, российское руководство не ограничится только символическим восприятием своего партнерства в пространстве «Большой Евразии», и вместо этого попросит о более существенной роли в проектах по сотрудничеству с Китаем.

Итак, на протяжении веков идея «единой судьбы», единства и братства получает развитие в различных политических и экономических условиях сначала российского царства, российской империи, Советского союза, затем современной России. Она явственно опирается на духовную и нравственную чистоту, любовь, смирение. В наибольшей степени российская общественная мысль опирается на религиозные аспекты русских святых, владимирских, московских князей, проекты Д.И. Менделеева, В.О. Ключевского, В.И. Ленина и современных лидеров Российской Федерации и Казахстана. Несмотря на определенные раз-

личия между китайской и российской концепциями «единой судьбы», у них обнаружено много схожего, они дополняют и обогащают друг друга. В России всегда культивировалась идея единого и неделимого централизованного государства, как и в Китае. С этой стратегией сопрягается концепция «общей судьбы», построение общероссийского, общеевропейского и общемирового дома. Дома – общежития с общими устремлениями и интересами людей, где будут процветать мир и согласие, и не будет войн и конфликтов.

Основные направления дальнейшего исследования

Представляется перспективным исследование развития единого с Китаем сообщества в области здравоохранения и совместной с Россией борьбы с эпидемией COVID-19. Си Цзиньпин призывает все страны, в т. ч. Россию, укреплять координацию и сотрудничество в рамках Организации Объединенных Наций и «G-20». В.В. Путин публично выражает поддержку Китаю, а правительство России оказывает гуманитарную и военную помощь.

Список литературы

1. Абалкин, Л.И. (2002). *Россия: поиск самоопределения: очерки*. М.: Наука.
2. Адамов, А.К. (2013). В.И. Вернадский: ученый, политик и государственный деятель. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Науки о земле*, 13(2), 95–99.
3. Вернадский, В.И. (2000). *Труды по философии естествознания. Научная мысль как планетное явление*. М.: Наука.
4. Герасимова, Г.И. (2015). Венский конгресс в исторической памяти. *История и историческая память*, 11, 82–99.
5. Главы государств ЕАЭС: Союз состоялся и успешно функционирует. (2019, 29 мая). *Евразийская экономическая комиссия*. Взято 13 мая 2020, с <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/29-05-2019-4.aspx>
6. Данилевский, Н.Я. (2011). *Россия и Европа* (2-е изд.). М.: Институт русской цивилизации, Благословение.
7. Десятников, В., Соколова, Т. (Ред.). (2002). *Преподобный Сергей Радонежский: Житие, чудотворения, молитвы*. М.: ОЛМА-ПРЕСС.
8. Забродин, А. (без даты). Танцующий конгресс. *Российская газета*. Взято 12 мая 2020, с <https://rg.ru/articles/venskiy-kongres/>
9. Кембаев, Ж.М. (2011). Проект объединения государств Европы и мира Л.А. Камаровского. *Журнал российского права*, 1(169), 102–109.
10. *Китай на деле раскрыл значение сообщества единой судьбы* (2020, 3 марта). Взято 13 мая 2020, с <https://rg.ru/2020/03/03/kitaj-na-dele-raskryl-znachenie-soobshchestva-edinoj-sudby.html>
11. Ключевский, В.О. (2014). Значение преподобного Сергия для русского народа и государства. *Развитие личности*, 4, 60–80.
12. Ключевский, В.О. (1956). *Сочинения в восьми томах. Курс русской истории* (Т. I., ч. 1). М.: Государственное издательство политической литературы.

13. Ключевский, В.О. (1957). *Сочинения в восьми томах. Курс русской истории* (Т. II., ч. 2). М.: Государственное издательство политической литературы.
14. Ключевский, В.О. (1969). *Церковь и Россия: Три лекции*. Париж: Утса Press.
15. Комаровский, Л.А. (1899). *Идея мира и церковь*. М.: Типография Г. Лисснера, А. Гешеля.
16. Ленин, В.И. (1962). *Полное собрание сочинений: Издание пятое. Том 33. Государство и революция*. М.: Государственное издательство политической литературы, Институт Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС.
17. Ленин, В.И. (1973а). *Полное собрание сочинений: Война и российская социал-демократия. Издание пятое. Том 26. Июль 1914 – август 1915*. М.: Издательство политической литературы, Институт Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС.
18. Ленин, В.И. (1973б). *Полное собрание сочинений: О лозунге Соединенных Штатов Европы. Издание пятое. Том 26. Июль 1914 – август 1915*. М.: Издательство политической литературы, Институт Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС.
19. Ленин, В.И. (1981). *Полное собрание сочинений: Издание пятое. Том 41. Май – ноябрь 1920*. М.: Издательство политической литературы, Институт Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС.
20. Ли, Хуэй. (2019, 23 апреля). Китай предложил миру новый путь. Концепция сообщества единой судьбы находит все более широкую поддержку в мире. *Российская газета – Спецвыпуск*, 90(7848). Взято 13 мая 2020, с <https://rg.ru/2019/04/23/chislo-storonnikov-konceptii-soobshchestva-edinoj-sudby-v-mire-rastet.html>
21. М.С. Горбачев в Страсбурге. (2009, 5 октября). *Международный фонд социально-экономических и политологических исследований*. Взято 13 мая 2020, с https://www.gorby.ru/presscenter/news/show_26921/
22. Макаркин, Н.П. (2014). Сергей Радонежский как духовный и политический лидер российского средневековья. *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*, 2(26), 10–13.
23. Макарова, Т.А. (2008). Роль Александра I в международных отношениях и предпосылки создания Священного союза. *Вестник ВолГУ. Серия 4, 1(13)*, 164–169.
24. Менделеев, Д.И. (1991). *С думою о благе российском: Избранные экономические произведения*. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение.
25. Менделеев, Д.И. (1995). *Заветные мысли: Полное издание (впервые после 1905 г.)*. М.: Мысль.
26. Менделеев, Д.И. (2002). *К познанию России* (серия «Библиотека истории и культуры»). М.: Айрис-пресс.
27. Менделеев, Д.И. (2008). *Познание России. Заветные мысли*. М.: Эксмо.
28. Назарбаев назвал отсутствие диалога между ЕАЭС и ЕС неприемлемым. (2019, 12 ноября). *RIA.ru*. Взято 13 мая 2020, с <https://ria.ru/20191112/1560832822.html>
29. Обращение Президента России к главам государств – членов Евразийского экономического союза. (2018, 18 января). *Официальный сайт Кремля*. Взято 13 мая 2020, с <http://kremlin.ru/events/president/news/56663>

30. Перевезенцев, С.В. (2014). Преподобный Сергей Радонежский в истории России. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*, 2, 3–11.
31. Печерица, В.Ф. (2020). Коронавирус – вызов устойчивому развитию мира и борьба с ним в Китае. *Трансграничная экономика*, 1, 1–5. Взято 11 мая 2020, с <http://www.cross-bordereconomy.ru/2020-1/2020-1-5.pdf>
32. *Преподобный Сергей Радонежский: твой небесный заступник*. (2012). М.: Белый город, Дарь.
33. Семенов, А.В., Цвык, А.В. (2019). К вопросу о понятии и интерпретации концепции «сообщества единой судьбы человечества». *Общество и государство в Китае*, 49(1), 547–554. М.: Институт востоковедения РАН.
34. Соколов, А.Н. (2009). *Первый собиратель великой Руси. Святой благоверный Андрей Юрьевич Боголюбский – великий князь Владимирский. Его военные и духовно-просветительские труды по объединению русских княжеств*. Нижний Новгород.
35. Сталин, И.В. (1946). *Марксизм и национальный вопрос* (Т. 2., с. 290–367). М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы.
36. Троицкий, Н.А. (2005). Александр I и Венский конгресс. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения*, 5(1/2), 3–12.
37. Троцкий, Л.Д. (1926). *Европа и Америка*. Взято 12 мая 2020, с <http://levoradikal.ru/wp-content/uploads/2014/04/Trotsky-L.D.-Evropa-i-Amerika.pdf>
38. Троцкий, Л.Д. (1925). О своевременности лозунга «Соединенные Штаты Европы». *Сочинения, Т. 12. Проблемы международной пролетарской революции. Основные вопросы пролетарской революции*. Москва-Ленинград. Взято 03 мая 2020, с <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotm232.htm>
39. Троцкий, Л.Д. (1929). Разоружение и Соединенные Штаты Европы. I. Как объединить Европу? *Против Сталина: двенадцать лет оппозиции (Статьи, речи и письма Л. Троцкого из «Бюллетеня оппозиции», июль 1929 – август 1941)*. Взято 12 мая 2020, с <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotm256.htm>
40. Чжан, Ханьхуэй. (2020, 22 марта). Разделяя общую судьбу, в пути не будем одиноки. *Коммерсантъ*.
41. Чуткова, Л.А. (Ред.). (предисл. Крупина, В.Н.). (2013). *Житие и подвиги преподобного Серафима Саровского: сборник*. М.: Сибирская Благовонница.
42. Шахов, М.А. (2012). *Преподобный Серафим Саровский*. М.: Белый город.
43. Шаховской, Д.А. (2007). *Апокалипсис мелкого греха*. Издательство Сретенского Монастыря.
44. Шестаков, Е. (2009, 05 октября). Однажды двадцать лет спустя. Михаил Горбачев призвал защищать идею европейского дома. *Российская газета – Столичный выпуск № 186(5010)*. Взято 13 мая 2020, с <https://rg.ru/2009/10/05/gorbachev.html>
45. Jan, Chuan. (2018). *Diplomacy: Theory and Practice*. Beijing: Shijie Zhishi (in Chinese).
46. Van, Ivje. (2018, January 24). *Why does the community of the common destiny of humanity evoke responses in the world?* Взято 13 мая 2020, с <http://www>.

chinatoday.com.cn/chinese/sz/sd/201801/t20180124_800115185.html

References

1. Abalkin, L.I. (2002). *Rossija: poisk samoopredelenija: ocherki* [Russia: search for self-determination: essays]. Moscow: Nauka.
2. Adamov, A.K. (2013). V.I. Vernadskij: uchenyj, politik i gosudarstvennyj dejatel' [Vernadsky: scientist, politician and statesman]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Nauki o zemle*, 13(2), 95–99.
3. Chutkova, L.A. (Ed.) (with Krupina, V.N.). (2013). *Zhitie i podvigi prepodobnogo Serafima Sarovskogo: sbornik* [The Life and Feats of St. Seraphim of Sarov: A Collection]. Moscow: Sibirskaja Blagozvonnica.
4. Chzhan, Han'hujej. (2020, March 22). Razdeljaja obshhiju sud'bu, v puti ne budem odinoki [Sharing common destiny, we will not be alone on the way]. *Kommersant*.
5. Danilevskij, N.Ja. (2011). *Rossija i Evropa* [Russia and Europe] (2nd ed.). Moscow: Institute of Russian Civilization, Blessing.
6. Desjatnikov, V., & Sokolova, T. (Eds.). (2002). *Prepodobnyj Sergij Radonezhskij: Zhitie, chudotvorenija, molitvy* [Rev. Sergius of Radonezh: Life, miracles, prayers]. Moscow: OLMA-PRESS.
7. Gerasimova, G.I. (2015). Venskij kongress v istoricheskoj pamjati [Congress of Vienna in historical memory]. *Istorija i istoricheskaja pamjat'*, 11, 82–99.
8. Glavy gosudarstv EAE'S: Sojuz sostojalsja i uspešno funkcioniruet [Heads of EAEU states: The Union has taken place and is successfully functioning]. (2019, May 29). *Evrazijskaja jekonomicheskaja komissija*. Retrieved May 13, 2020, from <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/29-05-2019-4.aspx>
9. Jan, Chuan. (2018). *Diplomacy: Theory and Practice*. Beijing: Shijie Zhishi (in Chinese).
10. Kembraev, Zh.M. (2011). Proekt ob»edineniya gosudarstv Evropy i mira L.A. Kamarovskogo [The project of the unification of the states of Europe and the world of L.A. Kamarovsky]. *Zhurnal rossijskogo prava*, 1(169), 102–109.
11. Kitaj na dele raskryl znachenie soobshchestva edinoj sud'by [China has actually revealed the meaning of a community of shared destiny]. (2020, March 3). Retrieved May 13, 2020, from <https://rg.ru/2020/03/03/kitaj-na-dele-raskryl-znachenie-soobshchestva-edinoj-sudby.html>
12. Ključevskij, V.O. (1956). *Sochinenija v vos'mi tomah. Kurs russoj istorii* [Works in eight volumes. The course of Russian history] (Vol. I, part 1). Moscow: State publishing house of political literature.
13. Ključevskij, V.O. (1957). *Sochinenija v vos'mi tomah. Kurs russoj istorii* [Works in eight volumes. The course of Russian history] (Vol. II, part 2). Moscow: State publishing house of political literature.
14. Ključevskij, V.O. (1969). *Cerkov'i Rossija: Tri lekcii* [Church and Russia: Three Lectures]. Paris: Ymca Press.
15. Ključevskij, V.O. (2014). *Znachenie prepodobnogo Sergija dlja russskogo naroda i gosudarstva* [The significance of St. Sergius for the Russian people and state]. *Razvitie lichnosti*, 4, 60–80.

16. Komarovskij, L. A. (1899). *Ideja mira i cerkov'* [Idea of peace and church]. Moscow: Tipografija G. Lissnera, A. Geshelja.
17. Lenin, V.I. (1962). *Polnoe sobranie sochinenij: Izdanie pjatoe. Tom 33. Gosudarstvo i revoljucija* [Complete works: The fifth edition. Volume 33. State and revolution]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, Institut Marksizma-Leninizma pri CK KPSS.
18. Lenin, V.I. (1973a). *Polnoe sobranie sochinenij: Vojna i rossijskaja social-demokratija. Izdanie pjatoe. Tom 26. Ijul' 1914 – avgust 1915* [Complete works: The war and Russian social democracy. The fifth edition. Volume 26. July 1914 – August 1915]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, Institut Marksizma-Leninizma pri CK KPSS.
19. Lenin, V.I. (1973b). *Polnoe sobranie sochinenij: O lozunge Soedinennyh Shtatov Evropy. Izdanie pjatoe. Tom 26. Ijul' 1914 – avgust 1915* [Complete works: On the slogan of the United States of Europe. The fifth edition. Volume 26. July 1914 – August 1915]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, Institut Marksizma-Leninizma pri CK KPSS.
20. Lenin, V.I. (1981). *Polnoe sobranie sochinenij: Izdanie pjatoe. Tom 41. Maj – nojabr' 1920* [Complete works: The fifth edition. Volume 41. May – November 1920]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, Institut Marksizma-Leninizma pri CK KPSS.
21. Li, Hujiej. (2019, April 23). Kitaj predlozhl miru novyj put'. Konceptija soobshhestva edinoj sud'by nahodit vse bolee shirokiju podderzhku v mire [China offered the world a new path. The concept of a community with a shared future for mankind seeks ever wider support in the world]. *Rossijskaja gazeta – Specvypusk*, 90(7848). Retrieved May 13, 2020, from <https://rg.ru/2019/04/23/chislo-storonnikov-koncepcii-soobshchestva-edinoj-sudby-v-mire-rastet.html>
22. M. S. Gorbachev v Strasburge [M.S. Gorbachev in Strasbourg]. (2009, October 5). *Mezhdunarodnyj fond social'no-jekonomicheskikh i politologicheskikh issledovanij*. Retrieved May 13, 2020, from https://www.gorby.ru/presscenter/news/show_26921/
23. Makarkin, N.P. (2014). Sergij Radonezhskij kak duhovnyj i politicheskij lider rossijskogo srednevekov'ja [Sergius of Radonezh as the spiritual and political leader of the Russian Middle Ages]. *Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovanija*, 2(26), 10–13.
24. Makarova, T.A. (2008). Rol' Aleksandra I v mezhdunarodnyh otnoshenijah i predposylki sozdanija Svjashhennogo sojuza [The role of Alexander I in international relations and the prerequisites for the creation of the Holy Alliance]. *Vestnik of Volgograd State University. Serija 4*, 1(13), 164–169.
25. Mendeleev, D.I. (1991). *S dumoj o blage rossijskom: Izbrannye e'konomicheskie proizvedenija* [With a thought on the good of Russia: Selected Economic Works]. Novosibirsk: Science. Siberian branch.
26. Mendeleev, D.I. (1995). *Zavetnye mysli: Polnoe izdanie (vpervye posle 1905 g.)* [Cherished Thoughts: Complete Edition]. Moscow: Mysl'.
27. Mendeleev, D.I. (2000). *K poznaniju Rossii* [To the knowledge of Russia]. Moscow: Ajris-press.
28. Mendeleev, D.I. (2008). *Poznanie Rossii. Zavetnye mysli* [Cognition of Russia. Cherished thoughts]. Moscow: E'ksmo.

29. Nazarbaev nazval otsutstvie dialoga mezhdu EAE'S i ES nepriemlyemym [Nazarbayev called the lack of dialogue between the EAEU and the EU unacceptable]. (November 12, 2019). *RIA.ru*. Retrieved May 13, 2020, from <https://ria.ru/20191112/1560832822.html>

30. Obrashhenie Prezidenta Rossii k glavam gosudarstv – chlenov Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza [Address by the President of Russia to the Heads of State of the Eurasian Economic Union]. (January 18, 2018). *Official sight of the Kremlin*. Retrieved May 13, 2020, from <http://kremlin.ru/events/president/news/56663>

31. Pecherica, V.F. (2020). Koronavirus – vyzov ustojchivomu razvitiju mira i bor'ba s nim v Kitae [Coronavirus – a challenge to the sustainable development of the world and the fight against it in China]. *Transgranichnaja jekonomika*, 1, 1–5. Retrieved May 11, 2020, from <http://www.cross-bordereconomy.ru/2020-1/2020-1-5.pdf>

32. Perevezencev, S.V. (2014). Prepodobnyj Sergij Radonezhskij v istorii Rossii [Rev. Sergius of Radonezh in the history of Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12. Politicheskie nauki*, 2, 3–11.

33. *Prepodobnyj Sergij Radonezhskij: tvoj nebesnyj zastupnik* [Rev. Sergius of Radonezh: your heavenly protector]. (2012). Moscow: Belyj gorod, Dar”.

34. Semenov, A. V., & Cvyk, A. V. (2019). K voprosu o ponjatii i interpretacii koncepcii «soobshhestva edinoj sud'by chelovechestva» [On the issue of the concept and interpretation of the concept of a community with a shared future for mankind]. *Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae*, 49(1), 547–554. Moskva: Oriental Institute, Russian Academy of Sciences.

35. Shahov, M. A. (2012). *Prepodobnyj Serafim Sarovskij* [Rev. Seraphim of Sarov]. Moskva: Belyj gorod.

36. Shahovskoj, D. A. (2007). *Apokalipsis melkogo greha* [Apocalypse of petty sin]. Izdatel'stvo Sretenskogo Monastyrja.

37. Shestakov, E. (2009, October 5). Odnazhdy dvadcat' let spustja. Mihail Gorbachev prizval zashhishhat' ideju evropejskogo doma [One day twenty years later. Mikhail Gorbachev called for defending the idea of a European home]. *Rossijskaja gazeta – Stolichnyj vypusk № 186(5010)*. Retrieved May 13, 2020, from <https://rg.ru/2009/10/05/gorbachev.html>

38. Sokolov, A.N. (2009). *Pervyj sobiratel' velikoj Rusi. Svjatoj blagovernnyj Andrej Jur'evich Bogoljubskij – velikij knjaz' Vladimirskij. Ego voennye i duhovno-prosvetitel'skie trudy po ob#edineniju russkih knjazhestv* [The first collector of great Russia. Saint Andrei Yuryevich Bogolyubsky – the Grand Prince of Vladimir. His military and spiritual-educational works on the unification of Russian principalities]. Nizhnij Novgorod.

39. Stalin, I. V. (1946). *Marksizm i nacional'nyj vopros* [Marxism and the national issue] (Vol. 2, pp. 290–367). Moscow: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.

40. Trockij, L.D. (1925). O svoevremennosti lozunga «Soedinennye Shtaty Evropy». Sochinenija. Vol 12. Problemy mezhdunarodnoj proletarskoj revoljucii. Osnovnye voprosy proletarskoj revoljucii [On the timeliness of the slogan “United States of Europe”. Written works. Volume 12. Problems of the international proletarian revolution. The main issues of the proletarian revolution]. Moskva-Leningrad. Retrieved May 3, 2020, from <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotm232.htm>

41. Trockij, L.D. (1926). *Evropa i Amerika* [Europe and America]. Retrieved May 12, 2020, from <http://levoradikal.ru/wp-content/uploads/2014/04/Trotsky-L.D.-Evropa-i-Amerika.pdf>
42. Trockij, L.D. (1929). *Razoruzhenie i Soedinennye Shtaty Evropy. I. Kak ob#edinit' Evropu? Protiv Stalina: dvenadcat' let oppozicii (Stat'i, rechi i pis'ma L. Trockogo iz «Bjulletenja oppozicii», ijul' 1929 – avgust 1941)* [Disarmament and the United States of Europe. How to unite Europe? Against Stalin: Twelve Years of Opposition. Articles, speeches and letters of L. Trotsky from the “Bulletin of the Opposition”, July 1929 – August 1941]. Retrieved May 12, 2020, from <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotm256.htm>
43. Troickij, N.A. (2005). Aleksandr I i Venskij congress [Alexander I and the Vienna Congress]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. novaja serija. Serija Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija*, 5(1/2), 3–12.
44. Van, Ivjei. (2018, January 24). *Why does the community of the common destiny of humanity evoke responses in the world?* Retrieved May 13, 2020, from http://www.chinatoday.com.cn/chinese/sz/sd/201801/t20180124_800115185.html
45. Vernadskij, V.I. (2000). *Trudy po filosofii estestvoznanija. Nauchnaja mysl' kak planetnoe javlenie* [Works on the philosophy of natural science. Scientific thought as a planetary phenomenon]. Moskva: Nauka.
46. Zabrodin, A. (n. d.). Tancujushhij congress [Dancing congress]. *Rossijskaja gazeta*. Retrieved May 12, 2020, from <https://rg.ru/articles/venskiy-kongres/>

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПОСТГУМАНИЗМА. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ*

Грибовод Екатерина Григорьевна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат политических наук,
научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-1192-5952,
E-mail: gribovod_kate@mail.ru

Статья поступила в редакцию 08.10.2020, принята к публикации 30.10.2020

Для цитирования: Грибовод Е.Г. Этапы становления постгуманизма. К постановке проблемы // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4 (41). С. 133-150. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10409

Аннотация

В условиях экономической нестабильности, распространения вызовов и угроз как техногенного, эпидемиологического, так и информационно-коммуникационного характера, гуманизм в целом и концепт «человек» в частности вынуждены адаптироваться под новые реалии общества риска. Академическое сообщество дискутирует о судьбе гуманизма, прогнозируя как кризис, так и процесс ревитализации гуманизма. Постгуманизм как философское направление стремится определить значение и роль человека под влиянием современных технологий.

Цель исследования – выявить этапы формирования философского направления постгуманизма, а также определить возможные сценарии его развития.

Методы исследования. Методологической основой исследования стала совокупность общенаучных методов: синтез, обобщение, сравнительный и системный анализ. Концептуальный анализ, дискурс-анализ и компаративный метод применен

* Статья выполнена в рамках проекта МК-2621.2019.6 грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Конкурс – МК-2019).

© Грибовод Е.Г., 2020

для разработки авторской позиции становления философского направления постгуманизма и выделения его основных этапов развития. Работа опирается на большой объем зарубежных источников по постгуманизму. Кроме того, обобщены наработки отечественных исследователей постгуманизма.

Результаты. Предложен авторский взгляд на постгуманизм как философскую концепцию, формирование которой условно разделено на три этапа: подготовительный этап, на котором фиксируется появление категории «постгуманизм» и зарождается идейно-смысловое пространство теории. На втором этапе, «консолидационном», происходит типологизация постгуманизма (критический, культурный, философский и др.) внутри данного направления и закладывается базис «высокого» постгуманизма. На третьем, «рецентном», этапе продолжается концептуальное осмысление феномена, конструируется концептосфера, а также формируется основа «утилитарного» постгуманизма.

Научная новизна. В работе проанализированы идеи и авторские концепции отечественных и зарубежных представителей движения постгуманизма. Выявлено, что исследования, затрагивающие тематику постгуманизма, разновекторные и междисциплинарные. Систематизация и анализ авторских концепций постгуманизма имеет прогностический потенциал и ценность для академической науки и гуманитарного дискурса. Сформированное терминологическое ядро – концептосфера «постгуманизма» и постдуалистический подход – применимо для описания возможностей, рисков и последствий внедрения современных технологий, в том числе информационно-коммуникационных технологий в социальные системы, и их влияния на человека в целом.

Ключевые слова:

постгуманизм, гуманизм, трансгуманизм, постчеловек, трансчеловек, киборг, постантропоцентризм, постдуализм.

UDC 17+323

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10409

PHASE OF THE FORMATION OF THE POSTHUMANISM. TO THE STATEMENT OF A PROBLEM

Ekaterina G. Gribovod,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Political Sciences,
Researcher,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-1192-5952,
E-mail: gribovod_kate@mail.ru

Article received on October 8, 2020, accepted on October 30, 2020

To cite this article: Gribovod, E.G. (2020). Etapy stanovleniya postgumanizma. K postanovke problemy [Phase of the formation of the posthumanism. To the statement of a problem]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 4(41), 133–150. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10409

Abstract

In conditions of economic instability, the spread of challenges and threats of both man-made, epidemiological, and information-communication nature, humanism in general and the concept of “human” in particular are forced to adapt to the new realities of risk society. The academic community discusses the fate of humanism, predicting both the crisis and the process of revitalizing humanism. Posthumanism as a philosophical trend seeks to determine the meaning and role of human under the influence of new technologies.

The purpose of the study is to identify the stages of the formation of the philosophical direction of posthumanism, as well as to determine possible scenarios for its development. The methodological basis of the study was a set of general scientific methods: synthesis, generalization, comparative and system analysis. Conceptual analysis, discourse analysis and the comparative method are applied to develop the author’s position on the formation of the philosophical direction of posthumanism and to highlight its main stages of development. The work is based on a large amount of foreign work on posthumanism. In addition, the achievements of Russian researchers of posthumanism are summarized.

Research Methods. The methodological basis of the study was a set of general scientific methods: synthesis, generalization, comparative and system analysis. Conceptual analysis, discourse analysis and the comparative method are applied to develop the author’s position on the formation of the philosophical direction of posthumanism and to highlight its main stages of development. The work is based on a large amount of foreign work on posthumanism. In addition, the achievements of Russian researchers of posthumanism are summarized.

Results. The author’s view of posthumanism as a philosophical concept is proposed, the formation of which is conditionally divided into three stages: the preparatory stage, at which the emergence of the category of “posthumanism” is recorded and the ideological and semantic space of the theory is born. At the second stage called “consolidation”, typologization (critical, cultural, philosophical, etc.) takes place within this direction and the basis of “high” posthumanism is laid. At the third stage, the “recent” one, the conceptual comprehension of the phenomenon continues, the conceptual sphere is constructed, and the basis of “utilitarian” posthumanism is formed.

Scientific novelty. The research analyzes the ideas and author’s concepts of Russian and foreign representatives of the posthumanist movement. It was revealed that the studies that touch upon the topic of posthumanism are multi-vector and interdisciplinary. The systematization and analysis of the author’s concepts of posthumanism has predictive potential and value for academic science and humanitarian discourse. The formed terminological core – the concept sphere of “posthumanism” and the postdual approach are applicable to describe the opportunities, risks and consequences of the introduction of modern technologies, including information and communication technologies into social systems and their impact on the person as a whole.

Keywords:

posthumanism, humanism, transhumanism, posthuman, transhuman, cyborg, postanthropocentrism, postdualism.

Введение

Актуальность научной проблемы

Появление новых дискурсивно-идеологических комплексов, философских концепций и теорий стало возможно благодаря диверсификации, элиминации и модификации классических идеологий и мировоззренческих течений, таких как либерализм, гуманизм и других. Интерес научного сообщества к проблематике «за пределами гуманизма» (*beyond humanism*) набирает обороты и охватывает разные междисциплинарные области от культурологии, политологии, педагогики до генетики, математики и других наук. Трансгуманизм рассматривается учеными как новый этап развития гуманизма (Луков, 2013, с. 25; Давыдов, 2018, с. 43; Ковба, Грибовод, 2019, с. 43), в тоже время место, роль и значение постгуманизма в научном дискурсе противоречиво и четко не определено.

В данной работе осуществлено теоретическое осмысление идей авторских философских концепций постгуманизма. Актуальность обращения к данному феномену обусловлена тем, что постгуманизм менее изучен в российском научном дискурсе в отличие от трансгуманизма. Кроме того, категория «человек» теряет осязаемые границы, уступая место концептам «постчеловек» и «трансчеловек» в философской и академической повестках дня.

Цель настоящей статьи – выявить этапы формирования философского направления постгуманизма, а также определить возможные сценарии его развития.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что предпринята попытка выявления и систематизации этапов формирования философского направления постгуманизма, а также предложены два сценария развития данного феномена. Кроме того, раскрыты ключевые компоненты концептосферы постгуманизма, а именно «постчеловек», «постдуализм», «постантропоцентризм». На практике полученные в статье выводы и промежуточные итоги могут быть применены при анализе и прогнозировании степени воздействия современных технологий на общество и социальные институты, а также послужить теоретической базой для проведения гуманитарной экспертизы современных технологий и оценки последствий применения данных технологий для гуманитарного знания. Научная ценность работы заключается в том, что впервые в отечественном дискурсе предпринята попытка периодизации постгуманизма.

Для появления любого общественно-политического движения, философского направления, теории должны сложиться определенные условия. Подробнее рассмотрим условия формирования идей и взглядов постгуманистов и их последователей.

Степень исследованности проблемы

Исследовательский интерес к тематике будущего гуманизма в целом и судьбы человека в частности в связи с развитием и распространением технологий изменения природы человека возрастает. Вопрос кризиса гуманизма и его ценностных констант не раз поднимался в работах В.М. Межуева (Межуев, 2013), С.П. Шорохова (Шорохова, 2013), Ю.Н. Харари (Харари, 2016) и других. Так, А.Ф. Поломошнов (2017), рассматривая процесс развития идей гуманизма, приходит к выводу, что, несмотря на крах западного либерального гуманизма, ему нет позитивной замены, и призывает рассматривать его как переходное звено к новой современной форме гуманизма. В рамках дискуссий об изменении природы человека Д. Давыдов (Davudov, 2020) предлагает обратиться к философии персонализма как одному из способов преодоления кризиса либерального гуманизма и его последствий.

Проблематика и возможности, ограничения, а также последствия внедрения NBICS-технологий (нано-, био-, инфо-, когно-, социо-технологий) отражен в работах отечественных и зарубежных ученых. В данном контексте условно можно выделить две группы исследователей: первая (Braidotti, 2013; Lilley, 2013; Дубровский, 2018) подчеркивает возможности и преимущества развития и внедрения современных технологий в социальные системы, а вторая группа исследователей, а именно М. Дж. МакНамии и С. Д. Эдвардс (McNamee & Edwards, 2006), Ф. Фукуяма (Фукуяма, 2008) и другие, настороженно и критически относятся к применению и широкому распространению новых технологий и их коэволюции с человеком.

В этой связи в научном дискурсе особую популярность приобретают работы, посвященные развитию биоэтики (Белялетдинов, 2013; Мещерякова, 2011; Петров, Смирнов, 2016; Попова и др., 2018). Кроме того, ряд ученых обращает внимание, на процесс цифровой трансформации гуманитарной науки и необходимости проведения гуманитарной экспертизы современных технологий (Нежметдинова, 2013; Тульчинский, 2018; Юдин, 2013).

Анализ теоретико-методологического каркаса (структуры) трансгуманизма, описание его форм, последствий и связи с гуманизмом и постгуманизмом предпринят в ряде научных работ следующих авторов: Н.Л. Деведек (Dévédéc, 2018), Н. Бостром (Bostrom, 2016), Д.М. Ковба и Е.Г Грибовод (2019), С. Лили (Lilley, 2013), Р. Раниш и С. Соргнер (Ranisch & Sorgner, 2014), Б.Г. Юдин (2013) и др.

Научные дискуссии вокруг идей постгуманизма, в основном, формируются в западной литературе (Ф. Феррандо, К. Хейлз, Д. Харауэй и др.), однако следует подчеркнуть вклад отечественных ученых (И.В. Катерный, А.И. Криман, Е.Л. Яковлева и др.). Важным отличием трансгуманизма от постгуманизма становятся не только разные оптики исследования (подходы и методы) данных социально-философских феноменов, но и виденье (vision) будущего природы человека в частности и пути развития гуманизма в целом. Постгуманизм – широкое понятие, охватывающее множество авторских концепций, идей, принципов. При этом стоит отметить, что в академической науке назрела потребность в комплексном исследовании, которое попытается структурировать основные

принципы и идеи постгуманизма, а также конкретизировать этапы формирования данного философского направления.

Подготовка данной работы проводилась в рамках проекта на тему «Гуманизм перед вызовами технологий изменения природы человека: поиск новых ценностных оснований». Отметим, что ранее автором вместе с коллегами был проведен теоретико-методологический анализ трансгуманизма и выделена классификация его направлений (подробнее см. Ковба, Грибовод, 2019). Обращение к проблематике постгуманизма является для автора одним из завершающих этапов работы над данной темой.

Методы исследования. Объектом исследования становится совокупность авторских идей и концепций, формирующих философское направление постгуманизма. В связи с разновекторностью и междисциплинарностью исследований, которые относятся к постгуманизму, был расширен пул методов и подходов для решения поставленной цели работы. Данная работа опирается как на комплекс общенаучных методов: синтез, обобщение, сравнительный и системный анализ, так и на ряд качественных методов и подходов. В ходе исследования концептуальный анализ и дискурс-анализ позволяют раскрыть ключевые понятия концептосферы постгуманизма, а компаративный метод – выявить основные этапы развития постгуманизма как философского направления. Для достижения поставленной цели исследован массив зарубежной и отечественной литературы, посвященной проблематике постгуманизма, который послужил теоретической основой работы. Кроме того, метод построения сценариев позволил сформировать два прогностических варианта развития постгуманизма.

Отметим, что в рамках исследования постгуманизма выявляется собственная методологическая база, характеризующая особенности исследований «за пределами гуманизма». Так, Ф. Феррандо предлагает рассматривать философский постгуманизм как «онто-эпистемологический и этический подход» и выделяет постдуалистический подход (Ferrando, 2019, p. 22).

Результаты исследования

Развитие и распространение информационно-коммуникационных технологий, глобализация и цифровизация правовых, экономических и политических сфер социума сформировала предпосылки для зарождения новых ценностных констант в современном обществе пост-правды. Несмотря на большой междисциплинарный интерес исследователей к проблематике вызовов, угроз и возможностей технологий изменения природы человека (Ranisch & Sorgner, 2014; Катерный, 2019; Харауэй, 2017; Фукуяма, 2008; Криман, 2019 и др.), теоретическая ревизия идей и авторских концепций, формирующих постгуманизм как направление философии и (или) теоретический конструкт, находится еще на начальном этапе.

В академическом дискурсе нет единого понимания концептов «трансгуманизм», «постгуманизм», поскольку исследование «за пределами гуманизма» в последние десятилетия становится мейнстримом, новые социально-философские феномены сталкиваются с категориальной путаницей и излишним смысловым нагромождением. Тем не менее, попытки устранить терминологический хаос в научном дискурсе уже предпринимаются (Ф. Феррандо, С. Соргнер, Д. А. Давыдов и др.). Теоретический анализ трансгуманизма и его направлений,

а также многоаспектный и междисциплинарный потенциал данного феномена были рассмотрены ранее (подробнее см. Ковба, Грибовод, 2019), поэтому в данной работе обращение к трансгуманизму происходит косвенно. В то же время одной из главных проблем, с которой сталкиваются исследователи постгуманизма, становится систематизация и анализ всего множества идей и позиций, которые зачастую не связаны друг с другом и носят весьма фрагментарный характер, но относятся к постгуманизму. Однако общие теоретические константы уже прослеживаются и фиксируются, что позволяет выделить основные этапы развития постгуманизма.

Формирование постгуманизма можно разделить на *три* этапа. *Первый этап* – «подготовительный», связан с появлением категории «постгуманизм» из философского, политического и эпистемологического направления середины XX – начала XXI века – постмодернизма, который стремился к деконструкции «модерна» в целом и «человека» в частности (Ferrando, 2019, p. 24; Павлов, 2019, с. 33). А.В. Павлов предлагает рассматривать постгуманизм в качестве одной из версий постмодернизма, которая приходит на смену культурному постмодернизму, расширяя плоскость исследования до экологии, геологии и др. (Павлов, 2019, с. 27–28). Подчеркнем, что трансгуманизм, в отличие от постгуманизма, исследователи определяют наследником или «новой формой» гуманизма (подробнее см. Юдин, 2013; Lilley, 2013; Ranisch & Sorgner, 2014). На данном этапе в научный оборот вводятся понятия «постчеловек» и «постгуманизм». Одним из первых их применил литературный теоретик и писатель Ихаб Хассан. В своей работе 1977 года «Prometheus as Performer: Toward a Posthumanist Culture?» автор обращает внимание на постгуманизм как новое явление, которое появляется как ответная реакция на кризис «пятисотлетнего гуманизма». Исследователь подчеркивает, что природа человека может быть радикально изменена, поэтому необходимо ее пересмотреть, тем более «образ витрувианского человека, который долгое время был мерой вещей, вышел за пределы круга и квадрата и распространился сквозь вселенную». В данной работе нет однозначного ответа о роли искусственного интеллекта, однако именно он способствует трансформации образа и концепции человека (Hassan, 1977, p. 843–846).

В отечественном научном дискурсе подчеркивается неоднозначное происхождение и толкование постгуманизма. Так, Е.Л. Яковлева рассматривает его как новый этап развития гуманизма, с одной стороны, направленный на преодоление и исправление противоречий гуманизма, а с другой стороны, отрицающий его принципы (Яковлева, 2014, с. 40). А.Л. Крайнов, наоборот, подчеркивает, что в большей степени философы постмодернисты сформировали «идеологическую базу для мировоззрения постгуманизма и трансгуманизма» (Крайнов, 2019, с. 16). В то же время существует позиция, согласно которой постгуманизм не просто является новым этапом, а приходит «на смену эпохе гуманитарной модернизации», предлагая «децентрацию и замещение человека и человеческого», а не отчуждение в этическом и моральном плане (Катерный, 2019, с. 16). При этом И.В. Катерный при описании онтологии постгуманизма опирается на терминологию представителей постмодернизма, а именно М. Фуко, оперируя понятиями «диспозитив» и «дискурс».

Отметим, что четкой границы между первым и вторым этапом нет, но дробление и «условная» специализация направлений внутри постгуманизма позво-

ляет выделить очередной виток развития данного философского феномена. Так, Ф. Феррандо выделяет три основных направления: критический постгуманизм, культурный постгуманизм и философский постгуманизм (Ferrando, 2019, p. 26). Х. Тирош-Самуэльсон предлагает собственную градацию типов постгуманизма, которые также пересекаются с типологией Ф. Феррандо. Она выделяет три типа постгуманизма, а именно философский, культурный и технологический (Tirosh-Samuelson, 2015, p. 50–51).

На *втором этапе (конец XX – начало XXI века)*, «консолидационном», развитие идей постгуманизма можно проследить в культурологических и литературных исследованиях, придерживающихся постмодернистской традиции. Одним из способов репрезентации идей и взглядов представителей культурного направления постгуманизма становятся разнообразные художественные жанры, например, научная фантастика, ужасы и др. Одной из ключевых работ в данном направлении стал «Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг.» Донны Харауэй. Именно «дискурс киборгов» чаще всего раскрывается представителями культурного постгуманизма с помощью различных художественных форм. Так, Д. Харауэй рассматривает киборгов как «химер, выдуманных и сфабрикованных гибридов машины и организма» (Харауэй, 2017, с. 10). Кроме того, именно она отводит важное место в повестке дня постгуманистов исследованию на животных, правам животных. Как отмечает исследователь: «движение за права животных – это не форма иррационального отказа от человеческой уникальности, это ясное и сознательное признание связи, пересекающей дискредитированную брешь между природой и культурой» (Харауэй, 2017, с. 14).

Одним из основателей критического постгуманизма, согласно Ф. Феррандо, стала К. Хейлз, исследующая пост-человека в работе «How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature and Informatics». Согласно философу, постчеловек – это не только киборг, но и биологическое существо, как и «человек разумный» (Hayles, 1999, p. 4), а также является «литературным феноменом» (Hayles, 1999, p. 247). При этом отмечает, что постчеловек не знаменует конец человечества, а скорее символизирует отказ от существующей (либерально-гуманистической) концепции человека. Кроме того, она предлагает избегать алармизма и более сдержанно относиться к последствиям коэволюции человека и интеллектуальных машин (Hayles, 1999, p. 284–286). Подчеркнем, что в рамках культурного и критического постгуманизма акцент исследований сделан в пользу литературного анализа и критики человека Просвещения как самодостаточного воплощенного существа, обладающего автономным сознанием, разумом и превосходством над всеми остальными существами и Природой.

По мнению Х. Тирош-Самуэльсон как культурный, так и философский постгуманизм критикуют гуманизм и западную концепцию «человека» посредством разного инструментария: философского, литературного и художественного анализа. В качестве ключевых представителей культурного и философского постгуманизма Х. Тирош-Самуэльсон выделяет Ж. Деррида и М. Фуко. Подчеркивается, что заслуга Ж. Деррида в развитии культурного постгуманизма заключается, с одной стороны, в критике западной философской традиции, базирующейся на логоцентризме. А с другой стороны, в применении деконструкции

как инструмента работы над текстом с целью вскрыть бинарные оппозиции, показать противоречивость и непоследовательность логоса в разных условиях и контекстах. М. Фуко рассматривает гуманизм как дискурс, то есть как систему знаков и образов, интерпретирующих властные отношения, от которого следует отказаться, поскольку он больше не отвечает потребностям современного общества и развития. Отметим, что технологические постгуманизм и трансгуманизм Х. Тирош-Самуэльсон рассматривает как взаимосвязанные феномены (Tirosh-Samuelson, 2015, p. 50–51).

На данном этапе объектом исследования становится не просто человек как живое существо, а постчеловек во всем многоаспектном и многогранном значении. Постчеловек рассматривается как культурный код или символ новой эры больших данных. Как отмечают Р. Раниш и С. Соргнер, нет единого определения понятия «постчеловек» (*posthuman*), трактовка данного концепта варьируется «от кибернетического организма, нового биологического вида до бестелесного цифрового объекта» (Ranisch, Sorgner, 2014, p. 8). По мнению исследователей, «постчеловек» – это нарратив, который может заменить концепт «человек». Отметим, что в качестве переходной формы между человеком и постчеловеком они также выделяют понятие «трансчеловек». Кроме того, подчеркивается интегративность концепта «постчеловек», поскольку к нему обращаются как постгуманисты, так и трансгуманисты (Ranisch, Sorgner, 2014, p. 8–15). В рамках указанного этапа конструируется фундамент «высокого» постгуманизма, то есть теоретико-методологический базис автономной философской концепции, целью которой становится преобразование общественных отношений. Радикальной деконструкции подвергается коннотивное значение человека, смещающая оптику исследования в пользу постчеловека, его места и роли в современном мире.

На *третьем этапе* (начало XXI века), «рецентном», продолжается концептуальное осмысление феномена «постгуманизм», оформление его концептосферы (включающая такие понятия, как «постчеловек», «пост-дуализм», «антропоцен», «киборг», «искусственная жизнь» и др.), происходит закрепление постгуманизма как философского направления, а также как эпистемологического подхода. Однако указанный процесс еще не завершен, т.к. постгуманизм в отличие от трансгуманизма базируется на идеях постмодернизма, где конструирование и переформатирование реальности является постоянным процессом. Важный вклад в осмысление и развитие постгуманизма как философского феномена внесли работы зарубежных и отечественных исследователей: Р. Брайдотти, К. Хейлз, Д. Харауэй, Ф. Феррандо, Р. Раниш, С. Соргнер, И. В. Катерный и др.

На данном этапе интерес исследователей направлен на философский постгуманизм. Основы философского постгуманизма были заложены еще в работах И. Хасана. Так, по мнению Ф. Феррандо, он выделил несколько ключевых особенностей постгуманизма, а именно «инклюзивное представление о человеке» и обращение к пост-дуалистическому подходу, который позволяет очертить образ постчеловека (Ferrando, 2019, p. 25). Для Ф. Феррандо философский постгуманизм – это «философия посредничества (медиации), которая устраняет противоборствующий дуализм и историческое правопреемство, а также может рассматриваться как онто-эпистемологический и этический подход». (Ferrando, 2019, p. 22). Отметим, что Ф. Феррандо выделяет три компонента философского

постгуманизма, а именно: постгуманизм, постантропоцентризм и постдуализм. Постгуманизм подразумевает отказ от классического гуманизма, то есть универсального и обобщенного понимания человека в пользу множественности коннотаций природы и возможностей человека. Постантропоцентризм стремится к деконструкции человека, а постдуализм к отказу от жесткого способа идентичности, представленного в символических категориях «свой-чужой», «мы-они» и др. (Ferrando, 2019, p. 54).

Кроме того, среди исследователей постгуманизма и постгуманистов продолжается дискуссия вокруг демаркационной линии между трансгуманизмом и постгуманизмом. Р. Раниш отмечает, что трансгуманисты призывают к развитию технологий с целью освобождения человека от биологических ограничений, а постгуманисты призывают критически отнестись к идеям решения всех проблем с помощью современных технологий и науки (Ranisch, 2014, p. 163). В отечественном научном дискурсе (Е. Л. Яковлева, Д. А. Давыдов, Д. М. Ковба) доминирует позиция, согласно которой трансгуманизм рассматривается как ответвление или направление в рамках постгуманизма, охватывающее пласт проблем, касающихся изменения, модификации природы человека, преодоления естественных физиологических барьеров и способов повышения качества и количества жизни человека.

Обобщая, можно выделить два основных подхода, раскрывающих взаимосвязи постгуманизма с трансгуманизмом. Согласно первой позиции (условно «технократическая»), которая более распространена среди отечественных исследователей (Е. Л. Яковлева, А. Л. Крайнов и др.), постгуманизм является общей теоретической оптикой, концепцией, которая включает разные идеи и взгляды, связанные с трансформацией социальных процессов под влиянием технологий. В частности, трансгуманизм – направление в рамках постгуманизма, охватывающее исследование изменения природы человека под влиянием NBICS-технологий и их последствия. В некоторых работах постгуманизм и трансгуманизм косвенно или напрямую рассматриваются в качестве синонимов (Яковлева, 2014; Барышников, 2014; Артамонова, Зенов, 2020). Как отмечает С. Соргнер, в трансгуманистической традиции постчеловек может стать новым видом, который не будет относиться к человеческому виду. Например, объект киберпространства – киборг в результате эмуляции мозга или загрузки сознания (в «кремниевой» парадигме) или человек, который обладает способностями, отличающимися от нынешних возможностей людей (в «углеродной» парадигме). При этом подчеркивает, что трансчеловек – это переходное звено, которое еще не стало постчеловеком, но еще не вышло за пределы человеческой природы (Sorgner, 2014, p. 30–31).

Представители второго подхода (условно «радикально-плюралистического») апеллируют к разным условиям формирования данных феноменов, рассматривают их как отдельные социально-культурные движения с собственными задачами, а также этическими и правовыми последствиями. По мнению Р. Раниш и С. Соргнер, ключевым отличием постгуманизма от трансгуманизма являются разные оптики исследования. Для постгуманизма характерен критический взгляд на возможное «спасительное» влияние технологий, в отличие от технооптимизма представителей трансгуманистического движения. В постгуманистической парадигме постчеловек не связан с антропоцентриче-

скими характеристиками. Он конструируется в результате нового понимания и означивания человека без дуалистического категориального восприятия и классификаций (мужчина/женщина, материальное тело/нематериальная душа и др.) (Ranisch, Sorgner, 2014, p. 16–32).

Подчеркнем, что на данном этапе можно выделить практики, которые формируют базис «низкого» или «утилитарного» постгуманизма, направленный на формирование и популяризацию конкретных прагматичных практик и этических принципов и норм в общественной и политической повестке дня. Например, предоставление гражданства Саудовской Аравии роботу Софии можно рассматривать как один из юридических прецедентов в области прав роботов (Миклашевская, 2017). Также стоит выделить особый пласт проблем, касающихся прав животных, изменения климата и вырубки лесов. Так, в 2018 году Верховный суд Колумбии признал тропический лес Амазонки на территории страны «субъектом права», то есть наделил юридическими правами, как у человека (Stubley, 2018).

В социальную онтологию интегрируются новые понятия, а именно «постчеловек», «трансчеловек», «химера» и др. Одним из наиболее востребованных становится категория «киборг». Так, Д. Харауэй одна из первых раскрывает данную категорию как «конденсируемый образ как воображения, так и материальной реальности – два совмещенных центра, структурирующих любую возможность исторической трансформации» (Харауэй, 2017, p. 10). Конкретными примерами воплощения принципов, ценностей и дискурсов постгуманизма могут служить художественные произведения и кинематограф. Подчеркнем, что в странах, ориентированных на высокие технологии и развитие робототехники, например, в Южной Корее, Японии, с помощью массовой культуры активно создаются и транслируются фильмы и телесериалы (дорамы) про роботов, киборгов и людей со сверхспособностями. Например, южнокорейские дорамы «Я не робот» режиссера Чон Дэ Юна и «Ты тоже человек?» режиссера Чха Ен Хун про робототехнику, «Растопи меня нежно» режиссера Син У Чхоль, затрагивающая крионику, «Моя любовь, Холо» про идеального человека-голограмму, «Этот психометрический парень» и др. Несмотря на формат романтического телесериала, в первую очередь ориентированного для женской аудитории, данный массовый контент формирует и ретранслирует дискурс постчеловека – робота, киборга, бестелесного цифрового объекта и др., адаптируя и делая их доступными для массовой аудитории. А в условиях роста мягкой силы стран Восточноазиатского региона, в том числе связанной с волной «Халлю», эффектом (феноменом) BTS¹ (подробнее см. Воробьева, 2019), например, в Южной Корее, популярностью дорам, лакорнов, можно прогнозировать формирование открытости и толерантности к идеям постгуманизма. Кроме того, современные исследования и контент в сфере культуры, театра, архитектуры, музыки популяризируют ценности и этические принципы постгуманизма и направлений внутри данной концепции, формируется дискуссия вокруг видения будущего и предназначения человека в трансгуманистическом и постгуманистическом мире.

¹ BTS – популярная южнокорейская группа, продвигающая современную культуру Южной Кореи на международном уровне.

Таким образом, согласно позиции исследователей, которые рассматривают взаимосвязь между гуманизмом, трансгуманизмом и постгуманизмом, можно выявить два сценария (модели) развития постгуманизма. Во-первых, модель от гуманизма к трансгуманизму как переходному этапу, в рамках которого происходит радикальная трансформация природы человека и социальных условий под влиянием современных технологий. Трансгуманизм исследователи определяют как «современное обновление гуманизма». Постгуманизм в данной модели рассматривается как следующий этап развития трансгуманизма. А. Л. Крайнов рассматривает постгуманизм как новый этап развития общества, обозначая «эрой постчеловека» (Крайнов, 2019, с. 16). Во-вторых, модель, в которой постгуманизм противопоставляется гуманизму, то есть заменяет его. Он рассматривается как отказ и критика ценностей и принципов гуманизма в результате внедрения новых технологий в социум и коэволюции их с человеком (Ranisch, Sorgner, 2014, p. 8).

Предложенные этапы становления постгуманизма дают возможность комплексно проследить изменения от либеральной гуманистической концепции человека к формированию новой постгуманистической парадигмы. С учетом выделенных сценариев (моделей) развития постгуманизма можно проводить гуманитарную экспертизу современных технологий, а также прогнозировать конструктивные и деструктивные последствия от внедрения данных технологий как для социума в целом, так и для отдельных систем, институтов и акторов. Отметим, что данная периодизация не претендует на универсальность. Предпринятая попытка позволила упорядочить и обобщить идеи и взгляды ключевых представителей постгуманизма, а также выявить многоаспектный и диффузный потенциал данной концепции, с одной стороны, «глубоко» философской, формирующей постгуманистический образ мышления, мироощущения и мировосприятия, а с другой стороны, междисциплинарной, интегрирующейся в разные сферы и отрасли науки.

Заключение

Быстрый рост и развитие цифровых гуманитарных наук стал возможен благодаря медиатизации и цифровизации экономических, политических и социальных процессов как на уровне отдельных стран, так и в глобальном масштабе. На фоне тотальной цифровизации исследования по постгуманизму и трансгуманизму востребованы, концептосфера постгуманизма плавно интегрируется в современный научный дискурс, в социальную и политическую повестку дня. Подчеркнем, что в современной гуманитарной науке исследования, затрагивающие проблемы «за пределами гуманизма», дискурс постчеловека и постчеловеческой социальности, формируют новое теоретико-методологическое поле знаний. Р. Брайдотти обозначает наметившуюся тенденцию – появление критических постгуманитарных наук (the critical posthumanities) как «над-дисциплинарной, ризомной области производства современных знаний», конструирующей академическую «малую науку» (*an academic 'minor science'*) (Braidotti, 2019, p. 52–53).

Предпринятая попытка теоретической ревизии авторских концепций и теорий по выбранной предметной области позволила выявить ряд теоретиче-

ских векторов исследований. Весь объем наработок по постгуманизму можно сгруппировать в три основных блока исследований: во-первых, рассмотрение генезиса феномена постгуманизма и его взаимосвязь с трансгуманизмом и гуманизмом. Во-вторых, анализ теоретико-методологических оснований постгуманизма и направлений внутри данной концепции и, в-третьих, описание места, роли и последствий появления постчеловека в социуме. Отметим, что категория «постчеловек» активно применяется как представителями трансгуманизма, так и постгуманизма, способствуя терминологической путанице вокруг данных философских феноменов и синонимичному воспроизводству в академическом дискурсе, что усложняет рассмотрение постгуманизма как самостоятельного феномена.

Таким образом, постгуманизм можно рассмотреть как философское направление, которое синтезирует идеи представителей трансгуманизма и гуманизма. Кроме того, постгуманизм как философская рамка исследования (эпистемологический подход) описывает новый формат общественных и властных отношений, где граница между виртуальным и реальным нивелирована или ограничена, разорвана связь с антропологическими характеристиками и декларируется множественность означивания субъекта исследования. Данный подход позволяет выявить и проанализировать последствия проникновения биотехнологий, а также цифровых технологий в жизнь человека и общества в целом.

Однозначного ответа на вопрос о будущем гуманизма в текущей социальной, эпидемиологической и экономической ситуации нет. Плоскости применения концепции постгуманизма – многогранны. Дальнейшее теоретическое изучение постгуманизма связано с раскрытием особенностей применения данного феномена в разных научных сферах: образовании, социологии, коммуникативистике и других направлениях. Кроме того, феномен «искусственный интеллект» и его влияние на повседневные и социальные практики может быть затронут автором в дальнейших исследовательских проектах, посвященных изучению концепций «за пределами гуманизма».

Список литературы

1. Артамонова, Я.С., Зенов, П.Е. (2020). Экспертное сообщество и трансгуманизм современного общества. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 4, 15–17. Взято 31 августа 2020, с https://www.online-science.ru/m/products/social_science/gid5739/pg0/
2. Барышников, П.Н. (2014). Типология бессмертия в теоретическом поле французского трансгуманизма. *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*, 1, 98–127.
3. Белялетдинов, Р.Р. (2013). Человек трансгуманистического периода: новые концепции человека в эпоху биотехнологий. В Д.И. Дубровский (Ред.), *Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция* (с. 228–236). Москва: Издательство МБА.
4. Воробьева, Е. (2019, 6 октября). «Корейская волна»: поп-музыка как инструмент экспансии [Электронный ресурс]. Взято 31 августа 2020, с https://news.rambler.ru/other/42949025/?utm_content=news_media&utm_medium=read_

more&utm_source=copylink

5. Давыдов, Д. А. (2018). Обреченный гуманизм? Размышляя над книгами Ю. Н. Харари «Sapiens» и «Homo Deus». *Свободная мысль*, 6, 33–46.

6. Дубровский, Д. И. (2018). Перспективы нейронаучных подходов к проблеме сознания (в связи с нарастанием глобального кризиса земной цивилизации). *Философские науки*, 3, 99–109. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-3-99-109>

7. Катерный, И. В. (2019). Концептуализация социальной онтологии постгуманизма: социологические импликации. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 6, 13–34. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.02>

8. Ковба, Д. М., Грибовод, Е. Г. (2019). Теоретические аспекты феномена трансгуманизма: основные направления. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 3(36), 38–52. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2019-10303>

9. Крайнов, А. Л. (2019). Ценности постчеловеческого будущего: проблема выбора. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*, 19(1), 16–20. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-16-20>

10. Криман, А. И. (2019). Идея постчеловека: сравнительный анализ трансгуманизма и постгуманизма. *Философские науки*, 62(4), 132–147. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2019-62-4-132-147>

11. Луков, В. А. (2013). Развитие человека в свете биосоциологии. *Знание. Понимание. Умение*, 4, 25–33.

12. Межуев, В. М. (2013). Гуманизм и современная цивилизация. *Человек*, 3, 5–16.

13. Мещерякова, Т. В. (2011). Биоэтика на пересечении научного и вненаучного знания. *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 10(112), 216–221.

14. Миклашевская, А. (2017, 29 октября). Саудовская Аравия предоставила гражданство роботу. *Коммерсантъ*. Взято 31 августа 2020, с <https://www.kommersant.ru/doc/3454104>

15. Нежметдинова, Ф. Т. (2013). Гуманитарная экспертиза рисков внедрения современных технико-технологических достижений НБИК-технологий на основе биоэтики: методологический подход. *Инноватика и экспертиза*, 1(10), 132–138.

16. Павлов, А. В. (2019). Постгуманизм: преодоление и наследие постмодернизма. *Вопросы философии*, 5, 27–35. doi: 10.31857/S004287440005053-3

17. Петров, К. А., Смирнов, К. С. (2016). Философские аспекты соотношения биоэтики и права. *Философия права*, 3(76), 7–13.

18. Поломошнов, А. Ф. (2017). Кризис и судьба гуманизма в современном мире. *Вестник Донского государственного аграрного университета*, 2–2(24), 23–31.

19. Попова, О. В., Тищенко, П. Д., Шевченко, С. Ю. (2018). Нейроэтика и биополитика биотехнологий когнитивного улучшения человека. *Вопросы философии*, 7, 96–108. doi: 10.31857/S004287440000231-9

20. Тульчинский, Г. Л. (2018). Цифровизованный гуманизм. *Философские науки*, 11, 28–43. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-11-28-43>

21. Фукуяма, Ф. (2008). *Наше постчеловеческое будущее: Последствия*

биотехнологической революции. М.: Изд-во АСТ.

22. Харари, Ю.Н. (2016). *Sapiens: Краткая история человечества*. М.: Синдбад.

23. Харауэй, Д. (2017). *Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х*. М.: Ад Маргинем Пресс.

24. Шорохова, С.П. (2013). Глобализация и гуманизм в современном мире. *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*, 11(112), 221–228.

25. Юдин, Б.Г. (2013). Трансгуманизм – наше будущее? *Человек*, 4, 5–17.

26. Яковлева, Е.Л. (2014). Вектор движения: гуманизм – постгуманизм – трансгуманизм – техногуманизм – гуманизм. *Балтийский гуманитарный журнал*, 2(7), 40–42.

27. Bostrom, N. (2016). *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Oxford: Oxford University Press.

28. Braidotti, R. (2013). *The Posthuman*. Cambridge, UK: Polity Press.

29. Braidotti, R.A. (2019). Theoretical Framework for the Critical Posthumanities. *Theory, Culture & Society*, 36(6), 31–61. <https://doi.org/10.1177/0263276418771486>

30. Davydov, D.A. (2020). The Crisis of Humanism and Emerging Post-Anthropocentric Epoch: A Personalistic View. *Changing Societies & Personalities*, 4(2), 220–247. <https://doi.org/10.15826/csp.2020.4.2.099>

31. Dévédec, N.L. (2018). Unfit for the Future? The Depoliticization of Human Perfectibility, From the Enlightenment to Transhumanism. *European Journal of Social Theory*, 21(4), 488–507. <https://doi.org/10.1177/1368431017750974>

32. Ferrando, F. (2019). *Philosophical posthumanism*. London: Bloomsbury Academic.

33. Hassan, I. (1977). Prometheus as Performer: Toward a Posthumanist Culture? *The Georgia Review*, 31(4), 830–850.

34. Hayles, N.K. (1999). *How we became posthuman: virtual bodies in cybernetics, literature, and informatics*. Взято 31 августа 2020, с https://monoskop.org/images/5/50/Hayles_N_Katherine_How_We_Became_Posthuman_Virtual_Bodies_in_Cybernetics_Literature_and_Informatics.pdf

35. Lilley, S. (2013). *Transhumanism and society. The social debate over human enhancement*. Dordrecht: Springer.

36. McNamee, M.J., & Edwards, S.D. (2006). Transhumanism, medical technology and slippery slopes. *Med Ethics*, 32(9), 513–518. doi: 10.1136/jme.2005.013789

37. Ranisch, R. (2014). Morality. In R. Ranisch, & S.L. Lorenz (Eds.), *Post-and Transhumanism: An Introduction* (pp. 149–172). Frankfurt am Main: Peter Lang.

38. Ranisch, R., & Sorgner, S.L. (2014). *Post-and Transhumanism: An Introduction*. Frankfurt am Main: Peter Lang.

39. Sorgner, S.L. (2014). Pedigrees. In R. Ranisch, & S.L. Lorenz (Eds.), *Post-and Transhumanism: An Introduction* (pp. 29–47). Frankfurt am Main: Peter Lang.

40. Stubleby, P. (2018, April 6). Colombian Government Ordered to Protect Amazon Rainforest in Historic Legal Ruling. *Independent*. Взято 31 августа 2020, с <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/amazon-rainforest-colombia-protect-deforestation-environment-logging-supreme-court-legal-rights-a8292671.html>

41. Tirosh-Samuelson, H. (2014). Religion. In R. Ranisch, & S.L. Lorenz (Eds.),

Post- and Transhumanism: An Introduction (pp. 49–72). Frankfurt am Main: Peter Lang.

References

1. Artamonova, Ya. S., & Zenov, P. E. (2020). E'kspertnoe soobshhestvo i transgumanizm sovremennogo obshhestva [Expert community and transhumanism of modern society]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki*, 4, 15–17. Retrieved August 31, 2020, from https://www.online-science.ru/m/products/social_science/gid5739/pg0/
2. Baryshnikov, P. N. (2014). Tipologija bessmertija v teoreticheskom pole francuzskogo transgumanizma [Typology of immortality in the theoretical field of French transhumanism]. *Filosofskie problemy informacionnyh tehnologij i kiberprostranstva*, 1, 98–127.
3. Beljaletdinov, R. R. (2013). Chelovek transgumanisticheskogo perioda: novye koncepcii cheloveka v jepohu bioteknologij [Man of the Transhumanist Period: New Concepts of Man in the Age of Biotechnology]. In D. I. Dubrovskij (Ed.), *Global'noe budushhee 2045. Konvergentnye texnologii (NBIKS) i transgumanisticheskaya e'voljuciya* (pp. 228–236). Moscow: Izdatel'stvo MBA.
4. Bostrom, N. (2016). *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Oxford: Oxford University Press.
5. Braidotti, R. (2013). *The Posthuman*. Cambridge, UK: Polity Press.
6. Braidotti, R. A. (2019). Theoretical Framework for the Critical Posthumanities. *Theory, Culture & Society*, 36(6), 31–61. <https://doi.org/10.1177/0263276418771486>
7. Davydov, D. A. (2018). Obrechennyj gumanizm? Razmysl'jaja nad knigami Ju. N. Harari «Sapiens» i «Homo Deus» [Doomed humanism? Reflecting on the books of Yu. N. Harari «Sapiens» and «Homo Deus»]. *Svobodnaya mysl'*, 6, 33–46.
8. Davydov, D. A. (2020). The Crisis of Humanism and Emerging Post-Anthropocentric Epoch: A Personalistic View. *Changing Societies & Personalities*, 4(2), 220–247. <https://doi.org/10.15826/csp.2020.4.2.099>
9. Dévédec, N. L. (2018). Unfit for the Future? The Depoliticization of Human Perfectibility, From the Enlightenment to Transhumanism. *European Journal of Social Theory*, 21(4), 488–507. <https://doi.org/10.1177/1368431017750974>
10. Dubrovskij, D. I. (2018). Perspektivy nejronauchnyh podhodov k probleme soznaniya (v svjazi s narastaniem global'nogo krizisa zemnoj civilizacii) [Prospects for neuroscientific approaches to the problem of consciousness (in connection with the growing global crisis of earthly civilization)]. *Filosofskie nauki*, 3, 99–109. doi: 10.30727/0235-1188-2018-3-99-109
11. Ferrando, F. (2019). *Philosophical posthumanism*. London: Bloomsbury Academic.
12. Fukuyama, F. (2008). *Nashe postchelovecheskoe budushhee: Posledstviya bioteknologicheskoy revolyucii* [Our posthuman future: Consequences of the biotechnological revolution]. Moscow: Izd-vo AST.
13. Harari, Y. N. (2016). *Sapiens: Kratkaia istoriia chelovechestva* [Sapiens: A brief history of humankind]. Moscow: Sindbad.
14. Haraway D. J. (2017). *Manifest kiborgov: nauka, texnologiya*

i socialisticeskij feminizm 1980-x [A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century]. Moscow: Ad Marginem Press.

15. Hassan, I. (1977). Prometheus as Performer: Toward a Posthumanist Culture? *The Georgia Review*, 31(4), 830–850.

16. Hayles, N.K. (1999). *How we became posthuman: virtual bodies in cybernetics, literature, and informatics*. Retrieved August 31, 2020, from https://monoskop.org/images/5/50/Hayles_N_Katherine_How_We_Became_Posthuman_Virtual_Bodies_in_Cybernetics_Literature_and_Informatics.pdf

17. Katernyi, I.V. (2019). Konceptualizacija social'noj ontologii postgumanizma: sociologicheskie implikacii [Theorizing social ontology of posthumanism: sociological implications]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny*, 6, 13–34. doi: 10.14515/monitoring.2019.6.02

18. Kovba, D.M., & Gribovod, E.G. (2019). Teoreticheskie aspekty fenomena transgumanizma: osnovnye napravlenija [Theoretical Aspects of the Phenomenon of Transhumanism: Main Directions]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 3(36), 38–52. doi: 10.24411/1817-9568-2019-103033

19. Kraynov, A.L. (2019). Cennosti postchelovecheskogo budushhego: problema vybora [The Values of the Posthuman Future: the Problem of Choice]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psixologiya. Pedagogika*, 19(1), 16–20. doi: 10.18500/1819-7671-2019-19-1-16-20

20. Krیمان, A.I. (2019). Ideja postcheloveka: sravnitel'nyj analiz transgumanizma i postgumanizma [The Idea of the Posthuman: A Comparative Analysis of Transhumanism and Posthumanism]. *Filosofskie nauki*, 62(4), 132–147. doi: 10.30727/0235-1188-2019-62-4-132-147

21. Lilley, S. (2013). *Transhumanism and society. The social debate over human enhancement*. Dordrecht: Springer.

22. Lukov, V.A. (2013). Razvitie cheloveka v svete biosotsiologii [Human development in the light of biosociology]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 4, 25–33.

23. McNamee, M.J., & Edwards, S.D. (2006). Transhumanism, medical technology and slippery slopes. *Med Ethics*, 32(9), 513–518. doi: 10.1136/jme.2005.013789

24. Meshherjakova, T.V. (2011). Bio'etika na peresechenii nauchnogo i vnauchnogo znaniya [Bioethics at the intersection of scientific and non-scientific knowledge]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 10, 216–221.

25. Mezhuev, V.M. (2013). Gumanizm i sovremennaya civilizaciya [Humanism and modern civilization]. *Chelovek*, 3, 5–16.

26. Miklashevskaya, A. (2017, October 29). *Saudovskaya Araviya predostavila grazhdanstvo robotu* [Saudi Arabia grants citizenship to the robot]. Retrieved August 31, 2020, from <https://www.kommersant.ru/doc/3454104>

27. Nezhmetdinova, F.T. (2013). Gumanitarnaya e'kspertiza riskov vnedreniya sovremennyx texniko-texnologicheskix dostizhenij NBIK-texnologij na osnove bio'etiki: metodologicheskij podxod [Humanitarian expertise of risks of introducing modern technical and technological achievements of NBIC-technologies based on bioethics: methodological approach]. *Innovatika i e'kspertiza*, 1(10), 132–138.

28. Pavlov, A.V. (2019). Postgumanizm: preodolenie i nasledie postmodernizma [Posthumanism: the overcoming and the legacy of postmodernism].

Voprosy filosofii, 5, 27–35. doi: 10.31857/S004287440005053-3

29. Petrov, K. A., & Smirnov, K. S. (2016). Filosofskie aspekty sootnosheniya bioe'tiki i prava [Philosophical aspects of the relationship between bioethics and law] *Filosofija prava*, 3(76), 7–13.

30. Polomoshnov, A. F. (2017). Krizis i sud'ba gumanizma v sovremennom mire [Crisis and the fate of humanism in the contemporary world]. *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2–2(24), 23–31.

31. Popova, O. V., Tishhenko, P. D., & Shevchenko S. Yu. (2018). Nejroe'tika i biopolitika bioteknologij kognitivnogo uluchsheniya cheloveka [Neuroethics and biopolitics of cognitive enhancement biotechnologies]. *Voprosy filosofii*, 7, 96–108. doi: 10.31857/S004287440000231-9

32. Ranisch, R. (2014). Morality. In R. Ranisch, & S. L. Lorenz (Eds.), *Post-and Transhumanism: An Introduction* (pp. 149–172). Frankfurt am Main: Peter Lang.

33. Ranisch, R., & Sorgner, S. L. (2014). *Post-and Transhumanism: An Introduction*. Frankfurt am Main: Peter Lang.

34. Shorokhova, S. P. (2013). Globalizaciya i gumanizm v sovremennom mire [Globalization and humanism in the modern world]. *Vestnik RGGU. Serija: Filosofija. Sociologija. Iskusstvovedenie*, 11(112), 221–228.

35. Sorgner, S. L. (2014). Pedigrees. In R. Ranisch, & S. L. Lorenz (Eds.), *Post-and Transhumanism: An Introduction* (pp. 29–47). Frankfurt am Main: Peter Lang.

36. Stuble, P. (2018, April 6). Colombian Government Ordered to Protect Amazon Rainforest in Historic Legal Ruling. *Independent*. Retrieved August 31, 2020, from <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/amazon-rainforest-colombia-protect-deforestation-environment-logging-supreme-court-legal-rights-a8292671.html>

37. Tirosch-Samuelson, H. (2014). Religion. In R. Ranisch, & S. L. Lorenz (Eds.), *Post- and Transhumanism: An Introduction* (pp. 49–72). Frankfurt am Main: Peter Lang.

38. Tulchinskii, G. L. (2018). Cifrovizovannyj gumanizm [Digitized Humanism]. *Filosofskie nauki*, 11, 28–43. doi: 10.30727/0235-1188-2018-11-28-43

39. Vorob'eva, E. (2019, October 6). «Korejskaja volna»: pop-muzyka kak instrument e'kspansii [The Korean Wave: Pop Music as a Tool of Expansion]. Retrieved August 31, 2020, from https://news.rambler.ru/other/42949025/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

40. Yakovleva, E. L. (2014). Vektor dvizhenija: gumanizm – postgumanizm – transgumanizm – tehnogumanizm – gumanizm [Movement vector: humanism – posthumanism – transhumanism – techno-humanism – humanism]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*, 2(7), 40–42.

41. Yudin, B. G. (2013). Transgumanizm – nashe budushhee? [Transhumanism is our future?]. *Chelovek*, 4, 5–17.

АНТРОПОЛОГИЯ ПОСТМОДЕРНА: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МОБИЛЬНЫХ СИСТЕМ*

Моисеенко Ян Юрьевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
младший научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-4541-5854,
E-mail: yan.moiseenko@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.10.2020, принята к публикации 11.11.2020

Для цитирования: Моисеенко Я.Ю. Антропология постмодерна: взгляд через призму мобильных систем // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4 (41). С. 151–167. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10410

Аннотация

Цель статьи заключается в рассмотрении антропологических перспектив новой парадигмы, готовой прийти на смену парадигме Модерна, изучение их особенностей и отличительных черт. Достижение данной цели предполагает решение исследовательских задач, таких как анализ предпосылок становления постмодернистской антропологии с нескольких методологических ракурсов; выработка моделей новых проектов антропологии с опорой на теоретический базис парадигмального анализа, исследования «мобильных систем»; изучение суперпозиции предложенных моделей, их взаимодействия и комбинации.

Методология исследования выдержана в соответствии со сложностью и комплексностью исследуемого объекта, поэтому была выбрана двухуровневая методологическая модель. Антропологическая проблематика постмодерна, в первую очередь, была рассмотрена с позиций парадигмального анализа, а уже затем полученный

* Статья подготовлена в рамках работы по гранту Президента РФ: проект «МК-2621.2019.6».

© Моисеенко Я.Ю., 2020

в ходе данного рассмотрения результат был изучен дополнительно через оптику феномена «мобильных систем», для чего были привлечены наработки научной школы «мобильной социологии».

Среди полученных *результатов исследования* необходимо обозначить следующие: 1) выявлено, что предпосылки антропологического кризиса были заложены ещё на стадии экстенсивного развития Модерна, а не только связаны с постепенной эрозией его онтологических оснований; 2) сформулирован антропологический проект постмодерна *homo dividualis*, обрисованы в общих чертах его атрибуты; 3) предложена нестандартная трактовка концепта *homo mobilis*, где тот предстаёт в качестве ещё одного антропологического проекта будущего, а не в качестве собирательного образа «человека, находящегося в движении», как принято его интерпретировать в традиционном социально-философском дискурсе..

Ключевые слова:

Антропология постмодерна, «мобильные системы», мобильность, *homo dividualis*, *homo mobilis*, биомеханоиды, «антропологический исход».

UDC 1.87.5

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10410

ANTHROPOLOGY OF POSTMODERNITY: A VIEW THROUGH THE PRISM OF MOBILITY SYSTEMS

Yan Yu. Moiseenko,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Junior Researcher,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-4541-5854,
E-mail: yan.moiseenko@mail.ru

Article received on October 09, 2020, accepted on November 11, 2020

To cite this article: Moiseenko, Ya.Yu. (2020). Antropologiya postmoderna: vzglyad cherez prizmu mobil'nykh sistem [Anthropology of postmodernity: a view through the prism of mobility systems]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 4(41), 151-167. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10410

Abstract

The aim of the article is to examine the anthropological challenges of a new paradigm, ready to replace the paradigm of Modernity, and to study its distinctive features.

Achieving this aim involves the solution of several research *tasks*, such as the analysis of how postmodern anthropology agenda has been formed from several methodological perspectives; the development of the anthropology models based on the theoretical basis of paradigmatic analysis; the research of “mobility systems”, the superposition of the models proposed, their interactions and combinations.

The methodology of the research should be consistent with the complexity of the object under study, therefore a two-level methodological model has been chosen. First of all, anthropological issues of postmodernity has been considered through the lenses of paradigmatic analysis, and after that the results obtained were additionally studied through the prism of the phenomenon of “mobility systems”, for which the developments of the scientific school of “mobile sociology” have been involved.

Among *the results of the research*, it is necessary to designate the following. Firstly, the prerequisites for the anthropological crisis have been revealed at the stage of extensive Modernity development, so to associate them nothing but with the gradual erosion of Modernity ontological foundations turned out to be a wrong path. Secondly, an anthropological project of the postmodern concept of *homo dividualis* has been formulated, with its attributes being outlined. Thirdly, an interpretation of the *homo mobilis* concept has been proposed, which appears to become another anthropological project of the future, but not an image of “a person on the move”, as it tends to be interpreted in the traditional socio-philosophical discourse.

Keywords:

Postmodern anthropology, mobility systems, mobility, anthropological project, homo dividualis, homo mobilis, anthropological exodus.

Введение

Современный философский дискурс изобилует нарративами, в качестве «общего знаменателя» которых можно выделить глубоко пессимистическую констатацию вступления человечества в «зону турбулентности», где многие основополагающие категории его бытия подвергаются сомнению, а ориентиры дальнейшего развития становятся размытыми в нерешённых противоречиях дня сегодняшнего. Неизбежность этого цивилизационного кризиса философ-постструктуралист Лиотар связывал с постепенной эрозией онтологических оснований, господствующей последние столетия парадигмы Модерна, причины которой были заложены в её собственной матрице (Лиотар, 1998). А именно, анализ Лиотара выявил, что развёртывание ценностных оснований этой парадигмы на практике можно назвать своего рода предательством того освободительного пафоса, что был свойствен её истокам – в первую очередь философии Просвещения. Движущей силой этой эрозии стал *метанарратив* Модерна, под которым Ф. Лиотар понимал беспрестанное воспроизводство одних и тех же максим, на которых зиждется парадигма. Их ряд слишком велик, так что в качестве примеров можно привести основные реперные точки современности – рациональность, наука, прогресс, свобода, равенство, права человека. Предательство было в том, что все эти множества должны были прийти на смену

тем, на которых зиждились античное и средневековое общества, но на деле они оказались не более чем перифразами своих предшественников, продолжили служить в угоду до-современного общества и сохранили свой репрессивный характер (Лиотар, 1998, с. 10–15).

Так и условный среднестатистический человек Модерна остался тем же деспотом и тираном, каким виделись мифологические божества древнего мира, только своё господство над окружающим миром он строил, опираясь на штыки уже научной рациональности. Его вера в блаженный «золотой век» сменила вектор направленности – она обращена не в прошлое, а в будущее, сменившись верой в научно-технический прогресс; свобода и равенство весьма условны в тисках классовой иерархии, и освобождают лишь тех, кто имеет экономические ресурсы для господства над прочими «равными». Таким образом, вслед за необходимостью радикального пересмотра *метанарратива* Модерна, многие западные философы второй половины XX в. неизбежно задумались о том, что может представлять собой новый человек наступающей за Модерном эпохи, которая будет полностью очищена от «тоталитарных предрассудков», свойственных старой онтологии (Адорно, 1996).

В настоящей статье предполагается не просто провести обозрение основных перспектив транзита антропологии Модерна в новую парадигму, но и задать определённый ракурс рассмотрения: через призму феномена «мобильности», поскольку именно он позволяет систематизировать их на новом уровне, дабы впредь иметь систематическую карту для исследований в данной области.

Актуальность исследования

Всеобъемлющий кризис Модерна, со ссылки на констатацию которого мы начали статью, мог бы остаться уделом размышления лишь кабинетных философов, если бы демонтаж аксиологических, онтологических и прочих его оснований не затрагивал разнообразные сферы жизнедеятельности человека. Примечательно, что многие максимы ещё некоторое время назад рефлексировались как в философии, так и в общественном сознании как *taken for granted*, то есть в качестве «само-собой-разумеющихся», но сейчас и они стали предметом сомнения.

К примеру, всё более широкими массами овладевает разочарование в социально-политической модели организации общества по «европейскому образцу», вне зависимости от того, ориентировались ли они прежде на более либеральные парламентские демократии или уповали на консервативные президентские республики формата *nation state* (государство-нация). И тот, и другой формат симптоматично продемонстрировали свою несостоятельность перед лицом «мобильного поворота» (*mobility turn*) (Urry, 2000, 2012) с его возрастающими по экспоненте скоростями, о чём речь пойдёт далее. Всё, что они смогли сделать в ответ на его вызовы, это предложить обществу популистскую политику всеобщей толерантности и мультикультурализма в качестве панацеи от большинства открывающихся за этим «поворотом» проблем: миграционных, этнических, религиозных, и пр.

Система международных отношений также даёт фундаментальные сбои, поскольку на руинах прежнего миропорядка, который по факту сворачива-

ния Ялтинско-Потсдамского прецедента представляет собой т.н. «Вестфаль», не был заложен новый, полноценный мировой порядок. Разумеется, здесь идёт речь о таком порядке, который был бы качественно отличен от предыдущего, то есть которому не была бы свойственна идеологизированность всех сфер общественной жизни и который не пестовал бы «гонку вооружений» как одну из основополагающих стратегий самосохранения. Однако «свято место пусто не бывает», и на смену напряжённому противоборству двух сверхдержав XX в., насыщенному противостоянием стоящих за ними идеологий – либерализма и коммунизма – пришла американская гегемония, воспроизводящая политику «управляемого хаоса» с его неизменными атрибутами в виде разворачивания по всей планете «цветных революций» и локальных военных конфликтов. Что до «идеологического вакуума» после поражения коммунизма, обещанного самым видным неоллиберальным мыслителем 90-ых (Фукуяма, 2007, 2008), то на деле он обернулся диктатом идеологии «победителя» на фоне общемировой истерии, питаемой бесчисленными экономическими кризисами, повсеместной террористической и эпидемиологической опасностью, а также всевозможными политическими манипуляциями вокруг «прав человека».

Возвращаясь здесь к проблеме *метанарратива* Модерна, выявленной постструктуралистами, следует подытожить, что все перечисленные нами выше кризисы вытекают из того, что классовые общества Нового времени не далеко ушли от средневековых сословий, поскольку столь же репрессивны и иерархичны, только в доминировании одного класса над другим имеется уже экономическая, а не родовая подоплёка (Волков, 2015, с. 9). Религиозный пыл Средневековья трансформировался в новые «крестовые походы» против «не-демократий», осуществляемых во имя толерантности и прав человека, а освобождение человека от формирующих его «индивидуальность» коллективных форм идентичности не было доведено до логического конца, поскольку на смену кастовым, сословным или религиозным иерархиям пришли на смену другие, осуществляющие господство в иных, быть может, завуалированных формах (Дугин, 2006).

Бесспорно, все эти кризисные тенденции можно рассмотреть в формате тех специальных дисциплин, объектами внимания которых являются мировая политика, экономика, социальная сфера. Однако же по отдельности ни один подобный анализ не способен дать той полноты картины происходящего, при должном балансе умозрительных обобщений и фактической конкретизации, что способен предложить политико-философский взгляд на проблему. Более того, выбор именно философского взгляда на проблематику обусловлен ещё и выдвигаемой в рамках настоящего исследования гипотезой. А именно, тезиса о том, что подавляющее большинство злободневных проблем современности являются «частными случаями» одного куда более масштабного и глубокого кризиса, и он имеет как раз *антропологическую* природу.

Методологические горизонты

Название статьи «Антропология постмодерна: взгляд через призму мобильных систем» подводит к разговору о методологии предполагаемого исследования. В первую очередь собственно словосочетание «антропология постмодерна» является импликацией обращения к *парадигмальному анали-*

зу, согласно которому любые аспекты и формы жизнедеятельности человека, имеющие достаточные основания для философского осмысления, должны быть *a priori* помещены в контекст той или иной философской парадигмы, без чего полноценная интерпретация того или иного феномена попросту будет некорректна. Таким образом, в настоящем исследовании будет предпринята попытка описания «антропологического слома» и следующего из него кризиса гуманизма в терминах конфликта двух парадигм – модерна и постмодерна, что неизбежно возникает в транзитных фазах при переходе от одной парадигмы к другой, или в случае частичного наложения их онтологических оснований.

Что касается второй половины заголовка – «через призму мобильных систем», то здесь следует сказать, что сам факт обращения к концепту «мобильность» обуславливает неизбежность последующей интерпретации заявленного «антропологического кризиса» в русле исследований школы «мобильной социологии» (Kaufmann, 2002). Один из ключевых её авторов, английский социолог-постмодернист Дж. Урри, в ряде своих основополагающих работ занимался осмыслением такого феномена, как мобильность в качестве исторически обусловленного триггера большинства социальных изменений. Проследивая историю влияния фактора мобильности на социальные трансформации, которые претерпевали западные общества в Новое время, Урри отметил, что есть основания связать их интенсивность со скоростью развёртывания различных мобильностей, которая в начале XXI в. вышла на новый, беспрецедентный для себя виток (Urry, 2000). Преимуществом же его «мобильной» концепции над другими является принципиальная позиция Урри, требующая рассматривать «мобильности» не как совокупность самостоятельных единиц, а в рамках некой общей «мобильной системы», в силу чего и выбор в плане методологии данного исследования был сделан в её пользу (Sheller, Urry, 2006).

Под «мобильной системой» английский социолог понимает «комплекс социальных отношений и материальной инфраструктуры, который делает определённый вид перемещения акторов возможным» (Урри, 2012, с. 24). В чём, собственно, преимущество этого подхода над другими исследованиями, имеющими дело с «мобильной» проблематикой? Не имело бы смысла заострять на этом вопросе отдельного внимания, если бы, к сожалению, большинство научных дискуссий в этой исследовательской области не сводилось к спорам о том, что именно за феномены попадают в центр внимания исследований «мобильности». Расклад таков, что в научном сообществе по-прежнему «ломаются копыя» из-за того, следует ли ограничить понимание мобильности совокупностью перемещений в пространстве, сведя её исследование чуть ли не до статистических выкладок, или, напротив, рассматривать мобильность как важный фактор структурной социологии, влияющий на флуктуации статусов её агентов. Помимо данного спора о природе феномена «мобильности» как таковом, существует ещё целый ряд не самых продуктивных дискурсов, призывающих нас «раз и навсегда» категоризировать т. н. «словарь» мобильных исследований путём наименования субъектов мобильных процессов (т. е. «тех, кто совершает движение»), их объектов, под которыми часто подразумеваются не только банальные транспортные средства или дорожная инфраструктура, но и куда менее привычные для обыденного восприятия предметы окружающей человека среды.

Безусловно, определение понятийного аппарата является краеугольным камнем любого исследования, претендующего на статус научного. Однако в случае с упомянутыми «мобильными системами» некая двусмысленность используемой терминологии, кажущаяся даже на первый взгляд нарочитой, искупается возможностями, что предлагает её уникальный методологический арсенал. Речь, в первую очередь, идёт о его междисциплинарном потенциале, благодаря которому становится возможным рассмотреть под нестандартным ракурсом антропологические аспекты постмодернистской парадигмы. Дело в том, что многолетние наработки школы «мобильной социологии» полностью снимают пресловутое субъект-объектное противоречие, в которое упираются мобильные концепции несистемного толка, благодаря тому что, во-первых, меняют масштаб исследования, перенося фокус внимания с отдельных единиц мобильности на их совокупность, комбинируемую в устойчивую систему. Во-вторых, зачастую, в качестве точек отсчёта исследования выбираются такие нестандартные феномены, где субъект и объект как бы сплетены уже на «матричном уровне» (речь идёт о таких типичных феноменах современной американской антропологии, как *truck-driver* (машина-водитель) и *citizen-gun* (гражданин-пистолетом) (Урри, 2012, с. 239–240).

Подводя итоги нашего краткого методологического обзора, необходимо отметить, что исследование социальных трансформаций самого широкого профиля через призму «мобильных систем» не беспрецедентно с точки зрения гуманитарных наук. Собственно вокруг пула этих исследований и строится сама школа «мобильной социологии». Однако если заострить внимание на том, какую роль «мобильный поворот» объективно сыграл (и продолжает играть) в переходе от модерна к постмодерну как явление по своей сути *антропологическое*, станет возможным обрисовать те перспективы трансформаций, которые будет претерпевать современный человек на пути к *постчеловеку* (Дугин, 2009).

Модель-1: *homo dividialis*

Напомним, что с точки зрения антропологического прочтения Модерна результат инсталляции его программы заключался в формировании автономного индивида, который в свою очередь стал продуктом двухфазного процесса преобразования до-современного человека, представителя т.н. традиционного общества. Смысл данного преобразования сводился к тому, чтобы разобрать традиционное представление о человеке, как о сложной структуре, в которой тот предстаёт в качестве некой «маски» (*персоны*), скрывающей за собой сложный онтологический континуум земной и посмертной жизни, на составные части и затем собрать его заново в новой конфигурации как своего рода конструктор. Разумеется, научная рациональность Нового времени была способна задумать конструктор лишь с однозначной инструкцией сборки: согласно ей ряд элементов необходимо было изъять бесповоротно (например, бытие-после-смерти), а другие элементы перегруппировать относительно изначального варианта. В результате, такого «заново собранного» человека Модерна (*homo individualis*) можно представить в виде условного *атома*, состоящего из *ядра* и неких *оболочек*, которые множественными слоями это ядро окутывают.

Собственно под *ядром* в антропологии Модерна подразумевалась как раз та искомая *individualis* – инстанция само-тождества, в которой каждый человек равен взятой по модулю «1», другими словами, равен самому себе, тогда как под множественными слоями *оболочек* подразумевались разные коллективные идентичности, по которым первоочерёдно определялся статус человека во всех традиционных обществах (то могла быть принадлежность к роду, касте, сословию, той или иной конфессии и т. п.). Поскольку высшую ценность антропологических изысканий Нового времени представляло собой обнажение *ядра*, для чего и был, собственно, замыслен беспрецедентный эксперимент с созданием конструктора человека, то *первый этап* его разборки заключался в снятии череды верхних *оболочек*, что в наибольшей степени довели над содержанием *ядра*, коем было отказано в какой бы то ни было самостоятельной ценности.

Таким образом, *homo individualis* был последовательно освобождён от всевозможных кастовых, сословных, религиозных инстанций идентичности, выступавших в до-современных обществах в качества общего знаменателя, под который сводились все частные особенности той или иной личности из условного *числителя*. Все эти моменты из определяющих, или правильнее сказать детерминирующих содержание *ядра* факторов, стали один за другим опциональными, объектами выбора *homo individualis*. Право совершить этот выбор фундировался принципом отождествления всего бытия с *bon raison*, из чего, собственно, черпалось и доказательство этого бытия (*cogito ergo sum*), а на практике проистекало из мнимой свободы действий, которую предлагало уравнивание всех индивидуумов посредством «общественного контракта» с чудовищем-Левиафаном – государством Нового времени, а также переходом от феодальных отношений к капиталистической экономике (Olsthoorn, 2020).

Это достижение можно со всей ответственностью назвать результатом *первой фазы* преобразования до-современного человека в современного. Что касается *второй фазы* трансформации, то её можно считать углублением и конкретизацией тех философских установок, что реализовывались в рамках первой фазы, но она развёртывалась в формате внутренней парадигмальной борьбы между различными антропологическими проектами. С точки зрения прагматичности анализа можно свести это противостояние к соперничеству основных политических идеологий Модерна, каждая из которой имела своё видение *homo individualis*, вопреки тому, что *на первой фазе*, которая была посвящена демонтажу «оболочек» из коллективных идентичностей человека, они действовали согласованно.

Неудивительно, что победа в этой конкурентной борьбе идеологий за видение «человека» осталась за *либеральным* антропологическим проектом. Произошло это, во-первых, потому, что стоящая за ним идеология оказалась единственно «легальной» к концу XX в. для «просвещённого» мирового сообщества, распространив своё влияние практически в мировом масштабе. Что касается *фашистского* проекта, он был заслуженно изгнан из правового поля по итогам Второй мировой войны, следом за режимами, что отвечали за его практическую реализацию, и его удел так и остался быть предметом поклонения маргинальных и, по большей части, существующих подпольно культов. *Марксистский* проект обладал невероятным потенциалом, но в силу поражения коммунизма в сфере экономики и политики, что ознаменовалось

распадом СССР, его сложносочиненная антропология так и осталась по сути нереализованной (Кондрашов, 2019). Вторая причина, почему квинтэссенцией Нового времени стал именно *либеральный* проект, заключалась в том, что он в наибольшей степени отвечал целям и задачам, что были заложены в матрицу парадигмы Модерна. Последний тезис может найти подтверждение в его политической программе, которая в общем и целом исчерпывается принципами рыночной экономики, безотносительно того, о каком конкретно измерении идёт речь: онтологическом, политическом, этическом и т. д.

Однако именно в торжестве «автономного человека», что наступило в тот момент, когда у либерализма, казалось бы, не осталось больше легальных конкурентов в споре за антропологические горизонты будущего, заключается главный казус трансформации до-современного человека в современного. В первую очередь бывшая насыщенность содержания либерализма, очевидная в ходе противостояния с другими идеологиями, обернулась интеллектуальным вакуумом, в котором все базовые концепты этой идеологии демонстрируют свою несостоятельность (Дугин, 2009). Затем политическая практика XX в., отрефлектированная в философии постструктуралистов, показала, что *метанарратив* Модерна, в частности, в аспектах той самой либеральной инструкции по сборке *homo individualis*, оказался не тем, за кого он себя изначально выдавал, поскольку вместо обнажения искомого ядра свёлся к подмене оболочек, которые предлагали новые формы коллективных идентичностей вместо старых (Лиотар, 1998).

Таким образом, в авангардистском интеллектуальном дискурсе Европы вызрела необходимость объявить ещё одну, *третью фазу* трансформации, которая смогла бы завершить очищение ядра от сковывающих его «цепей» идентичностей. Дабы не допустить более просчётов *первой* и *второй* фазы, в главный фокус внимания попал собственно концепт *homo individualis*, так как был поставлен под сомнение вопрос, является ли он на самом деле образчиком того желанного «минимального гуманизма», о достижении которого шла речь в теории (Аттали, 1993). В итоге, вывод о том, что неудачи антропологического проекта Модерна были запрограммированы с самого начала, вылился в своего рода «вотум недоверия», объявленный ему постструктуралистами, что и привело в свою очередь к тому, что стало принято называть «антропологией постмодерна».

Краеугольным камнем новейшей антропологической концепции стал *homo dividialis* или «постчеловек», если пользоваться морфемной аналогией с «постмодерном» (Дугин, 2009). Из имени данного концепта можно сделать вывод, что он является некоторой ревизией своего предшественника *homo individualis*, но здесь пересмотру подверглась не только конфигурация ядра и оболочек вокруг него, но и само ядро – тот самый искомый объект, который прежде считался *неделимым*, и на обнажение которого были направлены усилия борьбы с традиционным представлением о человеке. Дело в том, что критика *метанарратива* Модерна, не со стороны традиционалистов и консерваторов, а со стороны более прогрессивной, нежели сам Модерн, парадигмы, настаивает на том, что тот *homo individualis*, который признавался в Модерне *ядром*, на самом деле не был *individualis*, а представлял собой *ядро*, обёрнутое рядом оболочек, от которых следует продолжать избавляться.

По этой причине гендерная проблематика, т. е. социологическая и, что более важно, политическая импликация индивидуальных половых различий

совсем не случайно стала такой актуальной повесткой для «просвещённой» общественности Запада. Основные этапы становления социологии пола в Новое время подробно изложены в книге М. Фуко «История сексуальности», которая даёт возможность на большом иллюстративном материале отследить изменения в гендерной диспропорции Модерна, где жёсткому подавлению абсолютно всех попыток представить женскую идентичность в публичном пространстве пришлось на смену движение суфражизма, но развивалось оно всё по тому же жёсткому, сугубо «маскулинному» сценарию, т. е. шла борьба женщин за право «быть мужчиной» (Фуко, 2004). Тем не менее, такая ригоричность нововременной социологии пола проистекала хотя бы из того, что в Модерне гендерная идентичность однозначно причислена к ядру *homo individualis*, её не было в числе оболочек, которые необходимо нивелировать, превратив в опциональный выбор. Постмодернистская же критика планирует довести демонтаж коллективных идентичностей до настоящего предела, углубившись в ту сферу, которая в Модерне считалась территорией ядра. Таким образом, гендер, т. е. социологический пол, становится пересечённым рубиконом на пути к освобождению индивида от навязываемых ему обществом догматов. (Харауэй, 2017)

Дабы осуществить эту операцию по получению *homo dividualis* хотя бы в философской практике, необходимо пойти дальше предложенной адептами Модерна максимы о человеке равном «1» по модулю, модели самого себя, и отправиться в дробные значения. Рассмотрим такого «минимального», но уже по-настоящему неделимого, человека – равного, предположим, «0,6 от *homo individualis*», невозможно без специальной оптики, для обретения которой нам необходимо обратиться к методологическому арсеналу «мобильных систем», о чём было заявлено ранее, поскольку вовлечение человека во всевозможные мобильные процессы наиболее репрезентативно являет сущностные черты постмодернистского антропологического проекта. С помощью «мобильных систем» и феномена «мобильности» в широком смысле мы сможем, наконец, представить несколько возможных версий «расчленения» *homo individualis* на отдельные фрагменты, каждый из которых постепенно выходит на авансцену философской рефлексии.

Модель-2: *homo mobilis*

Прежде чем приступить к рассмотрению антропологического проекта постмодерна через призму «мобильных систем», следует дать характеристику феномена мобильности, вокруг которого они выстраиваются – в достаточно общих чертах, поскольку подробному его анализу были посвящены другие работы, в том числе авторские (Моисеенко, 2019, 2016). Этот феномен был концептуализирован в предметном поле социологической науки усилиями целой научной школы («мобильной социологии»), а если говорить об отдельных учёных, внесших вклад в пул «мобильных» исследований, можно назвать социологов Дж. Урри, З. Баумана (Бауман, 2008; Урри, 2012), историка Т. Крэссуэла (Cresswell, 2011). Однако следует заметить, что ареал распространения концепта «мобильности» не ограничивается социологией, поскольку разные аспекты его бытия становятся объектами внимания и смежных гуманитарных дисциплин, в диапазоне от науки техники до философии истории. Влияние, которое концепт «мобильности»

оказывает на философский дискурс в данный момент, закономерно, поскольку оно детерминировано причинами вполне объективного характера.

Позицию феномена «мобильности» и «мобильных систем» как особого методологического подхода к концептуализации мобильности подкрепляет логика развёртывания одного из доминирующих нарративов Модерна. Речь идёт о целом комплексе концепций и сюжетов, что выстраиваются вокруг идеи о нескольких «промышленных революциях», сменяющих друг друга на векторе научно-технического прогресса (Schwab, 2017). Если две первых «революции», что относились по времени ещё к периоду Модерна в его активной фазе развёртывания и были инициированы строительством железных дорог и изобретением парового двигателя в ходе первой из них, электрификацией и внедрением конвейера в производство в ходе второй, очевидно привели к интенсификации разных «мобильных» процессов в западном обществе, но не имели таких уж явных антропологических последствий, которые тем не менее могут быть приписаны и им ретроспективно, то третья и четвёртая «революции», заключавшиеся в компьютеризации многих процессов в жизни общества, в глобальном развитии сети Интернет, протекали уже на фоне постепенного выхолащивания либеральной версии Модерна, оказывая непосредственное влияние на формирование новой, постмодернистской антропологической повестки (Schwab, 2017).

Как указывает один из главных теоретиков «четвертой промышленной революции» Клаус Шваб, «эта революция касается уже не только машин, она в не меньшей степени затрагивает области и физиологии, и биологии» (Schwab, 2017, p. 27). Воспользовавшись данной посылкой основателя и бессменного президента Всемирного экономического форума в Давосе, попробуем сформулировать основные, наиболее актуальные ипостаси *homo dividualis*, что, тем не менее, едва ли получилось бы сделать, если бы они не были интегрированы в плоть «мобильных» процессов современности. Напомним, что методологический потенциал использования т.н. «мобильных систем» в качестве оптики для рассмотрения антропологической повестки постмодерна ставит нас в более выигрышную позицию, нежели та, где бы оказался исследователь, если бы по инерции продолжил рассматривать эту повестку с помощью того же самого методологического инструментария, что привлекался в аналогичной ситуации, когда речь шла об исследовании антропологии Модерна. Основным аргументом является «субъект-объектная» ориентация «мобильных систем», заложенная на матричном уровне. Вследствие этого частью таких «систем» могут становятся особые феномены, которые ранее попросту ускользали из фокуса исследовательского внимания по причине невозможности строго идентифицировать в них «субъект» и «объект», разграничить их, что просто необходимо сделать в логике научной рациональности Модерна (Урри, 2012).

Поскольку одной из принципиальных стратегий постмодерна является развенчание, даже «демонтаж» онтологических оснований предшествующей парадигмы, то стирание границы между субъектом и объектом находится в магистральном русле этой логики. *Homo individualis*, тот самый рационально мыслящий субъект Модерна, на пике развития этой парадигмы существовал в локальном и изотропном пространстве, линейном, необратимом времени, взаимодействовал в нём с различными объектами, которые, тем не менее, воспринимались как нечто реально существующее независимо от него, и уж точно

отдельно от него. *Homo dividuialis* – те условные «0,6», что остались от субъекта в постмодернистской парадигме, где пространство переходит во время и наоборот, а объективная «реальность» в «виртуальность» – настолько мобилен, что не может проводить какие-то границы, ведь пропорция в нём «субъекта-времени-пространства-объекта» меняется в зависимости от того, в какой из «мобильных систем» он находится в конфигурации данного момента времени и данной точки пространства.

Одной из таких ипостасей можно назвать *homo mobilis*, антропология которого приобретает причудливую форму «мобильной системы», в которой фрагменты человеческого (те самые условные «0,6» от «1») интегрированы с фрагментами *hardware*, *software*, областью «диджитал» в целом. Здесь важно понимать, что антропологический проект *homo mobilis* подразумевает отнюдь не только трансгуманистическую перспективу сращивания человеческого тела с разного рода полупроводниковыми системами, нацеленными на усиление его физиологических возможностей или компенсацию таких же недостатков. Всё это имеет огромное значение, особенно в контексте постмодернистского метанарратива перехода от *homo individualis* к *homo dividuialis*, поскольку то самое человеческое в нас – это тоже коллективная идентичность, и видится авангардными постструктуралистами не более чем «оболочкой», которую также необходимо сбросить следом за «гендерными цепями» (Харауэй, 2017), добравшись, наконец, до настоящего, подлинного ядра – т. е. генома человека, превратив уже причастность к «человеческому роду», «роду химер» или «роду киборгов» в опциональный выбор (Дугин, 2009).

Однако *homo mobilis* имеет значение не только некоей промежуточной инстанции на пути от индивидуума к «дивидууму». Будучи примером такого «минимального» подхода к гуманизму, где субъектность есть лишь одна из частей сложной суперпозиции структур (временных, пространственных, где «реальности» отказано в собственной онтологии, она лишь гносеологична), он предстаёт перед нами в качестве комбинации отрывочных компонентов, не будучи при этом их последовательной совокупностью. Таким образом, *homo mobilis* во многом подобен *ризоматической структуре* (*rhizoma* – клубень, корневище) – известному постмодернистскому концепту авторства Ж. Делёза и Ф. Гваттари – у которой, как известно, «не может быть ни начала, ни конца, а есть только вечная середина, из которой она растёт и переливается через край» (Делёз, Гваттари, 2010, с. 37). *Ризому* просто невозможно зафиксировать в её целостности, чтобы вынести однозначное и аргументированное суждение о ней, она фрагментарна, локальна и непредсказуема в каждый момент развёртывания её «вечного настоящего», т. н. *телесного хроноса*, описывающего казус перехода времени в пространство (Дугин, 2009, с. 470–478).

Точно так же онтологически неуловим и проект *homo mobilis*, пусть он и удерживает ещё какую-то связь с декартовским *cogito*, во всяком случае с его фрагментами, но сделать из этого вывод о его *ergo sum* уже невозможно, так как *homo mobilis* демонстрирует свою идентичность в случайной комбинации посещённых сайтов из истории браузера *Google Chrome*, постов, оставленных в социальной сети *Twitter*, фотографий, выложенных в *Instagram*, пропорции лайков и дизлайков в социальных сетях. Зачастую случайную выборку этого контента следует «умножать» на число IP-адресов, с которых совершались

его выходы в сеть Интернет, или на количество аккаунтов, которые ведутся им одновременно. В некоторых случаях, наоборот, идентичность *homo mobilis* нужно «разделить» на количество подручных *homo individualis*, наполняющих разнообразным контентом аккаунт одной такой «публичной химеры». Дело в том, что вся эта хитрая комбинация цифровых данных уже не в полной мере соотносится с конкретным *homo individualis* (или их группой), которые якобы «стоят» за подобного рода сетевыми активностями, если вдруг предпринять попытку объяснить происходящее в терминах сдающей позиции парадигмы Модерна. Индивидуальности распадаются на множество «дивидуальностей», которые каждый раз собираются заново в новые *digital bodies*, сохраняя связь со своими прародителями разве что на минимальном уровне, т.е. на уровне генома. Потому проект *homo mobilis* представляет собой совершенно новую антропологию, к исследованию которой необходимо подходить уже с революционным методологическим аппаратом, примером чего может стать как раз рассмотрение человека как составляющей «мобильных систем».

Любопытно, что эта парадоксальная антропологическая множественность, из которой сочленяется новый конструктор человека в постмодерне, имеет серьёзную социально-политическую импликацию, по крайней мере на уровне теоретической рефлексии. Речь идёт, прежде всего, о работах знаменитых теоретиков «Дивного нового мира» М. Хардта и А. Негри, которые дополнили тезаурус постмодернистского дискурса своими нестандартными концептами *Империя* и *множество* (Негри, Хардт, 2004, 2006). Важно заметить, что оба концепта имеют антропологическую природу, тем самым подчёркивая первостепенность именно этого раздела для становления постмодернистской повестки в целом, несмотря на то, что сам по себе термин «империя» давно имеет ряд вполне определённых смысловых коннотаций внутри предшествующих парадигм. *Империя* Хардта и Негри может показаться весьма загадочным явлением, поскольку она мыслится уже не как некая колониальная супер-территориальная держава, но представляет собой тот самый *метанарратив* предшествующих парадигм, имеющий при этом политическое измерение. На практике оно выражается в монополии на ядерное оружие, контроле за мировыми СМИ и печати денег, то есть имеет преимущественно регулирующие функции (Негри, Хардт, 2004, с. 319–323). Однако следует помнить, что *Империя* не сводится к глобальной политической диктатуре, которая будто является надстройкой над современным обществом. *Империя* – это вообще не инстанция, это самовоспроизводящаяся структура, тотальная в своих претензиях на имманентизацию мира, жёсткая, вездесущая, навязывающая свой порядок на всех уровнях бытия современного человека.

Примечательно, что первым таким уровнем, на котором Негри и Хардт призывают человечество «дать отпор» насильственному порядку *Империи* является не политический уровень, не экономический и даже не социальный, но уровень *человеческого тела*, получивший название «антропологического исхода» (*anthropological exodus*) (Негри, Хардт, 2006, с. 4–6). Будучи частью глобальной мобильной системы, «исход» подразумевает не только очередное «великое переселение народов», в ходе которого жертвы политики *Империи* приходят в броуновское движение, преодолевая территориальные, расовые и гендерные границы, установленные *Имперской* властью, тем самым подрывая

основы её бытия в своего рода партизанской войне. *Anthropological exodus* – это всегда процесс формирования новой «субъектности», фрагменты которой связаны с *hardware* (электронные и механические составляющие компьютеров и сетей, серверов, облачных хранилищ больших данных), *software* (программное обеспечение, интерфейс «человек-компьютер», искусственный интеллект), «присутствием» в виртуальной реальности «двойника», способного на активные, мобильные революционные действия против Империи (фигура «интернет-хакера») (Хардт, Негри, 2004, 2006).

«Антропологический исход» вовлекает в мобильные процессы само физическое тело, поскольку дать отпор маниакальной политике *Империи* имманентизации мира через его подчинение можно и на буквально телесном уровне, через множественные «мутации телесности», начиная от татуировок, пирсинга и причёсок в стиле *punk*, и заканчивая сращиванием человеческого тела с другими биологическими видами и элементами машин. Картина не была бы завершённой, если бы аналогичной мутации не подверглось бы знаменитое *cogito ergo sum* – главный проводник голоса *Империи*, инструмент трансляции её установок. Наркотические практики, уход в виртуальную реальность и другие методы, «расцепляющие» индивидуальное сознание и превращающие его во множественные, часто сменяющие друг друга «дивидуальности», являются оружием «революционного подполья», поскольку в постмодернистской парадигме покинуть пространство *Империи*, стать недостижимым для её воздействия является первым шагом к победе (Хардт, Негри, 2004, 2006).

Таким образом, *homo mobilis* следует воспринимать как человека, «пришедшего в движение» (*person on the move*) (Cresswell, 2011) с помощью доступного для его уровня развития технологических подручных средств. В настоящем исследовании под *homo mobilis* понимается вполне конкретный антропологический тип, рождаемый в транзите от модернистской парадигмы к постмодернистской. Он является неотъемлемым элементом «мобильной системы», а не самостоятельным субъектом, действующим по своей воле, потому может быть «схвачен» только в совокупности с другими её элементами. При поверхностном рассмотрении внешних проявлений может показаться, что ипостась *homo mobilis* в данном прочтении – предмет причудливой игры воображения. Однако заданный парадигмальный подход в совокупности с использованием научного багажа «школы мобильностей» наглядно демонстрирует, на наш взгляд, что за формированием этой новой модели антропологии стоят вполне онтологически нагруженные аргументы.

Заключение

Итак, проведенный нами парадигмальный анализ показал, что за кризисом гуманизма, с которым мы явственно сталкиваемся в современном мире, стоит фундаментальное разочарование в способностях *метанарратива Модерна* вести принципиальную смысловую борьбу за освобождение *homo individualis* от гнёта различных коллективных идентичностей. Данное разочарование привело к тому, что на смену уже устаревшим большим *нарративам* был призван прийти новый, который может стать источником немалой опасности для выживания человека как вида, поскольку собирается завершить начатое предшественниками дело

по развоплощению коллективных идентичностей в поисках своеобразного неделимого ядра.

Новый антропологический проект получил название *homo dividualis*, и его актуальная повестка заключается преимущественно в атаке на гендерную коллективную идентичность как «порабощающую» человека инстанцию, т. е. ему свойственно привести современного человека к убеждённости в том, что гендер является предметом «свободного выбора», а не некой предписанной данностью. Искомая опциональность гендера должна поддерживаться в практиках смены пола, что осуществляются как в рамках хирургических операций, так и за счёт смены моделей социального позиционирования, при этом множественность и повторяемость данных практик полностью отвечает запросам ризоматической структуры, по образу и подобию которой строится постмодернистская парадигма.

Вторая модель антропологического проекта постмодерна имеет название *homo mobilis*, её построение стало возможным благодаря использованию дополнительной оптики нашего исследования – сложносочинённого феномена «мобильных систем». Этот взгляд существенно дополнил картину антропологии будущего, поскольку помог нам преодолеть ограничения привязки к «субъекту», чем чревато любое антропологическое исследование. В условиях транзита к постмодерну «субъектность» просто размывается, поэтому новая ризоматическая антропология исчисляется уже в смешанных категориях мобильности, её инфраструктуры и множественных процессов. Главной актуальной повесткой проекта *homo mobilis* является «антропологический исход», понимаемый как сопротивление плану *Империи* через изменение собственного тела (биомеханоид, человек-киборг) и уход в виртуальную реальность, развоплощение *homo individualis* на множественные дубликаты и тени, существующие в пространстве сети Интернет.

Список литературы

1. Адорно, Т. (1996). *Негативная диалектика*. М.: Научный мир.
2. Аттали, Ж. (1993). *На пороге нового тысячелетия*. М.: Международные отношения.
3. Бауман, З. (2008). *Текущая современность*. СПб.: Питер.
4. Волков, В.Н. (2015). Постмодерн: недоверие к метанарративам. *Культурное наследие России*, 2, 3–11. Взято 1 октября 2020, с <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodern-nedoverie-k-metanarrativam>
5. Делёз, Ж., Гваттари, Ф. (2010). *Тысяча плато: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория, М.: Астрель.
6. Дугин, А.Г. (2009). *Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли*. М.: Евразийское движение.
7. Кондрашов, П. (2019). *Философия Карла Маркса. Экзистенциально-антропологические аспекты*. М.: ЛЕНАНД.
8. Лиотар, Ф. (1998). *Состояние постмодерна*. М., СПб.: Алетейя.
9. Моисеенко, Я.Ю. (2016). Феноменология мобильности: методологический аспект. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2(23), 34–42.
10. Моисеенко, Я.Ю. (2019). Мобильный поворот в современной

политической философии: методологические горизонты. В О. Ф. Русакова (Ред.), *Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: Сборник научных трудов по итогам Первой Всероссийской научно-практической молодежной конференции* (с. 104–122). Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи». doi: 10.17506/articles.mobility.2018.104122

11. Негри, А., Хардт, М. (2004). *Империя*. М.: Праксис.
12. Негри, А., Хардт, М. (2006). *Множество: война и демократия в эпоху империи*. М.: Культурная революция.
13. Урри, Дж. (2012). *Мобильности*. М.: Праксис.
14. Фуко, М. (2004). *История удовольствий. История сексуальности* (Т. 2). М.: Академический проект.
15. Фукуяма, Ф. (2007). *Великий разрыв*. М.: АСТ.
16. Фукуяма, Ф. (2008). *Конец истории. Последний человек*. М.: АСТ.
17. Харауэй, Д. (2017). *Манифест киборгов. Наука, технология и социалистический феминизм 1980-х*. М.: Ad Marginem.
18. Cresswell, T. (2011). *On the Move: Mobility in the Modern Western World*. Routledge: Taylor & Francis Group.
19. Kaufmann, V. (2002). *Re-thinking Mobility: Contemporary Sociology*. Aldershot: Ashgate publishing.
20. Olsthoorn, J. (2020). Leviathan Inc.: Hobbes on the nature and person of the state. *History of European Ideas*. doi: 10.1080/01916599.2020.1779466
21. Schwab, K. (2017). *The Fourth Industrial Revolution*. NY: Crown business.
22. Sheller, M., & Urry, J. (2006). The New Mobilities Paradigm. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 38(2), 207–226. doi: 10.1068/a37268
23. Urry, J. (2000). *Sociology beyond the society: Mobilities for the 21-st century*. London & New York: Routledge.

References

1. Adorno, T. (1996). *Negativnaya dialektika* [Negative dialectics]. М.: Nauchnyj mir.
2. Attali, Zh. (1993). *Na poroge novogo tysyacheletiya* [On the threshold of a new millennium]. М.: Mezhdunarodnye ontosheniya.
3. Bauman, Z. (2008). *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. SPb.: Piter.
4. Cresswell, T. (2011). *On the Move: Mobility in the Modern Western World*. Routledge: Taylor & Francis Group.
5. Delyoz, Zh., & Gvattari, F. (2010). *Tsyacha plato: kapitalizm i shizofreniya* [A thousand plateaus: capitalism and schizophrenia]. Ekaterinburg: U-Faktoriya, М.: Astrel'.
6. Dugin, A.G. (2009). *Postfilosofiya. Tri paradigmy v istorii mysli* [Postphilosophy. Three paradigms in the history of thought]. М.: Evrazijskoe dvizhenie.
7. Фуко, М. (2004). *Istoriya udovol'stvij. Istoriya seksual'nosti* [History of pleasure. History of sexuality] (Vol. 2). М.: Akademicheskij projekt.
8. Fukuyama, F. (2007). *Velikij razryv* [The Great Disruption]. М.: АСТ.
9. Fukuyama, F. (2008). *Konec istorii i poslednij chelovek* [The end of history]

and the last man]. M.: AST.

10. Haraue'j, D. (2017). *Manifest kiborgov. Nauka, tehnologiya i socialisticheskiy feminizm 1980-h* [A cyborg manifesto. Science, technology and socialist feminism in the late twentieth century]. M.: Ad Marginem.

11. Kaufmann, V. (2002). *Re-thinking Mobility: Contemporary Sociology*. Aldershot: Ashgate publishing.

12. Kondrashov, P. (2019). *Filosofiya Karla Marksa. E'kzistencial'no-antropologicheskie aspekty* [Existential and anthropological aspects of Karl Marx's philosophy] M.: LENAND.

13. Liotar, F. (1998). *Sostoyanie postmoderna* [The postmodern condition]. M., SPb.: Aletejya.

14. Moiseenko, Ya. Yu. (2016). Fenomenologiya mobil'nosti: metodologicheskij aspekt [The phenomenology of mobility: methodological aspect]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 2(23), 34–42.

15. Moiseenko, Ya. Yu. (2019). Mobil'nyj povорот v sovremennoj politicheskoy filosofii: metodologicheskie gorizonty [Mobility turn in modern political philosophy: new methodological horizons]. In O.F. Rusakova (Ed.), *Mobility as a Soft Power Dimension: Theory, Practice, Discourse: Proceedings of the First All-Russian Scientific and Practical Youth Conference* (pp. 104–122). Ekaterinburg: Publishing House "Discourse-P". doi: 10.17506/articles.mobility.2018.104122

16. Negri, A., & Hardt, M. (2004). *Imperiya* [Empire]. M.: Praxis.

17. Negri, A., & Hardt, M. (2006). *Mnozhestvo: vojna i demokratiya v e'pohu imperii* [Multitude: war and democracy in the age of empire]. M.: Kul'turnaya revolyuciya.

18. Olsthoorn, J. (2020). Leviathan Inc.: Hobbes on the nature and person of the state. *History of European Ideas*. doi: 10.1080/01916599.2020.1779466

19. Schwab, K. (2017). *The Fourth Industrial Revolution*. NY: Crown business.

20. Sheller, M., & Urry, J. (2006). The New Mobilities Paradigm. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 38(2), 207–226. doi: 10.1068/a37268

21. Urri, Dzh. (2012). *Mobil'nosti* [Mobilities]. M.: Praxis.

22. Urry, J. (2000). *Sociology beyond the society: Mobilities for the 21-st century*. London & New York: Routledge.

23. Volkov, V.N. (2015). Postmodern: nedoverie k metanarrativam [Postmodernity: distrust by metanarratives]. *Kul'turnoe nasledie Rossii*, 2, 3–11. Retrieved October 1, 2020, from <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodern-nedoverie-k-metanarrativam>

ГРАЖДАНСКИЙ ВЕКТОР НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ*

Бахлова Ольга Владимировна,

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения, доктор политических наук, доцент, Саранск, Россия, ORCID: 0000-0002-3849-8321, E-mail: olga.bahlova@mail.ru

Бахлов Игорь Владимирович,

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения, доктор политических наук, доцент, Саранск, Россия, ORCID: 0000-0001-6886-5762, E-mail: bahlov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.06.2020, принята к публикации 10.10.2020

Для цитирования: Бахлова О.В., Бахлов И.В. Гражданский вектор нациестроительства в современной России: фактор общественных движений // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4 (41). С. 168–185. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10411

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Пространственное развитие России как фактор нациестроительства и формирования национальной идеи» № 18–011–00364 А.

© Бахлова О.В., Бахлов И.В., 2020

Аннотация

В статье исследуется потенциал общественных движений России как участников процесса нациестроительства, с акцентом на обозначении перспектив усиления его гражданского вектора. В данном проблемном поле выделяются два главных блока, раскрываемых с опорой на дискурс- и ивент-анализ. Изучение дискурсивных практик движений, выбранных с учетом определенных критериев, ориентировано на выявление ключевых образов в целевых и ценностных ориентациях, фиксирующихся в совокупности программных текстов, сопрягаемых с основными проблемными аспектами нациестроительства на современном этапе. Второй узловой компонент – событийный, позволяющий оценить достижения рассматриваемых движений в этой плоскости, а также специфику их статусно-ролевых характеристик. Проведенное исследование показало заметное присутствие в анализируемых дискурсивных практиках смысловых структур, имеющих преимущественно консервативную суть, что в большей мере коррелируется с традиционными политическими механизмами и лейтмотивом официального дискурса. Однако наличествует и критическая составляющая, переходящая из латентного состояния в более явное, причем особенности идеологической спецификации некоторых движений не препятствуют восприятию важных консервативных установок, зачастую интерпретированных в историческом контексте. Она, с одной стороны, выражает некие протестные настроения и попытки выдвинуть альтернативную позицию по отношению к мейнстриму власти, но, с другой, содержит деструктивные начала и аккумулирует негативные образы, что, в противоположность заявляемым приоритетам, не способствует общественной консолидации. Тем не менее и такая стратегия позиционирования может усилить актуализацию намерений власти в большей мере учитывать общественные потребности и корректировать собственную повестку и действия путем позитивных обращений, в том числе поддерживая социальную активность в разных воплощениях. Гражданский вектор нациестроительства формируется благодаря усилиям множества участников внутрироссийского политического пространства. На данный момент пока это скорее формальное множество, но положительные результаты конкретной деятельности очевидны. За общественными движениями мы признаем роль, прежде всего, агентов, но пока и в среднесрочной перспективе – не субъектов: как нациестроительства, так и других процессов общегосударственного уровня.

Ключевые слова:

нациестроительство, национальная идея, общественные движения, общероссийская гражданская идентичность, патриотизм.

CIVIL VECTOR OF NATION-BUILDING IN MODERN RUSSIA: FACTOR OF SOCIAL MOVEMENTS

Olga V. Bakhlova,

National Research Ogarev Mordovia State University,
Professor of the Department of General history, political science and area studies,
Doctor of Political Science, Associate Professor,
Saransk, Russia,
ORCID: 0000-0002-3849-8321,
E-mail: olga.bahlova@mail.ru

Igor V. Bakhlov,

National Research Ogarev Mordovia State University,
Head of the Department of General history, political science and area studies,
Doctor of Political Science, Associate Professor,
Saransk, Russia,
ORCID: 0000-0001-6886-5762,
E-mail: bahlov@mail.ru

Article received on June 28, 2020, accepted on October 10, 2020

To cite this article: Bakhlova, O.V., & Bakhlov, I.V. (2020). Grazhdanskij vektor naciestroitel'stva v sovremennoj Rossii: faktor obshchestvennyh dvizhenij [Civil vector of nation-building in modern Russia: factor of social movements]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 4(41), 168-185. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10411

Abstract

The article examines the potential of social movements in Russia as participants in the process of nation-building, with an emphasis on identifying the prospects for strengthening its civil vector. In this problem field, there are two main blocks that are disclosed based on discourse and event analysis. The study of discursive practices of movements selected with consideration of certain criteria is focused on identifying key images in target and value orientations that are fixed in a set of program texts, interfaced with the main problematic aspects of nation-building at the present stage. The second nodal component is the event component, which allows us to evaluate the achievements of the considered movements in this plane, as well as the specifics of their status and role characteristics. The conducted research has shown a noticeable presence in the analyzed discursive practices of semantic structures that have a predominantly conservative essence, which is more correlated with traditional political mechanisms and the leitmotif of official dis-

course. However, there is also a critical component that passes from a latent state to a more explicit one, and the peculiarities of the ideological specification of some movements do not prevent the perception of important conservative attitudes, often interpreted in a historical context. It, on the one hand, expresses certain protest moods and attempts to put forward an alternative position in relation to the mainstream government, but, on the other, it contains destructive principles and accumulates negative images, which, in contrast to the stated priorities, does not contribute to social consolidation. However, such a positioning strategy can also increase the actualization of the authorities' intentions to take more account of public needs and adjust their own agenda and actions through positive increments, including supporting social activity in different incarnations. The civil vector of nation-building is formed thanks to the efforts of many participants in the internal Russian political space. At the moment, this is more of a formal set, but the positive results of specific activities are obvious. We recognize the role of social movements primarily as agents, but for now and in the medium term – not as subjects: both nation-building and other processes at the national level.

Keywords:

nation-building, national idea, social movements, all-Russian civil identity, patriotism.

Введение

Итогом процесса нациестроительства в России в современном официальном дискурсе мыслится складывание российской нации на базе общегражданской идентичности. Но он традиционно опирался на механизмы, акцентируемые в рамках конструктивистской и политологической моделей, т.е. на «верхушечные», ассоциируемые с иницилирующей ролью государства, политических лидеров, элитных групп, иных привилегированных субъектов. Опыт нашей страны в значительной степени подтверждает правомерность подобной интерпретации. С государством, обеспечивающим политическую стабильность, нередко увязывается «собрание» народов и наций, само их бытие и воспроизводство (Кара-Мурза, Куропаткина, 2014, с. 104–105). Попытки демократизации нациестроительства в русле рассредоточения усилий по достижению солидарности, сплочения населения вокруг общих ценностей, принимаемых различными социальными группами, оказались пока не столь успешными и натолкнулись на несовершенство, неразвитость институтов гражданского общества, стереотипы политической культуры, последствия стремительной постсоветской деидеологизации, социальной дифференциации, позже – наложились на кризис либеральной демократии. Между тем текущие вызовы, во многом имеющие трансграничное происхождение, определяют новые горизонты социальной активности. Несмотря на преимущественно глобальные масштабы создаваемых ими рисков, нарастание социальной активности сейчас зримо наблюдается на внутригосударственном пространстве, хотя и выходит за его пределы. Неслучайно акцентируются модификация идеологии глобализации, соотношение в ее рамках либерализма, космополитизма, коммунитаризма

и этатизма (см. de Wilde, 2019). Не в последнюю очередь это обусловлено фактической делегитимацией международных структур, не проявивших должной сознательности в сложных условиях, что подтверждается цепочкой международных кризисов и внутренних интернационализированных конфликтов, «цветных революций», событиями пандемии 2020. Очевидно, что и власти далеко не всех стран, столкнувшихся с подобными вызовами, эффективно справились с ситуацией; зачастую и сами такие вызовы торпедировались внутренним недовольством собственно властью, что, как минимум, использовалось внешними игроками в своих интересах. Следовательно, возрастает потребность в дееспособных механизмах, могущих дополнять предпринимаемые на «верхушечном» уровне усилия. В этом смысле сошлемся на представление о широком составе гражданского общества (см. Кореську, Mudde, 2003). Однако в современной ситуации следует размышлять не только о контексте демократических трансформаций, но и о динамике вызовов и угроз в новой социально-политической реальности «постправды» с использованием интернет-среды в политической борьбе (Рогачёв, Виловатых, 2020, с. 96, 98). Вместе с тем интерпретации дискурса безопасности могут быть различными, что порождает самые разнообразные реакции, выплескивающиеся в том числе в возникновение и деятельность социальных движений (см. Ogawa, 2018).

В плоскости нациестроительства с социально-политической точки зрения особое значение имеют общественные движения как одна из организационно-правовых форм общественных объединений в Российской Федерации. В чем мы усматриваем их возможности и преимущества в данном ракурсе? Хотя общественные движения не столь влиятельны на политическом поле властных отношений и не борются непосредственно за власть, они оказывают определенное воздействие на нее, охватывают широкие слои населения, отличаются массовым характером, не так «заорганизованы». Согласимся с утверждением, что «общественные движения быстрее других адаптируются к социальным условиям, аккумулируют новые идеи, приспособляются к новым правилам» (Скобелина, 2015, с. 49). Им не присущ феномен «вождизма», что освобождает участников от чрезмерных обязательств лояльности и общественное объединение в целом от необходимости выстраивать стратегию и тактику своего поведения вокруг конкретной личности, тратить лишние ресурсы на поддержание ее популярности. Однако и зарубежные, и отечественные политические практики свидетельствуют о том, что общественные движения все-таки связывают свою судьбу с тем или иным политическим лидером¹.

В сознании граждан общественные движения более отождествляются с инициативами «снизу», в отличие от партий, что может гарантировать им дополнительные симпатии, и в смысловом отношении во многом олицетворяют воплощение социальной активности в разных сферах и на разных уровнях – от местного до общероссийского. К тому же они (наряду с общественными организациями) наделены правом участия в выборах в качестве избирательных объединений в соответствии с Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»

¹ Самый яркий пример в России – это Общероссийское общественное движение Народный фронт «За Россию» («Общенародный Фронт», ОНФ).

от 12.06.2002 № 67-ФЗ (Об основных гарантиях ..., 2002). Сказанное позволяет понимать общественные движения как важных агентов процесса нациестроительства, усиливающих его гражданский вектор, существенно дополняющий до сих пор превалирующий государственноцентричный блок. В то же время их статусно-ролевые характеристики не следует преувеличивать – как в целом, так и в изучаемом ракурсе; их ограничителями выступают сложившиеся институциональные и прочие условия. Так, в российском теоретическом дискурсе распространено мнение о пассивности гражданской позиции россиян, их конформизме, о несформированности гражданского общества, сохранении традиций авторитарного прошлого (Килимова, 2018, с. 245; Юдина и др., 2020, с. 45). С другой стороны, отмечаются позитивные подвижки в этой области: появление многообразных форм самоорганизации и политического участия (Петухов, Петухов, 2015, с. 46); «вызревание» и готовность акторов и институтов гражданского общества к социальной активности и инициированию перемен в российском обществе (Соколов, Палагичева, 2016, с. 88–89), «растущая активность местных сообществ», обсуждение актуальных вопросов по развитию гражданского общества в социальных сетях и др. (Глушкова, Мартынов, 2019, с. 74–75). Солидаризируемся с позициями М.А. Молоковой (2018), аргументирующей взаимодополняемость государства и гражданского общества, их соединение рядом структурных связей (с. 290), а также В.Н. Якимца и Л.И. Никовской (2018), обосновывающих актуальность механизмов межсекторного социального партнерства в системе общественно-государственного управления (с. 20–21). И.Н. Сиземская (2018) акцентирует включенность граждан в публичное пространство через деятельность многочисленных союзов и объединений (с. 253–254).

Непосредственно общественные движения довольно часто становятся предметом исследовательского интереса российских авторов, причем в рамках обширного проблемного поля: например, изучения гибридной сетевой гражданской активности (Фролов, 2016); гармонизации интересов в публичной политике (Кузнецов, Кулакова, 2015); идеологии консолидации общества (Дугин, 2017), что весьма близко по своему смыслу направленности нациестроительства. Однако в фокусе внимания по большей степени – Общероссийское общественное движение Народный фронт «За Россию» (Анисимов, Нолев, 2019), а также молодежные (Давыдов, Коряковцева, 2014), в том числе провластные (Мосоликов, 2013), и добровольческое (волонтерское) движения (Зайцева, 2020; Косыгина, 2019).

Цель данной статьи заключается в определении потенциала общественных движений России как участников процесса нациестроительства. Она раскрывается в следующих задачах: выявлении наиболее заметных в рассматриваемом измерении общественных движений; характеристике их трактовки ключевых слагаемых нациестроительства, в том числе содержания национальной идеи России и структуры российской идентичности; объективации степени их социальной активности в различных мероприятиях, коррелирующихся с повесткой нациестроительства.

Подбор общественных движений и анализ их повестки и деятельности осуществлялись с учетом нескольких параметров: во-первых, соответствия требованиям Федерального закона «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ (Об общественных объединениях ..., 1995) и Федерального закона № 67-ФЗ, что расширяет для них пространство политического участия;

во-вторых, представленности в интернет-пространстве, а именно – наличия у них официального сайта, сообществ в социальных сетях, их наполненности информацией о целях, задачах и направлениях деятельности, степени и своевременности реагирования на актуальные события; в-третьих, способа моделирования политической позиции и специфики видения настоящего и будущего страны и общества в системе их нормативно-ценностной конфигурации. Притом следует исходить из сложности последней, сочетающей «великодержавные идеи, религиозные постулаты с мещанскими, буржуазными» (Дугин, 2017, с. 106) и иными ценностями. Данные критерии позволили сконцентрироваться на таких общероссийских общественных движениях (далее – ООД), как «Всероссийское социалистическое народное движение «Отчизна» (далее – ВСНД «Отчизна»), «За сбережение народа», «Национально-патриотические силы Российской Федерации» (далее – НПСР), «Россия Православная». Оговоримся, что подобная выборка не умаляет роли других общественных движений².

Цель и задачи исследования обусловили главенство следующих методов.

Во-первых, традиционного и дискурс-анализа содержания документов, а именно – письменных текстов программного характера, размещенных на официальных сайтах/в группах общественных движений (программ, уставов, деклараций, заявлений и т. п.). Объектом анализа являлась их повестка в ракурсе национал-патриотического движения, единицей анализа – проблемные категории и подкатегории, дающие представление о формируемых образах:

1. Ценностные основания программной позиции и национальной идеи России:

- 1А) политико-идеологические основания;
- 1Б) духовные, традиционные ценности.
2. Патриотизм как национальная идея России, его оценка:
 - 2А) восприятие:
 - 2А1 – позитивное;
 - 2А2 – негативное;
 - 2А3 – нейтральное (не выражено);
 - 2Б) доминирующие элементы понятия «патриотизм»:
 - 2Б1 – любовь к Отечеству;
 - 2Б2 – ответственное отношение к своим обязанностям, «служение»;
 - 2Б3 – иное.
 - 2В) оценка роли власти, элиты в пропаганде патриотизма:
 - 2В1 – позитивная;
 - 2В2 – негативная;
 - 2В3 – нейтральная (не выражена).
3. Факторы единства российской нации:
 - 3А) этническое и религиозное согласие;
 - 3Б) социальная солидарность;
 - 3В) устранение меж- и внутрирегиональных диспропорций, развитие регионов/территорий;
 - 3Г) повышение качества и уровня жизни населения.

² Например, «Юнармии», «Сотворчества народов во имя жизни» (Сенежского форума) и др.

4. Структура идентичности, превальвация:
 - 4А1 – общероссийская гражданская;
 - 4А2 – этническая;
 - 4А3 – религиозная;
 - 4А4 – территориальная
 - 4А5 – не выражена.
5. Характер отношений внутри государства и общества:
 - 5А) между государством и обществом/населением:
 - 5А1 – партнерский;
 - 5А2 – патронатно-клиентский;
 - 5А3 – дискриминационный (со стороны государства);
 - 5А4 – конфронтационный.
 - 5Б) между социальными, этническими, иными группами населения:
 - 5Б1 – солидарный;
 - 5Б2 – сочетание разобщенности и единства;
 - 5Б3 – конфликтный.

Во-вторых, ивент-анализа – анализа событийных данных о совокупности мероприятий и инициатив общественных движений в плоскости нациестроительства. Его важнейшие элементы:

- субъект-инициатор: кто выступил инициатором события;
- субъект-адресат замысла, посылка события: на кого направлено воздействие (молодежь, избиратели и пр.);
- дата события;
- содержание события, его сюжет: какие темы, вопросы акцентировались в рамках события.

Хронологические рамки ивент-анализа – 2019 г. – 1-я половина 2020 г. Они были выбраны ввиду сочетания разнонаправленных социально-политических тенденций и характеристик: стабилизации правящей элиты после прошедших накануне президентских выборов и одновременно частичной ротации ее состава, а также всплесков общественного недовольства проведенными непопулярными реформами; в качестве общих, эпохальных событий периода выделим 75-летний юбилей Великой Победы как позитивное событие и пандемию коронавируса – как негативное.

В-третьих, сравнительного метода, предполагавшего установление сходства и различий в повестке, способах позиционирования, достижениях/результатах изучаемых движений в ракурсе нациестроительства.

Соответственно, основными материалами исследования служили внутренние источники, возникающие в контексте создания и функционирования общественных движений. Ключевые результаты исследования отражены в нескольких таблицах.

Результаты исследования

Анализ содержания программных текстов общественных движений России выявил относительную востребованность в них образов-установок, коррелирующих с сущностью понятия «нациестроительство», производных и родственных сочетаний и выражений (таблица 1).

Таблица 1 – Программный блок дискурсивных практик общественных движений в плоскости нациестроительства³

Общественное движение	Программный текст	Параметры анализа	
		Категории	Подкатегории
ВСНД «Отчизна»	Программа, принята учредительным съездом 3 августа 2006 г., редакция от 29 сентября 2010 г.	1	1А)+1Б) творческое использование теории социализма, понятий социальной справедливости, коллективизма и общности, являющихся для российского народа неотъемлемой частью истории, характера и национальной идеи
		2	2А1 необходимость патриотично ориентированной национальной элиты, пропаганды идей патриотизма, объединения усилий патриотически настроенных средств массовой информации
		3	комплекс факторов 3А)+3Б)+3В)+3Г) укрепление межнациональных и межконфессиональных отношений; высокие качество и уровень жизни граждан, сближение уровней экономического и социального развития регионов...
		4	4А1
		5	предпочтение в идеале отдано типам отношений 5А1 и 5Б1; на практике усматривается складывание отношений 5А4 и 5Б2
За сбережение народа	Устав, утвержден решением Учредительной конференции 23 марта 2009 г., изменен решением Конференции делегатов региональных отделений 1 декабря 2012 г.	1	1Б) духовно-нравственное развитие народа; укрепление института семьи
		2	2А1 патриотическое воспитание населения; 2В3
		3	3Г содействие развитию, законодательному обеспечению и реализации стандартов качества жизни россиян
		4	4А1

³ Таблицы составлены на основании анализа источников, взятых с официальных сайтов и групп общественных движений: Всероссийское социалистическое народное движение «Отчизна»: офиц. сайт (<http://otchizna.su>); За сбережение народа: офиц. сайт (<https://zasn.ru/events>), группа ВКонтакте (<https://vk.com/sberegi>), группа в «Одноклассниках» (<https://ok.ru/zasberez>); Национально-патриотические силы Российской Федерации: офиц. сайт (<https://npsr.online>), группа ВКонтакте (<https://vk.com/npsr>); Россия Православная: офиц. сайт (<http://www.rosprav.ru>).

Общественное движение	Программный текст	Параметры анализа	
		Категории	Подкатегории
		5	5А1+5Б1 содействие деятельности государственных органов власти, органов местного самоуправления, общественных организаций, духовенства, направленной на достижение целей Движения
НПСР	Устав, утвержден Общим собранием учредителей 14 апреля 2018 г.	1	1Б) опора на традиционные национальные духовно-нравственные ценности: совесть и справедливость; духовное выше материального; общее выше личного; справедливость выше закона; служение выше владения
		2	2А1 консолидация в единую объединяющую силу русского и других коренных народов России, разделяющих национально-патриотические идеи...
		3	комплекс факторов 3А)+3Б)+3В)+3Г) усиление и улучшение межэтнических отношений внутри страны; продвижение идеи солидарного общества...; повышение качества жизни и создание условий на принципах социальной справедливости...; способствование развитию и совершенствованию местного самоуправления, региональных и федеральных органов власти...
		4	4А2
		5	предпочтение в идеале отдано типу отношений 5А1; на практике усматривается складывание отношений подкатегории 5А3
Россия Православная	Устав, утвержден Учредительной конференцией 10 февраля 1997 г., с изменениями и дополнениями 4 декабря 2017 г.	1	1Б) формирование общественного сознания на основе духовных, православных и исторических традиций России, христианской культуры, морали и нравственности
		2	2А1, 2Б1+2Б2 содействие Вооруженным Силам, правоохранительным органам России в воспитании защитников Отечества в духе патриотизма, верности славным боевым и историческим традициям российского государства в порядке и в соответствии с действующим законодательством; воспитание в людях преданности, верности, мужества, жертвенного служения России; 2В3

Общественное движение	Программный текст	Параметры анализа	
		Категории	Подкатегории
		3	3А+3Б развитие добрососедских отношений с иноверными и инославными гражданами РФ; содействие органам государственной власти и местного самоуправления в защите интересов социально уязвимых слоев населения
		4	4А2+4А3 всесторонняя поддержка русского народа, как носителя православного духа и основы славянского единства...
		5	5А1, 5Б1

В то же время указанные программные тексты предполагают характеристику основных целей и задач движений и, следовательно, зачастую не коррелируются напрямую с проблематикой нациестроительства. Однако во многих иных документах подобного плана информация в интересующем нас ракурсе излагается более детально. Отметим инициативу НПСР по созданию Толкового словаря, в котором дается своеобразная трактовка многих понятий, сопрягающихся с нациестроительством: так, русский народ в нем определяется как государствообразующий. Одно из центральных понятий словаря – «Единение» – «русского народа для возрождения русского народоправия (народовластия)», на нравственной основе русского народа: жизнелюбии, народолюбии (национализма) и отчизнолюбии (патриотизма).

То есть в повестке ООД количество и содержание подкатегорий не исчерпываются названными в таблице 1; например, применительно к НПСР следует обозначить подкатегории 1А), 2Б1, 4А3; во многих материалах, размещенных на сайте ООД и в группе ВКонтакте, артикулируется резко критическая составляющая в отношении власти (скорее подкатегория 5А4); более зримо прослеживается подкатегория 4А2 – акцентирование национального («русского») вопроса. Заметны параллели с позицией «Отчизны», в Программе которой русские также называются государствообразующим народом с особой ответственностью за сохранение гражданского мира и судьбу российской государственности. На официальном сайте ООД «Россия Православная» упоминается о гражданских идеалах движения, говорится о всеобъемлющем духовном патриотизме, проникнутом любовью к земному Отечеству и ко всем его народам, безотносительно их традиционных вероисповеданий, что говорит в пользу подкатегории 4А1. Примечателен девиз ООД «За сбережение народа» – «Вместе – нас много, вместе – мы сила, вместе мы можем все». В его программных целях и задачах не дается четкой трактовки национальной идеи, идентичности и прочих компонентов проблематики нациестроительства, но в провозглашаемой Миссии в качестве насущных общественных нужд отмечаются восстановление народных святынь и памятников культуры, сохранение и восстановление памяти о соотечественниках, павших за Родину,

объединение вокруг любви к родной России, готовности соотносить результаты своей деятельности с общественным интересом, что свидетельствует о более заметном месте по сравнению с Уставом в его общей программатике подкатегорий 2А), 2Б1 и 2Б3.

Анализ программного (ценностно-целевого) блока дополнило исследование блока деятельностного (событийного). Событийный ряд, освещаемый на официальных сайтах/в группах ООД, можно признать довольно насыщенным и многоаспектным. При этом в его рамках обнаружены, с одной стороны, значительное совпадение сюжетов, с другой – объяснимые спецификой программных установок и социально-политической ориентированности движений расхождения. Общие и особенные характеристики обобщены в таблицах 2 и 3.

Таблица 2 – Общность сюжетов в дискурсивных практиках ООД в плоскости нациестроительства

Сюжет (общее)	Общественные движения
Историческая память: тема Великой Отечественной войны (участие в общероссийских проектах «Бессмертный полк», «Рощи Победы», «Я помню, я горжусь!», #окнапобеды #лицапобеды и др.); знаменательные и памятные даты в истории России (День защитника Отечества)	ВСНД «Отчизна», За сбережение народа, НПСР, Россия Православная
Ценности, Единение, Социальный диалог: система духовно-нравственного обучения и воспитания; патриотическое воспитание; духовно-нравственные общечеловеческие ценности	ВСНД «Отчизна», За сбережение народа, Россия Православная
Экологическая тема	За сбережение народа, НПСР, Россия Православная
Сохранение и развитие отечественной культуры	ВСНД «Отчизна», Россия Православная
Здоровый образ жизни	За сбережение народа, Россия Православная
Критика власти	ВСНД «Отчизна», НПСР

Общие сюжеты в таблице ранжированы по убыванию совпадений в группе рассматриваемых ООД. Из таблицы 2 ясно, что наибольшая степень сходства сюжетов обнаруживается по теме исторической памяти: за ее сохранение активно выступают практически все ООД; их представители, региональные отделения, партнерские общественные объединения принимают участие в разнообразных акциях и проектах, зачастую поддерживая общероссийские начинания. Показательна консолидация вокруг темы памяти о Великой Отечественной войне, дани памяти и уважения защитникам Отечества. Адресатами инициатив по большей мере являются дети, молодежь, семья, а также российское общество в целом.

Таблица 3 – Расхождения сюжетов в дискурсивных практиках ООД в плоскости нациестроительства

Общественные движения	Расхождения в сюжете (особенное, акцентные темы)
ВСНД «Отчизна»	Критика существующей системы патриотического воспитания и патриотического мейнстрима власти («начальничьего патриотизма»), «ТВ-патриотизма»; позитивно подается тема социалистического Отечества
За сбережение народа	Преобладают демографическая и экологическая темы
НПСР	День международной солидарности трудящихся, протестные мероприятия («Русский общенародный марш» и др.); территориальная целостность России
Россия Православная	800-летие со дня рождения святого благоверного великого князя Александра Невского, 290-летие со дня рождения русского полководца, генералиссимуса А.В. Суворова и др.; традиционные христианские ценности, православные семейные традиции и обычаи

В таблице 3 у некоторых ООД в определенных сюжетах наблюдается явно выраженная расстановка акцентов. Типичны в этом плане ВСНД «Отчизна» и НПСР. Их объединяет критическое отношение ко многим решениям и действиям власти. «Отчизну» отличает большее «погружение» в патриотическую проблематику, НПСР – в протестную, в ее новостной ленте довольно часты призывы к противостоянию власти, нередко приобретающие радикальное словесное воплощение. «Отчизна», впрочем, также не чужда подобного позиционирования.

Рассмотренные ООД занимают различные социально-политические ниши, располагая неравными возможностями воздействия на ситуацию, применяют специфические методы и средства. Их деятельность, как и деятельность иных движений, способна вовлечь людей в политику, но может трактоваться как разновидность «спорной политики» (Tilly, Wood, 2019, pp. 149–163). Если рассуждать об ориентирах и векторах нациестроительства, важен именно созидательный функционал ООД, не деструктивный, их направленность на развитие диалога и укрепление коммуникативного пространства. Здесь важно учитывать перспективу «динамики спроса», как определяет ее Б. Кландерманс: процесс формирования мобилизационного потенциала, когда «обиды и идентичности политизируются, окружающая среда становится благоприятной, а эмоции пробуждаются...» (The Future ..., pp. 3–16). Применительно к российским ООД и более широко – социальным движениям всего мира – остаются открытыми вопросы об уровне ресурсной обеспеченности, способности выйти за пределы «узких вопросов личного интереса» и о готовности к комплексу взаимодействий (см. Hensmans, van Vommel, 2018).

«Россия Православная» и «За сбережение народа» обладают мощной поддержкой РПЦ и власти. «Отчизна» и НПСР, заявляя о себе как об оппозиции, ее лишены. В целом, однако, многие ООД испытывают общую проблему слабой

общественной поддержки, ограниченности функциональности институциональной средой, что подтверждают исследования других авторов (Скобелина, 2015, с. 52). Пожалуй, только «Россия Православная» может в какой-то мере приблизиться к роли заметного участника общероссийских процессов и модели сетевой структуры, которая обычно приписывается ОНФ (Кузнецов, Кулакова, 2015, с. 72–73), но и ей еще далеко до роли эффективного актора публичной политики. Тем не менее, ее деятельность и специфика населения России по конфессиональным параметрам вполне позволяют ей выступать в роли важного агента процесса нациестроительства. В текущих условиях значительно актуализировалась повестка, предлагаемая ООД «За сбережение народа», во многом концентрирующаяся вокруг образа «Жизнь», в том числе волонтерская, поэтому можно предполагать дальнейшее возрастание ее значимости.

Заключение

Обобщая дискурсивные практики общественных движений, пока затруднительно говорить о закреплении за концептом «нациестроительство» манифестирующего статуса. Однако они проявляют ощутимые подтверждения социально-политической объективации и легитимизации его смысловых структур, по преимуществу имеющих консервативную суть. Наиболее конструктивные и непротиворечивые образы в данной плоскости создаются ООД «За сбережение народа» и «Россия Православная», которые довольно активны и в событийном плане, и в развитии коммуникаций с другими общественными объединениями, населением. В то же время эти движения с большой долей уверенности можно отнести к «провластным» образованиям, поэтому их деятельность лишь в определенной степени способна укрепить собственно гражданский вектор нациестроительства. В дискурсивных практиках «Отчизны» и НПСР излишне артикулированы негативные образы, что не соответствует созидательному наполнению нациестроительства, хотя отдельные критические сюжеты, особенно по поводу «начальничьего патриотизма», побуждают, как минимум, к действиям по совершенствованию государственной политики и укреплению тенденции к «национализации» политической элиты, о чем довольно громко заявлено в рамках конституционной реформы.

В целом выявленные образы и подкатегории свидетельствуют о неоднозначности интерпретации общественными движениями национальной идеи России, российской идентичности, инструментария ее формирования, движущих сил нациестроительства и пр. Нельзя утверждать, что безоговорочно первенствует общегражданская превальсация в структуре идентичности; достаточно акцентированы в ней этническая и религиозная составляющие. Территориальный (региональный, местный) уровень, напротив, не выражен, что обусловлено общероссийским статусом всех рассмотренных движений. Вместе с тем в их дискурсивных практиках пространственное измерение так или иначе очерчивается, причем зачастую в широких масштабах. Это присуще в первую очередь «России Православной» и «Отчизне», что вытекает из идейно-идеологической специфики их программных позиций.

Список литературы

1. Анисимов, И.В., Нолев, Е.В. (2019). ОНФ в Республике Бурятия: участие гражданского общества в реализации важнейших направлений государственной политики. *Власть*, 27(6), 167–172. doi: 10.31171/vlast.v27i6.6846
2. Глушкова, С.И., Мартынов, К.Э. (2019). Тенденции развития институтов гражданского общества в России: проблемы и противоречия. *Научный журнал «ДискурсПи»*, 4(37), 61–78. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10404
3. Давыдов, А.В., Коряковцева, О.А. (2014). Молодежные организации и движения в России: история и современность. *PolitBook*, 3, 41–54.
4. Дугин, Е.Я. (2017). Власть идеологии и идеология власти. *Власть*, 25(3), 106–113.
5. Зайцева, И.А. (2020). Волонтерство как актуальное общественное движение современной молодежи. *Человек. Социум. Общество*, 1, 50–53.
6. Кара-Мурза, С.Г., Куропаткина, О.В. (2014). *Нациестроительство в современной России*. М.: Алгоритм: Научный эксперт.
7. Килимова, Л.В. (2018). Социокультурные основания проявления социальной активности в гражданских практиках. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*, 8(4), 244–252.
8. Косыгина, К.Е. (2019). Российское добровольчество: тенденции и характеристики. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 4, 165–174.
9. Кузнецов, Н.В., Кулакова, Т.А. (2015). Гармонизация интересов в российской публичной политике. *Конфликтология*, 4, 70–76.
10. Молокова, М.А. (2018). Гражданское общество и государство: от доминирования к партнерству. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 14(2), 100–111.
11. Мосоликов С.А. (2013). Прокремлевские молодежные объединения: структуры власти или институты гражданского общества? *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*, 1, 63–69.
12. *Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19 мая 1995 года (№ 82-ФЗ) (Россия)*. Взято 15 июня 2020, с http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/
13. *Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12 июня 2002 года (№ 67-ФЗ) (Россия)*. Взято 15 июня 2020, с <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=353266&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.7331267662891543#06222975709824365>
14. Петухов, В.В., Петухов, Р.В. (2015). Демократия участия: институциональный кризис и новые перспективы. *Полис. Политические исследования*, 5, 25–48. doi: 10.17976/jpps/2015.05.04
15. Рогачёв, С.В., Виловатых, А.В. (2020). Социальные движения в эпоху постправды. *Проблемы национальной стратегии*, 1, 90–104.
16. Сиземская, И.Н. (2018). Гражданское общество и государство: векторы социального противостояния и консенсуса. *Вех. Философский журнал*, 25,

253–265.

17. Скобелина, Н.А. (2015). Динамика институционализации общественных движений в современной России. *Социально-гуманитарный вестник Прикаспия*, 1, 49–53.

18. Соколов, А.В., Палагичева, А.В. (2016). Тенденции развития гражданского участия в современной России. *PolitBook*, 3, 85–97.

19. Фролов, А.А. (2016). Гибридная сетевая гражданская активность на примере движения «Стоп Хам», *PolitBook*, 3, 66–84.

20. Юдина, Т.Н., Мазаев, Ю.Н., Бормотова, Т.М., Жуков, П.С. (2020). Состояние и динамика протестной активности в современном российском обществе. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 1, 139–151. doi: 10.17072/2078-7898/2020-1-139-151

21. Якимец, В.Н., Никовская, Л.И. (2018). Механизмы и принципы межсекторного социального партнерства как основа развития общественно-государственного управления. *Власть*, 26(4), 15–25. doi: 10.31171/vlast.v26i4.5757

22. Hensmans, M., & Bommel van, K. (2018). Social Movements. *The International Encyclopedia of Strategic Communication*, 8, 1–12. doi: 10.1002/9781119010722.iesc0163

23. Коpecкy, P., & Mudde, C. (2003). Rethinking Civil Society. *Democratization*, 10(3), 1–14.

24. Ogawa, A. (2018). Security Paradigms and Social Movements. *Asian Journal of Social Science*, 46(6), 725–747. doi: 10.1163/15685314-04606006

25. Stekelenburg van, J., Roggeband, C., & Klandermans, B. (Eds.). (2013). *The Future of Social Movement Research: Dynamics, Mechanisms, and Processes*. Minneapolis: University of Minnesota Press. doi: 10.5749/j.ctt46npj4

26. Tilly, C., & Wood, L. Futures of Social Movements. (2019). In C. Tilly, E. Castañeda, & E. Wood, *Social Movements, 1768–2018* (pp. 149–163). London: Routledge. doi: 10.4324/9780429297632-7

27. Wilde de, P. (2019). The making of four ideologies of globalization. *European Political Science Review*, 11(1), 1–18. doi: 10.1017/S1755773918000164

References

1. Anisimov, I.V., & Nolev, E.V. (2019). ONF v Respublike Buryatiya: uchastie grazhdanskogo obshchestva v realizacii vazhnejshih napravlenij gosudarstvennoj politiki [All-Russian People's Front in the Republic of Buryatia: civil society participation in the realization of the state policy]. *Vlast'*, 27(6), 167–172. doi: 10.31171/vlast.v27i6.6846

2. Davydov, A.V., & Koryakovtseva, O.A. (2014). Molodezhnye organizacii i dvizheniya v Rossii: istoriya i sovremennost' [The Youth organizations and the movements in Russia: history and present]. *PolitBook*, 3, 41–54.

3. Dugin, E.Ya. (2017). Vlast' ideologii i ideologiya vlasti [The power of ideology and the ideology of power]. *Vlast'*, 25(3), 106–113.

4. Frolov, A. (2016). Gibridnaya setevaya grazhdanskaya aktivnost' na primere dvizheniya «Stop Ham» [Hybrid networking civic activity on the example of the movement «Stop Ham»]. *PolitBook*, 3, 66–84.

5. Glushkova, S. I., & Martynov, K. E. (2019). Tendencii razvitiya institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossii: problemy i protivorechiya [Trends in the development of civil society institutions in Russia: problems and contradictions]. *Scientific Journal «Discourse-P»*, 4(37), 61–78. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10404
6. Hensmans, M., & Bommel van, K. (2018). Social Movements. *The International Encyclopedia of Strategic Communication*, 8, 1–12. doi: 10.1002/9781119010722.iesc0163
7. Kara-Murza, S. G., & Kuropatkina, O. V. (2014). *Naciestroitel'stvo v sovremennoj Rossii* [Nation-building in modern Russia]. Moscow: Algoritm: Nauchnyj ekspert.
8. Kilimova, L. V. (2018). Sociokul'turnye osnovaniya proyavleniya social'noj aktivnosti v grazhdanskikh praktikah [Socio-cultural bases of manifestation of social activity in civil practices]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment*, 8(4), 244–252.
9. Kopecky, P., & Mudde, C. (2003). Rethinking Civil Society. *Democratization*, 10(3), 1–14.
10. Kosygina, K. E. (2019). Rossijskoe dobrovol'chestvo: tendencii i harakteristiki [Russian volunteering: trends and characteristics]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki*, 4, 165–174.
11. Kuznetsov, N. V., & Kulakova, T. A. (2015). Garmonizaciya interesov v rossijskoj publichnoj politike [Harmonization of interests in Russian public policy]. *Konfliktologiya*, 4, 70–76.
12. Molokova, M. A. (2018). Grazhdanskoe obshchestvo i gosudarstvo: ot dominirovaniya k partnerstvu [Civil Society and the State: from Domination to Partnership]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 14(2), 100–111.
13. Mosolikov, S. A. (2013). Prokremlievskie molodezhnye ob"edineniya: struktury vlasti ili instituty grazhdanskogo obshchestva? [Pro-Kremlin youth groups: structures of state power or civil society institutions?]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 1, 63–69.
14. *Ob obshchestvennyh ob"edineniyah: Federal'nyj zakon ot 19 maya 1995 goda (№ 82-FZ)* [On public associations: The Federal Act dated May 19, 1995 (82-FZ)] (Russ.). Retrieved June 15, 2020, from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/
15. *Ob osnovnyh garantiyah izbiratel'nyh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 12 iyunya 2002 goda (№ 67-FZ)* [About the basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation: The Federal Act dated June 12, 2002 (67-FZ)] (Russ.). Retrieved June 15, 2020, from <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=353266&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.7331267662891543#06222975709824365>
16. Ogawa, A. (2018). Security Paradigms and Social Movements. *Asian Journal of Social Science*, 46(6), 725–747. doi: 10.1163/15685314-04606006
17. Petukhov, V. V., & Petukhov, R. V. (2015). Demokratiya uchastiya: institucional'nyj krizis i novye perspektivy [Participatory Democracy: Institutional Crisis and New Prospects]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 5, 25–48. doi: 10.17976/

jpps/2015.05.04

18. Rogachyov, S. V., & Vilovatyh, A. V. (2020). Social'nye dvizheniya v epohu postpravdy [Social movements in the age of post-truth]. *Problemy nacional'noj strategii*, 1, 90–104.

19. Sizemskaya, I. (2018). Grazhdanskoe obshchestvo i gosudarstvo: vektory social'nogo protivostoyaniya i konsensusa [Civil society and the state: a vector of civil confrontation and forms of social consensus]. *Vox. Filosofskij zhurnal*, 25, 253–265.

20. Skobelina, N. A. (2015). Dinamika institucionalizatsii obshchestvennykh dvizhenij v sovremennoj Rossii [Dynamics of public movement institutionalization in Russia today]. *Social'no-gumanitarnyj vestnik Prikaspiya*, 1, 49–53.

21. Sokolov, A. V., & Palagicheva, A. V. (2016). Tendencii razvitiya grazhdanskogo uchastiya v sovremennoj Rossii [Tendencies of development of civil activity in modern Russia], *PolitBook*, 3, 85–97.

22. Stekelenburg van, J., & Roggeband, C., & Klandermans, B. (Eds.). (2013). *The Future of Social Movement Research: Dynamics, Mechanisms, and Processes*. Minneapolis: University of Minnesota Press. doi: 10.5749/j.ctt46npj4

23. Tilly, C., & Wood, L. (2019). Futures of Social Movements. In C. Tilly, E. Castañeda, & E. Wood, *Social Movements, 1768–2018* (pp. 149–163). London: Routledge, doi: 10.4324/9780429297632-7

24. Wilde de, P. (2019). The making of four ideologies of globalization. *European Political Science Review*, 11(1), 1–18. doi: 10.1017/S1755773918000164

25. Yudina, T. N., Mazaev, Yu. N., Bormotova, T. M., & Zhukov, P. S. (2020). Sostoyanie i dinamika protestnoj aktivnosti v sovremennom rossijskom obshchestve [State and dynamics of protest activity in modern Russian society]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya*, 1, 139–151. doi: 10.17072/2078-7898/2020-1-139-151

26. Yakimets, V. N., & Nikovskaya, L. I. (2018). Mekhanizmy i principy mezhsektornogo social'nogo partnerstva kak osnova razvitiya obshchestvenno-gosudarstvennogo upravleniya [Mechanisms and principles of intersectoral social partnership as a basis for developing the public-state governance]. *Vlast'*, 26(4), 15–25. doi: 10.31171/vlast.v26i4.5757

27. Zaytseva, I. F. (2020). Volonterstvo kak aktual'noe obshchestvennoe dvizhenie sovremennoj molodezhi. [Volunteering as a relevant social movement of modern youth]. *Chelovek. Socium. Obshchestvo*, 1, 50–53.

ОБ ИНСТИТУТАХ И НЕ ТОЛЬКО***Берсенёв Владимир Леонидович,**

Институт экономики
Уральского отделения Российской академии наук,
ведущий научный сотрудник Центра экономической теории,
доктор исторических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-3554-6965,
E-mail: colbers@bk.ru

Статья поступила в редакцию 24.06.2020, принята к публикации 14.09.2020

Для цитирования: Берсенёв В.Л. Об институтах и не только // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4 (41). С. 186–198. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10412

Аннотация

Статья отвечает на ряд вопросов, связанных с использованием категории «институт» в экономических исследованиях. Автор раскрывает основные этапы становления понятия «институт», отдельно останавливается на вопросе научной новизны, которую внёс американский экономист Т. Веблен в понимание институтов в качестве основы экономического поведения. Показано, что институты рассматриваются, с одной стороны, как образцы экономического поведения, а с другой – как правила, нормы и механизмы, обеспечивающие их соблюдение. Эвристический потенциал институционального анализа выявляется на примере раскрытия внутреннего содержания процесса институционализации. Отмечается перспективный характер такого направления исследований, как анализ формирования институтов рыночной экономики в современной России.

Ключевые слова:

институт, институционализм, экономическое поведение, институционализация.

* Статья подготовлена в соответствии с планом НИР Института экономики УрО РАН на 2020–2022 гг.

ABOUT INSTITUTIONS AND NOT ONLY

Vladimir L. Bersenev,

Institute of Economics
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Leading Research Associate,
Doctor of History, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-3554-6965,
E-mail: colbers@bk.ru

Article received on June 24, 2020, accepted on September 14, 2020

To cite this article: Bersenev, V.L. (2020). Ob institutah i ne tol'ko [About institutions and not only]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 4(41), 186–198. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10412

Abstract

The article answers a number of questions related to the use of the “Institute” category in economic research. The author reveals the main stages of the formation of the concept of “Institute”, separately focuses on the issue of scientific novelty, which was introduced by the American economist T. Veblen in the understanding of institutions as the basis of economic behavior. It is shown, that institutes are considered, on the one hand, as samples of economic behavior, and with another – as rules, norms and the mechanisms providing their observance. The heuristic potential of the institutionalism reveals on an example of disclosing of the internal maintenance of institutionalization. Perspective character of such direction of researches, as the analysis of formation of institutes of market economy in modern Russia is marked.

Keywords:

institute, institutionalism, economic behavior, institutionalization.

Задуманная в 2009 г. в рамках исследовательского проекта Института философии и права УрО РАН энциклопедия «Дискурсология» среди многочисленных терминов, подлежащих препарированию на академическом уровне, предполагала раскрытие содержания несколько загадочного термина «институциональный дискурс». Кстати, работа над энциклопедией продолжается и поныне, но «институциональный дискурс» по-прежнему ждёт своих толкователей и интерпретаторов. Загадочность же этой дефиниции предопределяется прежде всего тем,

что одно из составляющих её понятий, а именно «институт», отличается уж очень разнообразным набором толкований и интерпретаций.

Иными словами, отталкиваясь от определения дискурса, предложенного Т. ван Дейком (Dijk, 1998, р. 193–194), можно сказать, что «институт» как коммуникативное событие представлен в большом многообразии коммуникативных действий, включая откровенные заблуждения. Вплоть до настоящего времени в семьях с детьми-старшеклассниками обсуждается проблема «Как поступить в институт?», хотя с 1990-х годов абсолютное большинство высших учебных заведений в России именуется университетами и академиями. Более того, сотрудники научно-исследовательских институтов, неважно, входящих в систему РАН или подчиняющихся иным ведомствам, периодически вынуждены отбиваться от родственников и знакомых, просящих или даже требующих помочь сыну или дочери «поступить в твой институт». В таком контексте объяснять кому-либо непосвящённому внутреннее содержание такого направления экономической теории, как институционализм, будет занятием более чем неблагодарным. Однако когда весьма уважаемый журнал «Дискурс-Пи» обратился с просьбой ответить на ряд вопросов, ориентированных на препарирование категории «институт» в рамках истории экономических учений, я как сотрудник Центра экономической теории Института экономики УрО РАН посчитал возможным хотя бы попытаться высказать своё мнение по этому поводу.

1. Есть ли отличия в понимании ИНСТИТУТА в экономической теории от других (социальных) наук?

Разумеется, в каждой из отраслей общественнознания любая распространённая категория обретает какое-то своё специфическое толкование. Более того, в ряде случаев набор определений может выходить за пределы академического дискурса, и «институт» тому показательный пример.

В «Словаре иностранных слов», изданном в 1955 г., под институтом понимаются совокупность норм права, регулирующих одно или несколько связанных друг с другом общественных отношений, наименование учёных обществ, НИИ и вузов, а также – привилегированное женское среднее учебное закрытое заведение в дореволюционной России (Лёхин, Петрова, 1955, с. 275). Можно было бы даже подумать, что в последнем значении термин попал в словарь советской эпохи благодаря тому, что «штаб Октября» находился именно в здании Смольного института, но нет. Если не обращать внимания на смену орфографии и стилистики, то не трудно заметить, что в середине XX века производились трактовки института из знаменитого энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (Институтъ, 1994, стлб. 1851–1852).

«Современный словарь иностранных слов» 1992 года издания содержит тот же перечень трактовок (переименование учебных институтов в университеты и академии ещё только начиналось), но добавляет к ним весьма важное для ответа на поставленный вопрос понятие «социальный институт». Вообще-то это понятие заслуживало отдельного места в словнике просто в силу масштабности описываемого им явления, поскольку под социальным институтом предлагалось понимать определённую форму организации, регулирования, упорядочения общественной жизни, деятельности и поведения людей (Институт, 1992, с. 239).

Среди таковых выделялись и экономические институты, что являлось заодно и напоминанием о существовании такого своеобразного направления в экономической теории, как институционализм. Кстати, как ни странно, в выдержавшем несколько переизданий в течение тех же 1990-х годов «Большом экономическом словаре» предлагалось шесть трактовок термина «институт», но в качестве ключевого понятия в довольно-таки известном направлении экономической теории он не рассматривался (Азрилиян, 1998, с. 215).

Отсылка к человеческому поведению при толковании категории «социальный институт» распространяется и на институт экономический. Вообще-то некое, ещё категориально не оформленное, понятие института можно обнаружить уже в работах одного из первых протосоциологов рубежа XVII–XVIII вв. Джамбаттисты Вико (Вико, 1994). И даже молодой Карл Маркс в 1846 г. как-то обмолвился, что «наши общественные институты являются продуктами человеческого развития» (Маркс, 1848, с. 406). Однако рождение собственно институционализма приходится на самый конец XIX столетия. Если не воспринимать всерьёз в качестве отцов-основателей этого направления таких исследователей позитивистского толка, как Ф. Симиан и Л. Брокар, то первым, кто обратился к институтам как категориям экономической науки, был Торстейн Веблен. В «Теории праздного класса» (1899) он наглядно доказал «экономичность» категории «институт»: «Всякую социальную общность можно рассматривать как производственный или экономический механизм, структура которого складывается из того, что называется социально-экономическими институтами. Такими институтами являются привычные способы осуществления процесса общественной жизни в её связи с материальным окружением, в котором живёт общество» (Веблен, 1984, с. 204).

Более того, вольно или невольно своими рассуждениями Т. Веблен закладывает основы теории экономических реформ. Почти по К. Марксу он утверждает: «Движение общества вперёд состоит, главным образом с точки зрения экономической теории, в продолжающемся поступательном приближении к почти что точному «установлению внутренних отношений в соответствии с отношениями внешними»; однако такое соответствие никогда точно не устанавливается, так как «внешние соотношения» подвержены постоянному изменению вследствие всё продолжающихся изменений во «внутренних отношениях» (Веблен, 1984, с. 203). Вряд ли Т. Веблен мог хоть как-то быть наслышан о диалектике взаимодействия производительных сил и производственных отношений, но мыслит он в духе классиков марксизма, хотя и трактует ключевые преобразования в рамках общественно-исторического процесса по-своему: «Перестройка образа мысли, подчиняясь острой необходимости, диктуемой изменённой ситуацией, всякий раз производится людьми с опозданием и неохотно и лишь тогда, когда к тому принуждает ситуация, сделавшая принятые взгляды непригодными. Реорганизация институтов и привычных взглядов согласно изменившемуся окружению производится в ответ на давление извне, она по своему характеру является реакцией на пробуждение к переменам» (Веблен, 1984, с. 203).

Иными словами, меняется дискурс бытия, меняются и институты, бытие определяющие. При этом надо лишь понимать, что экономические институты (вновь повторю, что имеются в виду не УрГЭУ или ИЭ УрО РАН и т. д.) являются лишь подразделением большой команды социальных институтов, определяющих различные грани этого самого нашего бытия.

2. Что нового внёс Веблен, сказав, что «институты – основа экономического поведения»? В чем суть его критики мотивационной концепции поведения «экономического человека», получившей распространение ещё со времён классиков (А. Смита)?

Новым в данном случае был сам подход к объекту анализа, предусматривающий переход от человека-функции к просто человеку как носителю определённого набора желаний, предпочтений и даже духовности. Соответственно, такой набор одновременно характеризует и индивидуальность каждого человека, и тот социум, в рамках которого человек существует.

Адам Смит, действительно, обозначил весьма важную реперную точку в исследовании экономических мотивов человеческого поведения, хотя он тоже, образно говоря, «стоял на плечах гигантов». У Аристотеля в «Никомаховой этике» взаимоотношения между строителем дома и башмачником рассматриваются как частный случай стремления к «пропорциональному воздаянию». Что-то подобное присутствует в «Сумме теологии» Фомы Аквинского, когда он рассуждает о справедливой цене. Английские моралисты и французские просветители, а это уже практически современники А. Смита, также воспринимали отдельного индивида в качестве не объекта, а субъекта общественных отношений. Оставалось только абстрагироваться от бесчисленного множества индивидуальных интересов и вывести некую закономерность в поведении человека как участника хозяйственной деятельности.

Вообще-то А. Смит сочинял «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) не как учебник политической экономии, а как трактат, содержащий объяснение того, почему стоимость, то есть богатство, создаваемое трудом лишь одного из классов – рабочего (говоря современным языком), перераспределяется в пользу двух других – владельцев мануфактур (термин «капиталист» был ещё не в ходу) и землевладельцев. Отсюда, начав с анализа феномена разделения труда, в главе II А. Смит отмечает, что человек склонен к обмену результатов своей деятельности на результаты деятельности других людей, поскольку каждый индивид в отдельности не обладает всем необходимым набором навыков и способностей: «Почти у всех других видов животных каждая особь, достигнув зрелости, становится совершенно независимой и в своём естественном состоянии не нуждается в помощи других живых существ; между тем человек постоянно нуждается в помощи своих ближних, но тщетно было бы ожидать её лишь от их расположения. Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них... Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов» (Смит, 2007, с. 76–77).

Отсюда и рождается тот самый образ человека-функции или *homo oeconomicus* (правильно именно так, а не *economicus*), который в своей деятельности руководствуется исключительно корыстным интересом, но при этом умножает богатство нации. Кстати, сам А. Смит этого латинского термина не употреблял, да и напирал больше на склонность к обмену: «Эта склонность к обмену не только создаёт различие способностей, столь заметное у людей

различных профессий, она также делает его полезным. <...> Различные их продукты, благодаря склонности к торгу и обмену, собираются как бы в одну общую массу, из которой человек может купить себе любое количество произведений других людей, в которых он нуждается» (Смит, 2007, с. 78–79).

Д. Рикардо, несколько переформатировавший в «Началах политической экономии и налогового обложения» (1817) учение А. Смита (вопреки одному не слишком распространённому мифу, они не были знакомы, хотя во время своих нечастых визитов в Лондон на старости лет А. Смит теоретически мог встретить маленького мальчика, бегущего к зданию биржи, где преуспевал его отец), слегка обогатил и образ *homo oeconomicus*. Капиталист у него также движим корыстью, но не только: «Капиталист, ищущий прибыльного применения для своих средств, естественно, будет принимать в соображение все преимущества одного занятия перед другим. Поэтому он может поступиться частью своей денежной прибыли ради верности помещения, опрятности, лёгкости или какой-либо другой или воображаемой выгоды, которыми одно занятие отличается от другого» (Рикардо, 2007, с. 127).

Слегка очеловечивая капиталиста, Д. Рикардо и за рабочим замечает склонность к улучшению условий своего бытия: «Способность рабочего содержать себя и семью так, чтобы число рабочих не уменьшалось, зависит не от количества денег, которое он получает в виде заработной платы, а от количества пищи, предметов жизненной необходимости и комфорта, ставшего для него насущным в силу привычки, которые можно купить за эти деньги» (Рикардо, 2007, с. 129). Только землевладелец Д. Рикардо, сам обладатель поместья в Глостершире, особо не жалуется, и оставляет за ним лишь функцию получателя ренты.

Собственно говоря, и для К. Маркса субъекты производственных отношений больше функциональны, нежели человечны. Капиталист и землевладелец озабочены исключительно максимизацией прибавочной стоимости в форме прибыли и ренты, а пролетариату предписана великая миссия по глобальному преобразованию мироустройства. Т. Веблен же не сводит человеческое поведение к достижению каких-либо узкоспециальных целей, и делает акцент на духовности, утверждая, что сама система жизни общества «может с психологической стороны быть охарактеризована в общих чертах как превалирующая духовная позиция или распространённое представление об образе жизни в обществе» (Веблен, 1984, с. 201–202).

Впрочем, стремление Т. Веблена учитывать все нюансы человеческого поведения и фиксировать их в соответствующих экономических институтах не получило развития по причине неосуществимости на практике столь благородной идеи. Неоклассики, то есть *mainstream* экономической науки XX века, просто абстрагировались от всего, что не имеет отношения к рациональному распределению ограниченных ресурсов в различных вариациях. Дж. М. Кейнс хотя и сформулировал свой «основной психологический закон», но в нём свёл человеческое поведение исключительно к склонности к сбережению. Даже в советской политической экономии человек был назначен в первую очередь строителем коммунизма, а не потребителем всё возрастающего потока разнообразных материальных и духовных благ, хотя классики марксизма мечтали именно об этом.

3. Широко известно, что «институты – это, по сути дела, распространённый образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций». Не является ли это свидетельством полного отказа от объективной функции научного исследования?

Небольшая цитата, содержащаяся в вопросе, – это как раз утверждение из «Теории праздного класса» Т. Веблена, точнее – из главы VIII с несколько загадочным названием «Освобождение от производства и консерватизм». Данная глава как раз и начинается с рассуждений о том, что институты проходят естественный отбор, и наоборот: «Социальные институты не только сами есть результат процесса отбора и приспособления, формирующего преобладающие или господствующие типы отношений и духовную позицию; они в то же время являются особыми способами существования общества, которые образуют особую систему общественных отношений и, следовательно, в свою очередь выступают действенным фактором отбора» (Веблен, 1984, с. 200).

Вряд ли эти рассуждения свидетельствуют о стремлении отца-основателя нового направления в экономической теории отречься от объективного характера институционального анализа. Просто и Т. Веблен, и его последователи (среди них выделяют Дж.Р. Коммонса, У.К. Митчелла и др.) на раннем этапе становления институционализма предпочитали двигаться от частного к общему, и отсюда возникает ощущение, что за деревьями они не видели леса. В «Экономической энциклопедии» под редакцией академика Л.И. Абалкина прямо утверждается, что традиционный институционализм основывался на индуктивном методе, то есть обобщении частных случаев, но этот путь оказался не очень продуктивным, и общая теория нового учения на этом этапе (первая треть XX века) так и не сложилась (Абалкин, 1999, с. 237).

Напротив, современные институционалисты или, точнее, неoinституционалисты предпочитают не индукцию, а дедукцию, используя общие принципы институционального анализа для объяснения конкретных явлений. Также отмечается и ещё одно существенное различие. Представители *old school* пытались изучать экономические проблемы методами других обществоведческих наук. Действительно, Т. Веблен опирался на психологию, Дж.Р. Коммонс – на юриспруденцию, а У.К. Митчелл – вообще на статистические методы анализа. Неoinституционалисты же предпочитают изучать политологические, правовые и иные социальные проблемы методами неоклассической экономической теории (Абалкин, 1999, с. 237) (от себя добавлю – и не только).

Неoinституциональная экономическая мысль представлена целым рядом знаковых фигур (Klein, 1999; North, 1986, 1989; Tool, 1994), хотя особо надо отметить одного из гуру данного направления, весьма почитаемого до сих пор в среде отечественных неoinституционалистов, Дугласа Норта (1920–2015). Следует, конечно, оговориться, что в первую очередь Д. Норт был известен как специалист в области «новой экономической истории» или клиометрики, и премию памяти А. Нобеля в 1993 г. получил он именно за свои историко-экономические изыскания, а не за неoinституционализм. Впрочем, связь с истоками хорошо прослеживается у Д. Норта в его выдержавшей около десятка переизданий до перевода на русский язык монографии «Институты, институ-

циональные изменения и функционирование экономики» (Норт, 1997). Для него именно «институциональные изменения определяют то, как общества развиваются во времени, и таким образом являются ключом к пониманию исторических перемен» (Норт, 1997, с. 17).

За Д. Нортом числится несколько определений экономического содержания категории «институт», хотя хрестоматийной следует признать следующее: «Институты – это правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми. Таким образом, институты ограничивают и определяют спектр альтернатив, доступных экономическим агентам согласно неоклассической теории» (North, 1989, p. 1320).

Неоклассика упоминается здесь не случайно. В неоклассических моделях экономического роста институты отсутствуют, но и дивный мир, описываемый этими моделями, весьма далёк от реалий бытия. Все рынки в нём высококонкурентны, ресурсы задействованы полностью, а вознаграждение факторов производства – максимально. Иными словами, рынок всё делает сам, и потребность в правилах и механизмах у современного *homo oeconomicus* не возникает. Между тем, как показал Д. Норт, институты «имеют значение», и особенно – в эпоху перемен.

Так что институционализм во всех ипостасях (середины XX столетия выделяют в качестве ещё одного этапа в его развитии) не претендовал на отказ от объективности анализа, хотя индивидуальным особенностям поведения и человека, и социальных институтов всех мастей уделялось особое внимание, иногда, возможно, даже и несколько преувеличенное.

4. Какова, с Вашей точки зрения, ЭВРИСТИЧЕСКАЯ способность этой КАТЕГОРИИ? И есть ли она?

Скорее, тут следует говорить не об эвристическом потенциале категории «институт», а о практической значимости институционального анализа. Фразу «Нет ничего практичнее хорошей теории» приписывают и Альберту Эйнштейну, и Нильсу Бору, и ещё кому-то (известен ли вообще автор этого шедеврального дискурса?), однако грубая и зримая реальность требует от научных работников более предметного внедрения результатов проведённых исследований. Увы, экономическая теория чаще всего не предвосхищает хозяйственную практику, а лишь даёт объяснение уже известным явлениям и процессам. Иными словами, о прогностической функции экономической науки вообще лучше не говорить всуе. Тем не менее, даже институционализм (точнее – его славные представители) предлагает иногда теоретические выводы, находящие воплощение, пусть и косвенным образом, в каких-либо решениях экономического свойства.

Особо можно остановиться и на такой категории, как «институционализация». Если дискурс института – это, по Т. ван Дейку, больше коммуникативное событие (Dijk, 1998), то в дискурсе институционализации явно превалирует коммуникативное действие, ибо это – непосредственно процесс превращения каких-либо отношений в институты, то есть закрепление сложившихся социальных связей в нормах, правилах и соответствующих механизмах. Вот как раз в выявлении нюансов данного процесса и заложен эвристический потенциал,

освоение которого позволяет избегать правовых, управленческих и иных ошибок в процессе реформирования экономики.

Протяжённость процесса институционализации во времени предполагает прохождение ряда обязательных этапов, содержание которых отражает последовательность изменения восприятия институционализируемого явления в индивидуальном и общественном сознании. Вопрос состоит в том, сколько этапов можно выделить, не нарушая логику данного процесса.

Наиболее простое «этапирование» процесса институционализации предложили П. Бергман и Т. Лукман. По их мнению, человеческой деятельности свойственно опривычивание или хабиитуализация (от лат. *habitare* – часто бывать, постоянно находиться). Часто повторяемое действие не просто становится привычным, но и воспринимается как образец, если позволяет экономить усилия при регулярном воспроизведении. Предусматривая стабильную основу протекания человеческой деятельности с минимумом затрат на принятие решений в течение большей части времени, хабиитуализация освобождает энергию для принятия решений в тех случаях, когда это действительно необходимо. Тем самым даже альтернативным вариантам поведения можно придать стандартные значения (Бергман, Лукман, 1995, с. 90–91).

Однако этап хабиитуализации ещё не означает появления института как такового. Опривыченные действия могут сменять друг друга в рамках деятельности, но если они становятся типичными для определённого сообщества, можно говорить о следующем (фактически – завершающем) этапе институционализации. Именно типизация опривыченных действий, как утверждали П. Бергман и Т. Лукман, и есть институт, поскольку, с одной стороны, она предполагает, что эти действия доступны для всех членов данной социальной группы, а с другой – типичность действий своим следствием имеет типизацию участников процесса (Бергман, Лукман, 1995, с. 92).

Напротив, А. Князев, рассуждая о природе институционализации как процесса упорядочивания социальных аспектов бытия, предпочитает детализацию этапов. Используя в качестве примера теньевую экономику, он насчитывает семь шагов на пути формирования этого института (Князев, 2014):

I этап – возникновение потребности;

II этап – формирование определённых целей и служащей их осуществлению идеологии;

III этап – создание общественных норм и правил;

IV этап – появление стандартных функций, связанных с нормами;

V этап – практическое применение норм и функций;

VI этап – создание системы санкций, защищающих криминальную структуру;

VII – теньевые вертикали власти.

При этом автор утверждает, что процесс институционализации в его примере универсален с точки зрения основных этапов (Князев, 2014). С этим, однако, трудно согласиться, так как два завершающих этапа отличаются уж слишком специфическим характером, да и число предыдущих этапов не мешало бы сократить. Кстати, можно ещё и посоветовать, что использование слова «структура» не по назначению способно испортить любой дискурс.

Установленный природой порядок смены времён года ненавязчиво намекает, что четырёх этапов для процесса институционализации вполне достаточно. В качестве первых двух можно использовать предложенные П. Бергманом и Т. Лукманом хабиитуализацию и типизацию. Кстати, показательным примером того, как уже на этих этапах возникают квазинормы, можно считать «обычай делового оборота». В гражданском праве под ним понимается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, не предусмотренное законодательством, причём – независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе. Иными словами, типизация уже порождает институты, но только пока что неформальные.

Укоренённость обычая делового оборота во времени означает, что он становится достоянием не только субъектов предпринимательства, установивших такую практику, но и последующих участников предпринимательских отношений, принимающих сложившиеся «правила игры». Обретая историчность, зачаточный институт теперь переживает этап объективации, то есть отделения складывающейся нормы от личности её «автора». Институт теперь воспринимается в качестве обладающего собственной реальностью, с которой индивид сталкивается как с внешним и принудительным фактом. Этапу объективации будет соответствовать стремление, к примеру, предпринимательского сообщества каким-либо образом закрепить обычаи делового оборота, от прописывания определённых правил в различного рода кодексах деловой этики и т. д. до выступления с законотворческими инициативами.

Логическим следствием объективации института становится его легитимация, то есть официальное правовое закрепление. Необходимость этого шага обусловлена хотя бы тем, что первоначальный смысл сложившегося института становится недоступен пониманию на уровне памяти индивида. То есть историчность складывающегося институционального порядка требует, чтобы он обладал не только когнитивной (объяснение), но и нормативной (оправдание) интерпретацией, и этой цели как раз и служит легитимация как завершающий этап институционализации.

Закрепление института в нормах действующего законодательства имеет и ещё один смысл. Например, перед вступающими в сложившиеся предпринимательские отношения новыми хозяйствующими субъектами встаёт вопрос принятия или непринятия существующих правил. Во втором случае возникает необходимость применения санкций. На уровне обычаев делового оборота эти санкции не могут выходить за рамки морального осуждения или исключения «отступника» из будущих хозяйственно-договорных отношений (криминальные разборки – тоже вариант исключения). Действующий же нормативный акт обладает гораздо большими возможностями в плане утверждения власти института над индивидом.

В этом случае особенности институционального оформления современной экономической реформы в России – тема весьма любопытная и ещё далеко не разработанная во всей своей полноте. Впрочем, весьма значительный вклад в анализ институциональных аспектов реформы уже внёс академик Виктор Меерович Полтерович (Полтерович, 1999, 2001, 2011, 2020) из ЦЭМИ РАН, а также его ученики и последователи, в том числе и в Институте экономики

УрО РАН. По крайней мере введённая им в научный оборот категория «институциональная ловушка» стала украшением общей теории экономических реформ, а заодно – научным обоснованием того, что получается в результате попыток перескочить через этапы институционализации в стиле «кавалерийской атаки на...». Однако, повторюсь, данная тематика ещё ожидает своих исследователей.

Так что институт как объект экономического анализа вполне заслуживает право на существование, а (нео)институционализм занимает своё достойное место среди направлений и школ экономической теории. В конце концов, ещё старик Ной доказал, что не только каждой твари должно быть по паре, но и всем им найдётся место на ковчеге.

Список литературы

1. Абалкин, Л.И. (Гл. ред.). (1999). *Экономическая энциклопедия*. М.: ОАО «Издательство «Экономика».
2. Азрилиян, А.Н. (Ред.). (1998). *Большой экономический словарь*. М.: Институт новой экономики.
3. Бергман, П., Лукман, Т. (1995). *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум.
4. Веблен, Т. (1984). *Теория праздного класса*. М.: Прогресс.
5. Вико, Дж. (1994). *Основания новой науки об общей природе наций*. М. – К.: REFL-book, ИСА.
6. Институт. (1992). *Современный словарь иностранных слов: Около 20000 слов*. М.: Русский язык.
7. Институтъ. (1994). *Малый энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона* (Репр. воспр., Т. 2). М.: ТЕРРА.
8. Князев, А. (2014, 5 марта). *Процесс, понятие и этапы институционализации. Институционализация в России. Институционализация – это...* Взято 20 мая 2020, с <https://fb.ru/article/133456/protsess-ponyatie-i-etapy-institutsionalizatsii-institutsionalizatsiya-v-rossii-institutsionalizatsiya---eto>
9. Лёхин, И. В., Петрова, Ф. Н. (Ред.). (1955). Институт. *Словарь иностранных слов* (5-е изд., стереотип). М.: Гос. изд-во иностр. и национальных словарей.
10. Маркс, К. (1848). П. В. Анненкову, 28 декабря 1846 г. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (2-е изд., Т. 9). Госполитиздат. (Оригинальная работа опубликована в 1846 г.).
11. Норт, Д. (1997). *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.: Фонд экономической мысли «Начала».
12. Полтерович, В. М. (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы. *Экономика и математические методы*, 35(2), 3–20.
13. Полтерович, В. М. (2001). Трансплантация экономических институтов. *Экономическая наука современной России*, 3, 24–50.
14. Полтерович, В. М. (2011). Общество и реформы. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ: ЕСТЬ ЛИ ВЫХОД? Взято 20 мая 2020, с <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/01/11/1214866995/Polterovich.pdf>
15. Полтерович, В. М. (2020). На пути к новой теории реформ. Взято

с <http://www.r-reforms.ru/vmp1.htm>

16. Риккардо, Д. (2007). *Начала политической экономики и налогового обложения*. М.: Эксмо.
17. Смит, А. (2007). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо.
18. Dijk, T.A. van. (1998). *Ideology: A multidisciplinary Approach*. London: SAGE Publications.
19. Klein, P.G. (1999). New Institutional Economics. *Encyclopedia of Law and Economics*. Взято с <https://reference.findlaw.com/lawandeconomics/0530-new-institutional-economics.pdf>
20. North, D. (1989). Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction. *World Development*, 17(9), 1319–1332.
21. North, D.C. (1986). The new Institutional Economics and Development. *Journal Institutional and Theoretical Economics*, 142, 230–237.
22. Tool, M.R. (1994, Autumn). Institutional Adjustment and instrumental Value. *Review of institutional political Economy*, 1(3), 405–443.

References

1. Abalkin, L.I. (Ed.). (1999). *Ekonomicheskaja entsiklopediya* [Economic encyclopedia]. М.: Экономика.
2. Azrilian, A.N. (Ed.). (1998). *Bol'shoi ekonomicheskij slovar'* [Big economic dictionary] (3rd ed.). М.: Institut novoi ekonomiki.
3. Berger, P.L., & Luckmann, T. (1995). *Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge]. М.: Medium.
4. Dijk, T.A. van. (1998). *Ideology: A multidisciplinary Approach*. London: SAGE Publications.
5. Institut [Institute]. (1992). *Sovremennyyj slovar' inostrannyx slov: Okolo 20000 slov*. М.: Russkij yazyk.
6. Institut" [Institute]. (1994). *Malyj e'nciklopedicheskij slovar' Brokgauza-Efrona* (Reprint reproduction, Vol. 2). М.: TERRA.
7. Klein, P.G. (1999). New Institutional Economics. *Encyclopedia of Law and Economics*. Retrieved from <https://reference.findlaw.com/lawandeconomics/0530-new-institutional-economics.pdf>
8. Knyazev, A. (2014, March 5). *Process, ponyatie i e'tapy institucionalizacii. Institucionalizaciya v Rossii. Institucionalizaciya – e'to...* [Process, concept and stages of institutionalization. Institutionalization in Russia. Institutionalization is...]. Retrieved May 20, 2020, from <https://fb.ru/article/133456/protsess-ponyatie-i-etapy-institucionalizatsii-institucionalizatsiya-v-rossii-institucionalizatsiya---eto>
9. Lyoxin, I.V., & Petrova, F.N. (Eds.). (1955). Institut [Institute]. *Slovar' inostrannyx slov* (5th ed., stereotyped). М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyx i nacional'nyx slovarej.
10. Marx, K. (1848). P.V. Annenkovu, 28 dekabria 1846 g. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniya* [Essays] (2nd ed., Vol. 9). Gospolizdat. (Original work published 1846).

11. North, D. (1989). Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction. *World Development*, 17(9), 1319–1332.
12. North, D.C. (1986). The new Institutional Economics and Development. *Journal Institutional and Theoretical Economics*, 142, 230–237.
13. North, D. (1997). *Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional change and economic performance]. M.: Nachala.
14. Polterovich, V.M. (1999). Institutsional'nyie lovushki i ekonomicheskkiye reformy [Institutional traps and economic reforms]. *Ekonomika i matematicheskiye metody*, 35(2), 3–20.
15. Polterovich, V. M. (2001). Transplantatsiya ekonomicheskikh institutov [Transplantation of economic institutions]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii*, 3, 24–50.
16. Polterovich, V.M. (2011). *Obshchestvo i reformy. INSTITUCIONAL'NYE LOVUSHKI: EST' LI VYHOD?* [Society and reforms. INSTITUTIONAL PITFALLS: IS THERE A WAY OUT?]. Retrieved May 20, 2020, from <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/01/11/1214866995/Polterovich.pdf>
17. Polterovich V.M. (2020). *Na puti k novoi teorii reform* [Towards a new theory of reform]. Retrieved from <http://www.r-reforms.ru/vmp1.htm>
18. Ricardo, D. (2007). *Nachala politicheskoy ekonomii i nalogovogo oblozheniya* [Principles of Political Economy and Taxation] M.: Eksmo.
19. Smith, A. (2007). *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov* [Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations]. M.: Eksmo.
20. Tool, M.R. (1994, Autumn). Institutional Adjustment and instrumental Value. *Review of institutional political Economy*, 1(3), 405–443.
21. Veblen, T. (1984). *Teoriya prazdnogo klassa* [The theory of the leisure class]. M.: Progress.
22. Vico, G. (1994). *Osnovaniya novoj nauki ob obshchej prirode nacij* [Foundations of a new science of the common nature of nations]. M. – K.: REFL-book, ISA.

КИБЕРПРОСТРАНСТВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ: ПРИЗНАКИ, ФУНКЦИИ, ХАРАКТЕРИСТИКИ

Мигулева Мария Витальевна,

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет,
соискатель кафедры философии и культурологии,
начальник отдела международного сотрудничества,
Санкт-Петербург, Россия,
ORCID: 0000-0001-8468-3213,
E-mail: miguleva@spbgau.ru

Статья поступила в редакцию 11.09.2020, принята к публикации 30.09.2020

Для цитирования: Мигулева М.В. Киберпространство как социальный институт: признаки, функции, характеристики // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4 (41). С. 199-212. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10413

Аннотация

Киберпространство представляет собой сложный многоаспектный феномен, который требует многостороннего описания и комплексного изучения, в том числе с помощью междисциплинарного подхода. В предлагаемой статье феномен киберпространства рассматривается на основе социально-философского подхода. Представлена краткая история формирования понятия киберпространства и его современное позиционирование в западной и отечественной научной мысли. Целью статьи является рассмотрение процесса становления киберпространства как социального института, который обеспечивает устойчивые формы общественных взаимоотношений как между отдельными индивидами, так и внутри социальных групп, между организациями и общностями. Отмечены ключевые признаки и функции киберпространства как социального института. Одним из основных признаков социального института является наличие организационно-управленческих образований, которые обеспечивают выполнение институциональных правил и требований. В статье отмечены организации, формирующие и распространяющие социальные и технические стандарты в киберпространстве. Другим важным характерным при-

© Мигулева М.В., 2020

знаком институционализации киберпространства является разработка национальных доктрин и стратегий, международного и национального законодательства, регламентирующего общественные отношения в сети Интернет и определяющего, какие санкции будут применены в случае нарушения предписаний. Затронуты вопросы о ценностях в киберпространстве.

Ключевые слова:

киберпространство, социальный институт, институционализация, социальные нормы, общественные отношения.

UDC 101

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10413

CYBERSPACE AS A SOCIAL INSTITUTION: FEATURES, FUNCTIONS, CHARACTERISTICS

Maria V. Miguleva,

Saint-Petersburg State Agrarian University,
Department of Philosophy and Cultural Studies,
Applicant,
Head of International Cooperation Department,
Saint-Petersburg, Russia,
ORCID: 0000-0001-8468-3213,
E-mail: miguleva@spbgau.ru

Article received on September 11, 2020, accepted on September 30, 2020

To cite this article: Miguleva, M.V. (2020). Kiberprostranstvo kak social'nij institut: priznaki, funkicii, harakteristiki [Cyberspace as a social institution: features, functions, characteristics]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 4(41), 199–212. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10413

Abstract

Cyberspace is a complex multidimensional phenomenon that requires multilateral description and complex study through an interdisciplinary approach. In this article, the phenomenon of cyberspace is considered on the basis of a socio-philosophical approach. A brief history of the formation of the concept of cyberspace and its modern positioning in Western and domestic scientific thought is presented. The purpose of the article is to consider the process of the emergence of cyberspace as a social institution, which provides sustainable forms of social relations between individuals and within social groups, and between organizations and communities. Key features and functions of cyberspace as a social institution are noted. One of the main features of a social institution is the presence of organizational and managerial entities that ensure the implementation of institutional rules and requirements. The article discusses the activities of such organizations

that form and disseminate social and technical standards in cyberspace. Another important characteristic of the institutionalization of cyberspace is the development of national doctrines and strategies, international and national legislation governing public relations on the Internet and determining the imposition of sanctions in case of violation of regulations. The questions on the values in cyberspace are raised.

Keywords:

cyberspace, social institution, institutionalization, social norms, social relations.

Введение

Современность характеризуется глобальной сменой парадигмы и становлением информационного общества, в котором информация и знания становятся основным стратегическим ресурсом. Отметим, что на протяжении последних тридцати лет феномен киберпространства стал предметом для многочисленных дискуссий, а также объектом исследования для гуманитарных и технических научных дисциплин. Этому способствовало развитие информационно-коммуникационных технологий, а также повсеместное распространение всемирной сети Интернет (World Wide Web) в 90-х годах. В настоящий момент происходит усиление влияния киберпространства на все сферы деятельности человека, государства и частных организаций. С точки зрения социально-философского подхода одной из основных особенностей киберпространства становится его непосредственное участие в процессе нормотворчества.

Целью данного исследования является рассмотрение киберпространства как социокультурного феномена в контексте его становления в качестве нового социального института. Следует отметить, что, с одной стороны, киберпространство является инструментом, который используется разными социальными институтами с целью хранения и передачи традиций, социальных норм, ценностей, а с другой стороны оно само начинает выполнять функции социального института.

Киберпространство тесно связано с культурой. Оно оказывает существенное влияние на формирование мировоззрения, ценностей отдельного человека и целых социальных групп, распространение той или иной идеологии. Также в киберпространстве формируется новый вид культуры – киберкультура, а также создается своя контркультура, представленная субкультурами нового типа, которые возникают в киберпространстве (например, гики, аниме, геймеры, хакеры и другие). В рамках представленного исследования был проведен сопоставительный анализ зарубежных и отечественных научных работ и нормативных документов, рассматривающих феномен киберпространства с учётом социально-культурного аспекта.

Истоки понятия «киберпространство»

Несмотря на то, что киберпространство как явление стало общеизвестно порядка тридцати лет назад, военный исследователь из Колумбийского универ-

ситета Джейсон Хили (Jason Healey) (2019) утверждает, что военно-воздушные силы Америки занимаются разработкой технологий и концепций киберпространства на протяжении уже более 70-ти лет (с 1947 года). Военные рассматривают киберпространство одновременно как оружие, и как поле для боевых действий.

Термин «киберпространство» заимствован из художественной литературы. Так, впервые его употребил американско-канадский писатель Уильям Гибсон (William Gibson) в 1982 году в научно-фантастическом рассказе «Сожжение Хром», а потом в 1984 году в романе «Нейромант», назвав киберпространством компьютерную сеть, в которой действуют программы искусственного интеллекта. С появлением сети Интернет в 1990-х гг. киберпространством стали называть место для обмена сообщениями (the home of instant-messaging conversations), чаты (chat rooms), где геймеры могли общаться и играть в компьютерные игры. Позднее, с появлением блогов и других онлайн-ресурсов, киберпространство стало местом, где ведутся социальные и политические дискуссии, пропагандируются разные идеологии. В настоящее время термин «киберпространство» приобрел более широкое значение, разные исследователи определяют его с точки зрения разных аспектов.

Согласно Ф.Д. Крамеру (2009) в 2009 году в западном дискурсе уже насчитывалось порядка 28 определений термина «киберпространство». В энциклопедии «Британника» указывается, что сегодня киберпространством называют виртуальный мир, созданный связями между компьютерами, подключенными к Интернету через устройства, серверы, маршрутизаторы и другие компоненты инфраструктуры Интернета (Bussell, 2013). Утверждается, что в отличие от Интернета киберпространством называется место, которое создается этими связями. Оно имеет интернациональный характер и не зависит от отдельного национального государства.

Понятие «киберпространство» присутствует в социально-философском дискурсе, однако оно не всегда используется отечественным научным сообществом гуманитарного профиля. Наряду с термином «киберпространство» часто используются такие термины, как «киберсреда», «медиасреда», «медиапространство», «информационное пространство», «виртуальная реальность» и «сеть Интернет». В то время как западное научное сообщество использует термины «киберпространство» и «киберсреда», то в отечественных работах чаще используют термины «информационное пространство» и «Интернет». Наличие нескольких терминов указывает на то, что киберпространство является новым явлением, происходит процесс описания и изучения данного феномена.

В Российской Федерации в опорных правовых документах принято использовать термин «информационное пространство». Данный термин содержится в Указе Президента РФ от 9 мая 2017 г. N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» и в «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации» от 5 декабря 2016 г. В Стратегии развития информационного общества РФ даётся следующее определение понятия информационного пространства: это «совокупность информационных ресурсов, созданных субъектами информационной сферы, средств взаимодействия таких субъектов, их информационных систем и необходимой информационной инфраструктуры» (О Стратегии развития информационного общества ..., 2017). В этом определении приоритет отдается технологической

составляющей, в то время как для данного исследования интерес составляют, прежде всего, социальные аспекты киберпространства.

В настоящем исследовании используется термин «киберпространство». Французский профессор, политолог и историк Себастьян Ив Лоран (2015) указывает на то, что киберпространство имеет сложную архитектуру, и представляет собой новую социально-техническую реальность, которая оказывает существенное стратегическое влияние на социальные процессы в обществе, в том числе на политический контекст. В данной статье автор уделяет внимание вопросам становления и функционирования киберпространства в качестве самостоятельного социального института. Киберпространство рассматривается с позиции социально-философского подхода как единство информационно-технической среды и социально-культурного контента. В своей работе автор опирается на определение киберпространства из Оксфордского словаря Lexico, где оно понимается как «смысловая среда, в которой происходит коммуникация посредством информационных сетей» (Lexico, 2019).

Институционализация киберпространства

Отметим основные методологические подходы, которые используются отечественными исследователями при анализе феномена киберпространства как социального института. С.Н. Иконникова и В.П. Большаков (2005) опираются на социокультурный и аксиологический подходы, в их работах киберпространство в значительной степени отождествляется с понятием «виртуальная реальность». С.В. Бондаренко (2002) использует системный подход при исследовании киберпространства. Согласно его концепции, киберпространство является системным объектом, социальной общностью, состоящей из виртуальных сетевых микросоциальных и макросоциальных сообществ. Значительный вклад в изучение феномена сетевых онлайн сообществ, наряду с С.В. Бондаренко, внесли В.И. Курбатов, Р.В. Кончаковский, Л.Ш. Крупенникова, С.В. Куликов, О.М. Папа и другие. Р.В. Кончаковский (2010) рассматривает сеть Интернет не только как социальную технологию, но и как самостоятельную сферу жизни, трансформирующую социальную реальность общества. Ученый анализирует сетевое интернет-сообщество с точки зрения методологии социокультурного подхода. В его концепции сетевые сообщества представляются в качестве логико-смысловых единств, формирующих определенный ценностно-нормативный контекст. В.И. Курбатовым, С.В. Куликовым, О.М. Папой (2018) при анализе сетевых онлайн сообществ в качестве основного используется методология социального конструктивизма, методы структурного и функционального анализа. Согласно их исследованию, сетевые онлайн сообщества выражают новый тип социальности, конструируют новый информационный социум.

Отметим, что киберпространство приобретает характерные черты, которые являются обязательными атрибутами любого социального института. Рассмотрим понятие «социальный институт» и его основные признаки. Общественные дисциплины восприняли понятие «социальный институт» из юриспруденции, где под ним понимается совокупность правовых норм, которые регламентируют общественные отношения. В современной философии, а также в социологии понятие «социальный институт» рассматривается с двух основных позиций.

С одной стороны, социальный институт представляется как совокупность социокультурных норм, ценностей, установок, регулирующих общественные отношения и деятельность человека. С другой стороны, под социальным институтом понимается социальное образование, имеющее надындивидуальный характер и выступающее субъектом общественных отношений. С.В. Бондаренко (2002) отмечает надындивидуальность социальной системы киберпространства, акцентируя внимание на важности учета принципа целостности. Также исследователи Крупенникова и Курбатов (2014) указывают на то, что в сети Интернет сетевые онлайн-сообщества создают свои нормы, правила, ценности и способствуют формированию надындивидуального виртуального сознания.

В Стэнфордской философской энциклопедии отмечается, что в повседневном языке общения и в современной философии нет четкого определения термина «социальный институт». В социологии этим понятием обозначаются сложные социальные формы. Современный социолог Джонатан Тюрнер (1997) предлагает следующее определение социального института: это «комплекс позиций, ролей, норм и ценностей, которые закрепляются в определенных социальных структурах и организуют относительно устойчивые формы человеческой деятельности...» (р. 6). Р. Скотт (R. Scott) и М. Валзер (M. Walzer) рассматривают понятие «социальный институт» с более узких позиций. Так, они утверждают, что социальный институт может являться отдельной организацией или представлять собой систему организаций, уполномоченных вести определенную социально-регламентированную деятельность в экономической, политической и других сферах (Scott, 1995; Walzer, 1983).

Социальные институты, такие как институт семьи, институт государства, институт религии и другие, формировались на протяжении длительного периода времени. Научно-технический прогресс, в частности, быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий, позволил создать новую среду – киберпространство, которая в короткий срок стала приобретать характерные черты социального института. Современность характеризуется тем, что происходит процесс институционализации киберпространства.

Профессор С. С. Фролов (2010) отмечает, что в социальном институте отношения выстраиваются при условии наличия некой потребности у одной из сторон и возможности заблокировать эту потребность – у другой стороны. Происходит формализация общественных отношений, установка определенных правовых и иных социальных норм. Основными общими признаками, характеризующими социальный институт, являются: наличие специальных организаций (учреждений), определяющих работу социального института; наличие материальных средств, обеспечивающих функционирование социального института; набор правил, социальных норм, регулирующих поведение людей и общественные отношения в рамках социального института; наличие системы ценностей, позволяющей социальному институту быть интегрированным в социально-политическую, идеологическую, ценностную структуры общества; социальный контроль (санкции и стимулы для управления общественными отношениями).

Согласно модели, предложенной Кларком (2010), киберпространство состоит из разных уровней: физический, логический, информационный, человеческий (люди). Данная модель киберпространства интегрирует два важных аспекта: технический и социальный. Физический и логический уровни связаны

с технологиями. Физический уровень включает материальные средства, обеспечивающие стабильную работу сети Интернет, к ним относится «железо» (аппаратные средства) – компьютеры, дата-центры, сервера, маршрутизаторы, провода и прочее. На логическом уровне – это протоколы и программное обеспечение. В то время как информационный (динамическая и статичная информация, включая все виды контента) и человеческий уровни связаны с социальной сферой.

Следует выделить то, что киберпространство устойчиво удовлетворяет одну из основных общественных потребностей – потребность в коммуникации. В киберпространстве формируются новые общественные взаимоотношения. Люди могут получить новые роли и статусы, отличные от тех статусов и ролей, которые у них есть в реальной жизни.

Процесс институционализации представляет собой переход к тому, что явление становится управляемым и структурно организованным. Лоран отмечает, что на разных уровнях киберпространства существует разный уровень управления. Так, он утверждает, что на уровне железа и программного обеспечения осуществляется достаточно сильный контроль киберпространства, при этом существует слабое управление семантическим полем киберпространства (Laurent, 2015). Продолжает разрабатываться и дополняться система социальных норм, набор правил поведения и санкций, карающих за нарушение формально-правовых основ, регламентирующих деятельность в киберпространстве. Кроме того, помимо формальных отношений и правил, в киберпространстве существуют неформальные объединения, которые создают свои кодексы поведения и определяют ценностные ориентиры. Эти сообщества часто формируются вокруг тех или иных информационных ресурсов. Они могут носить как открытый, так и закрытый характер, и представляют собой неформальные структуры киберпространства.

Что касается организационного оформления киберпространства как социального института, то можно выделить четыре ключевые организации, которые составляют ядро киберпространства и обеспечивают его ежедневную работу:

1. Общество Интернета (ISOC, Internet Society), которое является международной организацией, занимающейся развитием сети Интернет, обеспечением доступности сети Интернет для максимального количества пользователей в мире. Данная структура поощряет образовательную и общественную деятельность, направленную на популяризацию Интернета, финансирует и координирует общественные инициативы, связанные с Интернетом, распространяет стандарты, разработанные Инженерным Советом Интернета.

2. Инженерный Совет Интернета (Internet Engineering Task Force, IETF) – это открытое международное сообщество, которое разрабатывает и развивает протоколы и архитектуру Интернета. В него входят проектировщики, ученые, сетевые операторы и провайдеры, работа над проектами и улучшением технической среды Интернета ведется на добровольческих началах. Организация функционирует на следующих основных принципах: «открытое взаимодействие» (open process), «волонтерство» (volunteer core), «примерное согласие (консенсус) и исполнимый код» (rough consensus and running code), «ответственность за авторские права» (protocol ownership).

3. Консорциум World Wide Web (W3C) отвечает за разработку и внедрение единых технических стандартов для киберпространства. Он координирует ра-

боту более пятисот государственных и частных исследовательских организаций, корпораций, совершенствующих технологии Всемирной сети (World Wide Web). Рекомендации консорциума не защищены патентами и распространяются свободно, организация уделяет внимание проектам с открытым исходным кодом.

4. Корпорация по управлению доменными именами и IP-адресами (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers) является международной корпорацией, которая занимается урегулированием вопросов, связанных с доменными именами, IP-адресами и прочими аспектами функционирования сети Интернет. В России за управление доменными именами и IP-адресами отвечают Российский научно-исследовательский институт развития общественных сетей (РосНИИРОС) и Ru-Center («Региональный сетевой информационный центр»).

Следует отметить, что система ценностей в киберпространстве многообразна, поскольку киберпространство аккумулирует ценности разных социальных образований (профессиональных сообществ, религиозных сообществ, сообществ по интересам и др.). Важно, что в киберпространстве в достаточной мере действует принцип свободного доступа к информации. Архитекторы киберпространства заложили принципы открытого коллективного пользования разными цифровыми ресурсами. Именно поэтому консорциум World Wide Web уделяет основное внимание проектам с открытым исходным кодом. Тем не менее, в киберпространстве распространяется как свободное программное обеспечение, так и платное программное обеспечение, существуют как открытые бесплатные информационные ресурсы, так и закрытые, платные. Соответственно, ведётся полемика относительно концепта свободы в киберпространстве.

В 1996 году Д.П. Барлоу (J.P. Barlow), основатель и вице-председатель некоммерческой правозащитной организации «Фонд электронных рубежей» (Electronic Frontier Foundation), написал Декларацию независимости киберпространства (A Declaration of the Independence of Cyberspace) в ответ на попытку правительства США ввести цензуру в сети Интернет. Целью декларации является защита гражданских свобод и прав в киберпространстве, а также заявление о том, что киберпространство является глобальным общественным пространством, где должна быть свобода творчества и свободный обмен информацией.

Стоит акцентировать внимание на том, что разные социальные институты, государственные и частные структуры, формальные организации и неформальные сообщества продвигают свои ценности и духовно-нравственные ориентиры в киберпространстве. Важным принципом киберпространства является нейтральность. Однако на практике этот принцип далеко не всегда соблюдается, поскольку есть разные степени доступа к управлению контентом в сети, а также существуют и активно используются специальные технологии по раскрутке и продвижению контента. Соответственно, одни информационные сообщения и медиапродукты будут появляться чаще и попадать в топ новостей, а другие будут с трудом находиться в поисковиках. Кроме того, есть платные и бесплатные информационные ресурсы, ресурсы, принадлежащие разным государствам и частным лицам, корпорациям.

Ещё раз подчеркнем мысль профессора Лорана (2015), что семантическое (смысловое) поле киберпространства слабо контролируется управляющими субъектами, но при этом именно оно является стратегически важным сегмен-

том. Поскольку именно через смысловое поле киберпространства формируется общественное мнение, воспитывается подрастающее поколение, оказывается влияние на формирование мировоззрения, привычек и алгоритмов поведения людей. Проблема контроля семантического поля киберпространства заключается, в том числе, в больших объёмах данных (Big Data), в сложностях их обработки и анализа. Несмотря на то, что разные структуры сегодня работают для того, чтобы выявить опасный контент в социальных сетях и на других информационных ресурсах, в сети все же существуют такие негативные социальные явления, как буллинг (явление, которое зачастую встречается среди школьников, оно заключается в нанесении публичных оскорблений, распространении сплетен и клеветы, шантаже, запугивании и т. д.), хейтинг (открытое проявление ненависти в виде прямых публичных высказываний, в действиях), наличие в сети групп смерти и криминальных сообществ, продажа наркотиков через киберпространство и так далее.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации говорится о том, что основополагающими духовно-нравственными ценностями являются: «приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины» (О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, 2015). Соответственно, создание контента, пропагандирующего эти ценности, и его распространение в киберпространстве является важной задачей для формирования фундамента для будущего развития страны и обеспечения её национальной безопасности.

В правовом поле разрабатываются как международные, так и национальные документы, регулирующие человеческую и организационную деятельность в киберпространстве и предписывающие меры наказания за совершение противоправных действий. В частности, конвенция о киберпреступности является первым международным документом, предлагающим стандарты для правового регулирования киберпространства. Из национальных документов следует упомянуть стратегии и доктрины кибербезопасности (информационной безопасности), которые в западных странах обновляются на постоянной основе.

Каждая страна Европейского Союза имеет свою национальную стратегию кибербезопасности (National Cybersecurity Strategy). Создана специальная структура – агентство кибербезопасности ЕС (European Union Agency for Cybersecurity). Она занимается анализом действующих национальных киберстратегий, их разработкой и применением, а также распространением успешного опыта и созданием практических инструментов для того, чтобы члены ЕС могли оценить эффективность своих киберстратегий. Агентство кибербезопасности ЕС продвигает государственно-частное партнерство для того, что страны-члены ЕС могли успешно реализовывать свои национальные киберстратегии. В нормативно-правовых документах, связанных с киберпространством, рассматриваются такие вопросы, как управление структурой Интернет, защита персональных данных, защита от кибератак и киберпреступлений, вопросы интеллектуальной собственности и бесплатного доступа к научным работам и художественным произведениям, защита языкового и культурного разноо-

бразия, и, наконец, вопрос экологической защиты (вопрос связан с влиянием интернет-технологий на экологию, увеличением объемов производства аппаратных средств («железа»)).

Вопросы становления киберпространства в качестве нового социального института рассматривают отечественные и зарубежные исследователи. Датские ученые Мортен Т. Хойсгаард и Маргит Варбург (2005) утверждают, что «индивидуальные действия человека создают киберпространство как новую форму социального института» (р. 102). В данном случае исследователи придерживаются концепции, идущей от Макса Вебера, в которой социальные институты понимаются как комплексы действий индивидов.

Бондаренко С.В. (2002) утверждает, что «социальная общность киберпространства является формой общественной жизни людей, впервые в истории человечества носящей глобальный, наднациональный, надклассовый и надполитический характер». Им отмечено, что в киберпространстве можно выделить два базовых уровня организации деятельности человека: групповой и индивидуальный.

Согласно В.В. Хлипуну (2011) содержание сети Интернет оказывает решающее воздействие на формирование мировоззрения личности, конкурируя в этом плане с институтом семьи (с. 38). Киберпространство становится важным источником информации для людей, ускоряя информационный обмен между индивидами и разными социальными группами людей.

Российский исследователь А.А. Напалков (2008) определяет сеть Интернет как культурно-коммуникативный институт, обладающий определенной внутренней организацией и выполняющий определенные функции по отношению к личности и обществу. Он отмечает тот факт, что в сети общественные отношения выстроены иерархично. Так, есть деление на администраторов и пользователей. Администратор имеет право отказать в доступе к информационным ресурсам сети Интернет, ограничить возможности пользователей в случае, если пользователи нарушают законодательство, совершают противоправные действия.

Перечислим функции, который должен выполнять социальный институт:

- 1) создавать возможность для удовлетворения потребности и интересов членов социального института;
- 2) регулировать действия членов социального института в рамках социальных отношений;
- 3) обеспечивать устойчивость общественных отношений;
- 4) интегративная функция;
- 5) охранительная функция (социальный контроль).

Что касается киберпространства, то оно удовлетворяет несколько потребностей человека: в коммуникации, в получении информации, в развлечениях и т. д. Курбатов В.И., Куликов С.В., Папа О.М. (2018) отмечают, что индивидуальные и групповые потребности разного характера удовлетворяются посредством сетевых онлайн-сообществ, которые представляют собой новый вид социальности. Киберпространство выполняет функцию посредника, транслятора экономических, политических, религиозных, культурных и других норм, ценностных ориентиров, моделей поведения, тем самым оказывая влияние на формирование сходного поведения у разных социальных групп людей. Между участниками виртуальной коммуникации формируются определенные общественные отношения.

При этом исследователи Крупенникова и Курбатов (2014) замечают, что при погружении человека в новые формы социального взаимодействия, в виртуальную коммуникацию происходит изменение его личности, в том числе развитие таких специфических синдромов, как страхи, интернет-фобии, комплексы.

Российский исследователь Т.В. Ефимова (2014) указывает на то, что киберпространство выполняет интегративную функцию, объединяя людей на основе их интересов и потребностей, формируя тем самым основы для повышения солидарности в обществе. Медиа, являясь частью киберпространства, интегрированы в действия других социальных институтов, при этом они сами выступают социальными институтами. Следует отметить, что киберпространство интегрирует не только СМИ, но и другие информационные ресурсы. Кроме того, наряду с индивидами и группами людей в сети Интернет действуют электронные помощники (программы искусственного интеллекта), которых учат самостоятельно создавать контент и распространять его. Киберпространство становится надиндивидуальным субъектом, интегрирующим деятельность разных государственных и частных субъектов, а также деятельность электронных помощников (систем искусственного интеллекта). Также киберпространство выполняет функцию социального контроля, люди, нарушающие законодательство в сети, привлекаются к ответственности, и в случае доказательства виновности могут быть наказаны.

Заключение

Существует разница в подходах к рассмотрению феномена киберпространства. Наблюдается динамика изменений в описании и понимании данного явления. Изначально киберпространство было объектом для изучения исключительно военными, сегодня оно исследуется разными структурами и организациями. Разрабатываются специальные законодательные акты на мировом и национальном уровнях, создаются доктрины, национальные стратегии, предписывающие определенные правила поведения и регламентирующие общественные отношения в киберпространстве. В результате исследования можно сделать вывод, что киберпространство обладает всеми признаками социального института и выполняет определенные институциональные функции. Феномен киберпространства требует дальнейшего социально-философского осмысления. Процесс его становления в качестве нового социокультурного института происходит достаточно быстро. В дальнейших исследованиях предстоит более подробно рассмотреть стадии институционализации киберпространства, а также отдельно изучить вопрос полемики «методологического коллективизма» и «методологического индивидуализма» вокруг проблемы интегративного субъекта общественной жизни применительно в отношении к киберпространству.

Список литературы

1. Большаков, В.П., Иконникова, С.Н. (2005). *История культурологических теорий*. СПб.: Питер.
2. Бондаренко, С.В. (2002). Социальная система киберпространства

как новая социальная общность. *Научная мысль Кавказа. Приложение*, 12(38). Взято 05 сентября 2020, с http://cyberpsy.ru/articles/bondarenko-cyberpsy_social_community/

3. Ефимова, Т.В. (2014). Интернет как социальный институт (к вопросу о методологии исследования). *В мире научных открытий*, 3–5(51), 2004–2013.

4. Кончаковский, Р.В. (2010). *Сетевое интернет-сообщество как социокультурный феномен*. [Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького]. Электронный научный архив УрФУ. <https://elar.urfu.ru/handle/10995/3102>

5. Крупенникова, Л.Ш., Курбатов, В.И. (2014). Виртуальная личность: пет-мышление, сетевой психотип и Интернет-фобии. *Инженерный вестник Дона*, 2. Взято 05 сентября 2020, с <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-lichnost-pet-myshlenie-setevoy-psihotip-i-internet-fobii>

6. Курбатов, В.И., Куликов, С.В., Папа, О.М. (2018). Сетевые онлайн сообщества: факторы самоуправления в формировании цифрового гражданского общества. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 12. Взято 05 сентября 2020, с <https://cyberleninka.ru/article/n/setevye-on-layn-soobschestva-factory-samoupravleniya-v-formirovanii-tsifrovogo-grazhdanskogo-obschestva>

7. Напалков, А.А. (2008). Интернет как культурный коммуникативный институт. *Регионоведение*, 4, 332–339.

8. *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 (№ 683) (Россия)*. Взято 4 июня 2020, с http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/

9. *О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. (№ 203) (Россия)*. Взято 4 июня 2020, с <http://kremlin.ru/acts/bank/41919>

10. Фролов, С.С. (2010). Социальные институты в современном обществе. *Социология власти*, 3, 25–35.

11. Хлипун, В.В. (2011). Становление интернета как социального института. *Известия Волгоградского государственного технического университета*, 9(7), 38–42.

12. Bussell, J. (2013). Cyberspace. *Encyclopædia Britannica*. Взято 10 июня 2020, с <https://www.britannica.com/topic/cyberspace>

13. Clark, D. (2010). *Characterizing Cyberspace: Past, Present and Future. MIT/CSAIL Working paper. Version 1.2.*

14. Healey, J. (2019). From Cybernetics to Cyberspace. *Air Force Magazine*. Взято 10 июня 2020, с <https://www.airforcemag.com/article/from-cybernetics-to-cyberspace/>

15. Højsgaard, T.M., & Warburg, M. (2005). *Religion and Cyberspace*. Routledge.

16. Kramer, F.D. (2009). *Cyberpower and National Security: Policy Recommendations for a Strategic Cyberpower and National Security*. Washington, D.C., National Defense University Press.

17. Laurent, S. (2015). *Cyber Strategy: définir un horizon stratégique dans l'environnement cyber*. Взято 10 июня 2020, с <http://www.chaire-cyber.fr/IMG/pdf/chairecybertextefinal.pdf>

18. Lexico. (2019). Cyberspace. В *Lexico. Oxford Dictionary*. Взято 10 июня 2020, с <https://www.lexico.com/definition/cyberspace>
 19. Scott, R. (1995). *Institutions and Organizations. Ideas, Interests and Identities*. SAGE Publications, Inc.
 20. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. (2019). Social Institutions. В *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Взято 10 июня 2020, с <https://plato.stanford.edu/entries/social-institutions/>
 21. Turner, J. (1997). *The Institutional Order*, New York: Longman.
 22. Walzer, M. (1983). *Spheres of Justice*. New York: Basic Books.
-

References

1. Bol'shakov, V.P., & Ikonnikova, S.N. (2005). *Istoriya kul'turologicheskikh teorij* [History of cultural theories]. SPb.: Piter.
2. Bondarenko, S.V. (2002). Social'naya sistema kiberprostranstva kak novaya social'naya obshchnost' [The social system of cyberspace as a new social community]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza. Prilozhenie*, 12(38). Retrieved September 5, 2020, from http://cyberpsy.ru/articles/bondarenko-cyberpsy_social_community/
3. Bussell, J. (2013). Cyberspace. *Encyclopædia Britannica*. Retrieved June 10, 2020, from <https://www.britannica.com/topic/cyberspace>
4. Clark, D. (2010). Characterizing Cyberspace: Past, Present and Future. *MIT/CSAIL Working paper. Version 1.2*.
5. Efimova, T.V. (2014). Internet kak social'nyj institut (k voprosu o metodologii issledovaniya) [Internet as a social institute (to the question of research methodology)]. *V mire nauchnyh otkrytij*, 3–5(51), 2004–2013.
6. Frolov, S.S. (2010). Social'nye instituty v sovremennom obshchestve [Social institutions in modern society]. *Sociologiya vlasti*, 3, 25–35.
7. Hlipun, V.V. (2011). Stanovlenie internet kak social'nogo instituta [The formation of the Internet as a social institution]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 9(7), 38–42.
8. Healey, J. (2019). From Cybernetics to Cyberspace. *Air Force Magazine*. Retrieved June 10, 2020, from <https://www.airforcemag.com/article/from-cybernetics-to-cyberspace/>
9. Højsgaard, T.M., & Warburg, M. (2005). *Religion and Cyberspace*. Routledge.
10. Konchakovskij, R.V. (2010). Setevoe internet-soobshchestvo kak sociokul'turnyj fenomen [The networked Internet community as a sociocultural phenomenon] [PhD dissertation abstract, Ural Federal University named after First President of Russia B.N. Yeltsin]. Electronic scientific archive of Ural Federal University. <https://elar.ufu.ru/handle/10995/3102>
11. Kramer, F.D. (2009). *Cyberpower and National Security: Policy Recommendations for a Strategic Cyberpower and National Security*. Washington, D. C., National Defense University Press.
12. Krupennikova, L.Sh., & Kurbatov, V.I. (2014). Virtual'naya lichnost': net-myshlenie, setevoy psihotip i Internet-fobii [Virtual personality: net thinking, network psychotype and Internet phobias]. *Inzhenernyj vestnik Dona*, 2. Retrieved

September 5, 2020, from <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-lichnost-net-myshlenie-setevoy-psihotip-i-internet-fobii>

13. Kurbatov, V.I., Kulikov, S.V., & Papa, O.M. (2018). Setevye onlajn soobshchestva: faktory samoupravleniya v formirovanii cifrovogo grazhdanskogo obshchestva [Networked online communities: factors of self-government in the formation of digital civil society]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 12. Retrieved September 5, 2020, from <https://cyberleninka.ru/article/n/setevye-on-layn-soobshchestva-faktory-samoupravleniya-v-formirovanii-tsifrovogo-grazhdanskogo-obshchestva>

14. Laurent, S. (2015). *Cyber Strategy: définir un horizon stratégique dans l'environnement cyber*. Retrieved June 10, 2020, from <http://www.chaire-cyber.fr/IMG/pdf/chairecybertextefinal.pdf>

15. Lexico. (2019). Cyberspace. In *Lexico. Oxford Dictionary*. Retrieved June 10, 2020, from <https://www.lexico.com/definition/cyberspace>

16. Napalkov, A. A. (2008). Internet kak kul'turnyj kommunikativnyj institute [Internet as a cultural and communicative institute]. *Regionologiya*, 4, 332–339.

17. *O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: ukaz Prezidenta RF ot 31.12.2015* [On the Strategy for national security of Russian Federation] (№ 683). (Russ.). Retrieved June 4, 2020, from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669

18. *O Strategii razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017–2030 gody: ukaz Prezidenta RF ot 9 maya 2017 g.* [On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030: Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017] (№ 203). (Russ.). Retrieved June 4, 2020, from <http://kremlin.ru/acts/bank/41919>

19. Scott, R. (1995). *Institutions and Organizations. Ideas, Interests and Identities*. SAGE Publications, Inc.

20. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. (2019). Social Institutions. In *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Retrieved June 10, 2020, from <https://plato.stanford.edu/entries/social-institutions/>

21. Turner, J. (1997). *The Institutional Order*. New York: Longman.

22. Walzer, M. (1983). *Spheres of Justice*. New York: Basic Books.

УДК 30.308

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10414

ВЛАСТЬ КРИЗИСОВ НАД ИСТОРИЕЙ: ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ВЕЛИКИХ И БОЛЬШИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОВОРОТОВ С III ВЕКА ДО СОВРЕМЕННОСТИ, РЕСТАВРАЦИЯХ В РЕВОЛЮЦИЯХ И НЕОМЕРКАНТИЛИЗМЕ В НАШЕ ВРЕМЯ

Рецензия на: Колташов В.Г. Капитализм кризисов и революций: как сменяются формационные эпохи, рождаются длинные волны, умирают реставрации и наступает неомеркантилизм: монография. М.: РУСАЙНС, 2019 – 224 с.

Коряковцев Андрей Александрович,

Уральский государственный педагогический университет,
кафедра социологии, философии и культурологии, доцент,
кандидат философских наук,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-1745-0361,
E-mail: akoryakovtsev@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.04.2020, принята к публикации 01.09.2020

Для цитирования: Коряковцев А.А. Власть кризисов над историей: об исследовании Великих и Больших экономических поворотов с III века до современности, реставрациях в революциях и неомеркантилизме в наше время // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4 (41). С. 213-224. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10414

Аннотация

В рецензии проанализировано содержание монографии, посвященной актуальной теме: мировым и национальным экономическим кризисам и их социальным

© Коряковцев А.А., 2020

последствиям. Автор исследует кризисы, начиная с III века вплоть до современно-го. Использование столь обширного исторического материала связано с тем, что автор стремится отразить закономерности протекания экономических кризисов. Методологически исследование примыкает к марксистской традиции. Однако новизна привлекаемого материала заставляет автора выходить за рамки привычной марксистской сетки понятий. Он дополняет марксистскую оптику рассмотрения общественных процессов микрокопированием – приближением к незаметному издалека и макрокопированием – уменьшением большого, удалением от него и рассмотрением его в связи с другими большими событиями в контексте большого исторического потока. В результате этого ему удается убедительно показать иерархию кризисов и выделить Великие, Большие и Средние (обычные) экономические кризисы. Сам экономический кризис оказывается органической частью сложного социального явления, включающего в себя социальную и политическую революцию, а так же реставрацию. Впервые в российской историографии раскрывается экономический смысл реставраций. Обращаясь к современности, В. Колташов формулирует концепцию неомеркантилизма. Неолиберальная модель капитализма, основанная на системе глобального свободного рынка, на экспорте капиталов и производствах, предполагающая уничтожение или сокращение национальной промышленности и снижение стоимости совокупной рабочей силы, получает сильнейший, если не смертельный, удар. В новых исторических условиях она не удовлетворяет потребностям ни господствующих классов, ни рядовых граждан, ибо не решает социальных проблем, а только обостряет их. Вместе с тем, в обществе отсутствует класс, способный совершить антикапиталистическую революцию и создать общество на принципиально новых, социалистических, началах. Поэтому прийти на смену неолиберализму способна только иная модель капиталистической экономики. Это неомеркантилизм. Он представляет собой систему национальных экономик, в условиях экономических (и не только) войн практикующих протекционизм, развитие национальной промышленности, госрегулирование и мобилизационные практики. Все это предполагает социальную коррекцию капитализма, увеличение роли социально ориентированного перераспределения и госрегулирования.

Ключевые слова:

экономический кризис, социальная революция, реставрация, волны Кондратьева, неолиберализм, неомеркантилизм.

THE POWER OF CRISES OVER HISTORY: ON THE STUDY OF GREAT AND BIG ECONOMIC TURNS FROM THE THIRD CENTURY TO THE CONTEMPORANEITY, RESTORATIONS IN REVOLUTIONS AND NEO-MERCANTILISM IN OUR TIME

Review of: Koltashov V.G. Capitalism of crises and revolutions: how formation epochs change, long waves are born, restorations die, and neo-mercantilism begins: monograph. M.: RUSAJNS, 2019. – 224 pp.

Andrey A. Koryakovtsev,

Ural state pedagogical university,
Department of Sociology, philosophy and cultural studies,
Associated Professor, PhD,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-1745-0361,
E-mail: akoryakovtsev@yandex.ru

Article received on April 10, 2020, accepted on September 1, 2020

To cite this article: Koryakovtsev, A.A. (2020). Vlast' krizisov nad istoriej: ob issledovanii Velikih i Bol'shikh ekonomicheskikh povorotov s III veka do sovremennosti, restavracijah v revolyucijah i neomerkantilizme v nashe vremya [The power of crises over history: on the study of Great and Big economic turns from the third century to the contemporaneity, restorations in revolutions and neo-mercantilism in our time]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 4(41), 213–224. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10414

Abstract

The review analyzes the content of the monograph devoted to the vital topic: world and national economic crises and their social consequences. The author explores the crises from the third century up to the present. The use of such extensive historical material is due to the fact that the author seeks to reflect the low of economic crises. Methodologically, the study adheres to the Marxist tradition. However, the novelty of the material involved forces the author to go beyond the usual Marxist grid of concepts. It complements the Marxist optics of considering social processes by microscoping – approaching the invis-

ible from a distance and macroscoping – reducing the large, moving away from it and considering it in connection with other major events in the context of a large historical stream. As a result, he is able to convincingly show the hierarchy of crises and highlight the Great, Large, and Average (ordinary) economic crises. The economic crisis itself is an organic part of a complex social phenomenon that includes social and political revolution, as well as restoration. For the first time in Russian historiography, the economic meaning of restorations is revealed. Referring to the present, V. Koltashov formulates the concept of neomercantilism. The neoliberal model of capitalism, based on a system of global free markets, on the export of capitals and productions, which assumes the destruction or reduction of national industry and a reduction in the value of the total labor force, receives the strongest, if not the deadliest, blow. In the new historical conditions, it does not meet the needs of either the ruling classes or ordinary citizens, because it does not solve social problems, but only exacerbates them. At the same time, there is no class in society that can make an anti-capitalist revolution and create a society on fundamentally new, socialist principles. Therefore, only a different model of capitalist economy can replace neoliberalism. This is neomercantilism. It is a system of national economies that practice protectionism, development of national industry, state regulation and mobilization practices in the conditions of economic (and not only) wars. All this implies a social correction of capitalism, an increase in the role of socially oriented redistribution and state regulation.

Keywords:

economic crisis, social revolution, restoration, Kondratiev waves, neoliberalism, neomercantilism.

В позднесоветское и пореформенное время в Россию хлынула масса новой философской, художественной и научной литературы – и не только из спецхранов, но и из-за рубежа. Научная интеллигенция жадно набросилась на нее, и этот интерес психологически был понятен и обоснован.

Следовало бы ожидать, что столь масштабное освоение новых научных данных, теорий, концепций, гипотез даст тут же потрясающий научный эффект в виде ошеломительных открытий и новых революционных теоретических прорывов, совершенных на отечественной интеллектуальной почве. Однако этого не произошло. Случилось противоположное: российская обществоведческая наука на несколько десятилетий наполнилась эпигонским повтором («перевариванием») зарубежных и отечественных консервативных, постмодернистских, позитивистских, либеральных и марксистских школ без попытки их критической фильтрации и самостоятельного исследования современности. Понятия «Модерн», «мир-система», «центр», «периферия», «тоталитаризм», «постсовременность», «постобщество», «социальное государство» и т. д. вытеснили прежние, «марксистско-ленинские», понятия и схемы. Причем последние чаще всего просто отбрасывались так же без научной критики, со всем полезным, что в них было.

Ни к каким открытиям, объясняющим глобальные общественные процессы, вспахавшие общественную почву в XX веке, это не привело. Советское общество, советская экономика, причины их рождения и краха, природа постсоветской общественной системы и закономерности постсоветского общественного раз-

вития – все это осталось и остается до сих пор разменной монетой политических и идеологических манипуляций, но не предметом независимого научного поиска. Если в теологии, по выражению Л. Фейербаха, *необъясненное объясняется необъяснимым же*, то в данном случае теоретические проблемы решаются тем, что просто придумываются новые слова, то есть, процедура объяснения сводится к переименованию уже известного или того, что следовало бы понять. Например, в «марксизме-ленинизме» было принято противопоставлять капиталистическое и советское общества до такой степени, что отсутствовало объединяющее их понятие. Однако накопление эмпирических фактов привело к тому, что наряду с различием между ними стало очевидным и общее содержание (просветительский пафос власти, буржуазный горизонт обывательской морали и т.д.). Но вместо того, чтобы представить это как *проблему* (ибо тождество отнюдь не обязательно отменяет различие), было изобретено новое понятие, к которому эти два столь разных общества были подведены, и понятие более всего культурологическое, нежели социо-экономическое: «общество Модерна». Вышло, что Викторианская Англия и французское общество XVIII века и советское общество начала XX века – все это «общества Модерна». Экономические, политические, культурные различия данное понятие не отражает. А можно вообще прибегнуть к чувственному образу и определенный род общественных событий назвать «черными лебедями», как это сделал трейдер и публицист Н. Талеб, за которым последовали многие российские журналисты, словно они, называя катастрофу 9/11 или кризис 2008 года «черными лебедями», делают их яснее.

Предположим, что одна из причин подобного упрощения – высокая степень идеологической несвободы российского академического сообщества. Идеологическая конъюнктура в виде «борьбы с марксизмом» (или его игнорирования) как ценность стала довлеющей и заменила ценность истины. Однако гораздо существенней другое. Само общественное развитие постсоветского общества не порождало ничего такого, что могло бы разрушить сложившуюся в перестроечную эпоху картину мира в ее самых разнообразных идеологических ракурсах – консервативном, либеральном, несоветском и леворадикальном. При всех противоречиях между ними все они, в общем, отражали одну и ту же общественную практику и не выводили за ее пределы.

И вот что-то в российском обществе случилось. Одна за другой стали появляться книги, полные оригинального научного содержания, причем такого, которое указывает на то, что приход новой общественной эпохи уже не за горами. Наиболее ценными – и редкими – из них являются книги по экономике. Одна из них – монография известного российского экономиста Василия Колташова «Капитализм кризисов и революций: как сменяются формационные эпохи, рождаются длинные волны, умирают реставрации и наступает неомеркантилизм» – вышла в свет в 2019 г.

Название этой книги много обещает читателю, особенно подзаголовок, обнадеживающий необычным аналитическим исследованием. Автор связывает свои идеи с марксистской традицией. Это имеет свои основания: на первом месте в книге – тема экономических кризисов, классическая для марксизма, эта тема освещается конкретно-исторически, что так же отсылает к нему. Вместе с тем сам анализируемый материал заставляет автора выходить за рамки привычных марксистских схем и дихотомий и обращаться к новым понятиям и методологи-

ческим ходам. Ревизия? Да. Но не как идеология, приспособливающая учение Маркса к политической конъюнктуре, а как научная процедура, обусловленная логикой научного поиска. Например, автор вроде бы использует классические марксистские понятия, скажем, «общественно-экономическая формация» или «диктатура пролетариата», но преломляет их сквозь призму общественных реалий XX века. Так эти понятия конкретизируются, наполняются историческим смыслом, и мы читаем у него уже про «формационные эпохи» и про «экономическую диктатуру пролетариата» – а здесь акценты расставлены уже иначе. Эти акценты были уже высвечены нами (Коряковцев, Вискунов, 2017), В. Колташов продолжает удачно раскрывать их эвристический потенциал.

Другой его «ревизионистский» прием заключается в оригинальной точке зрения на капитализм. Нет, он ничего не пишет о невозможности антикапиталистической альтернативы. Однако эта альтернатива может оказаться реальной лишь при наличии в обществе революционного субъекта, а онный уже на протяжении десятилетий себя практически не обнаруживает или делает это явно недостаточно для свершения антикапиталистической социальной революции. Поэтому В. Колташов обращает внимание на противоречия в практике самих господствующих слоев, заставляющих их менять модели экономического развития. Так он оказывается ближе, нежели представители традиционного истмата, к К. Марксу, который писал в 1867 г.: «теперешнее общество не твердый кристалл, а организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения» (Маркс, 1960). Эти формы превращения капитализма до сих пор остаются мало изученными.

С первых страниц книги В. Колташова читатель погружается в анализ кризисов III и XIV веков, коренным образом преобразовавших человечество. Но какое отношение коллапс экономики великого имперского Рима, Китая и государств Центральной Азии имеет к кризисам уже промышленной эры и даже нашей якобы «постиндустриальной эпохи»? Что все это может дать пониманию кризисов в целом и поворотных событий, берущих начало в 2008 году? Очевидно, автор предпринимает исследование этих частных случаев экономических кризисов, чтобы описать и сформулировать закономерности их протекания.

Кризисы приходят, когда важнейшие механизмы экономики теряют эффективность. Нужно показать, что так происходило всегда, хотя условия и особенности кризисов разного уровня (Великих, Больших, и «средних», обычных) были разными. Не поняв этого, едва ли можно уловить те конкретные особенности, которые превратили кризисы 1973–1982 гг. и 2008–2020 гг. в *кризисы-эпохи* или, как называет их Колташов, в Большие кризисы. Это обозначает не количественную величину, а особое качество, за которым скрывается особая цикличность подобных кризисов. Один из них – кризис XIV века – определил черты капитализма, первоначально торгового (здесь вспоминается теория М. Покровского), а затем промышленного. Все они определяют условия общественного развития на десятилетия. Но в истории, как показано в исследовании, были отмечены и кризисы еще большего значения – Великие кризисы.

Стало быть, существует иерархия кризисов; описание этой иерархии мы и находим в данном исследовании.

Экономические кризисы и социальные революции В. Колташов рассматривает как единые общественно-исторические, динамично развивающиеся

организмы. Так, он анализирует революцию во Флоренции, первоначально очень успешную, прошедшую даже собственную фазу реставрации, и все это на фоне экономической катастрофы XIV в. Позднее крушение «социалистического лагеря» показало, что имеется единая экономическая логика у революций, а также общая логика их свертывания. Согласно В. Колташову, это логика буржуазного развития, даже если она прикрывалась социалистической фразой.

После потрясений XIV века, запомнившихся европейцам чумой и голодом, мир вступил в меркантилистскую эпоху. Феодалные отношения еще оставались, но развитие с этого момента определяли уже рыночные методы хозяйствования. Они породили редкие и кажущиеся случайными Большие кризисы. В. Колташов заостряет на них внимание как на предшественниках Больших кризисов промышленного капитализма, регулярно возникавших после тяжелейшего кризиса 1770–1783 годов (его выявление и описание – несомненная заслуга автора). Поворотные ситуации 1973–1982 гг. и 2008–2020 гг. находятся в этом ряду, как и Великая депрессия 1929–1933 гг., и кризис 1873–1880 гг., вызвавший затруднения в теоретических построениях у К. Маркса и Ф. Энгельса.

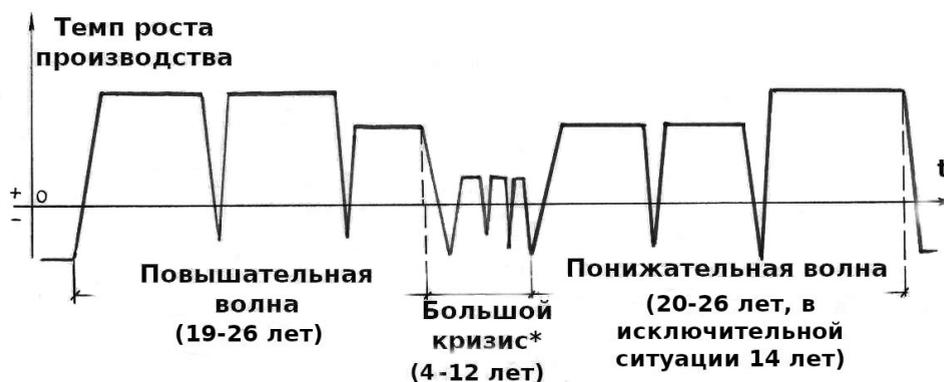
В последней четверти XVIII века родились длинные волны, описанные впервые Н.Д. Кондратьевым. Обнаружив особую цикличность в экономике, он показал: в период всякой большой волны (приблизительно 25 лет) помещаются торгово-промышленные циклы с венчающими их кризисами перепроизводства. Эти циклы, в свою очередь, были описаны французским экономистом К. Жюгляром, четкую теорию кризисов перепроизводства дал К. Маркс в «Капитале». Но отличие кризисов среднего цикла от кризисов цикла большого им не было известно, ибо необходимый исторический материал не был еще накоплен. Он появился и был систематизирован лишь во второй половине XX века. Особую роль в этом сыграл советский экономист Л.А. Мендельсон из Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

Отталкиваясь от материала Л.А. Мендельсона, а так же французского историка Ф. Броделя и других ученых, В. Колташов проанализировал экономические повороты 1770–1783 и 1810–1820 годов и обнаружил в них проявления острейших кризисов. В итоге открылась изумительная картина: с конца XVIII века по наши дни всякая длинная волна развития («волна Кондратьева») поднималась и погибала от Большого кризиса (см. рис. 1). Рецензируемое исследование содержит теорию таких кризисов, выраженную достаточно ясно, без нагромождения наукообразной терминологии, несмотря на сложность поднимаемых вопросов.

Исторического материала в книге много, но его могло быть еще больше. Однако задача автора, очевидно, была не в открытии читателю новых фактов, а в том, чтобы расставить известные (а порой и новые факты) на правильные в историческом смысле места. Например, в учебниках экономики об обычных кризисах не забывают. Н.Д. Кондратьев называл их средними и относил их к кризисам среднего цикла, которые можно также назвать торгово-промышленными. Продолжительность таких кризисов невелика. Зато велика продолжительность сменяющих длинные волны Больших кризисов, о которых и пишет В. Колташов. Более того: развитие контрциклической политики приводит к растягиванию таких кризисов, и они обретают многоволновую структуру (см. рис. 2). По слову Ф. Броделя, ураганы, подобные Великой депрессии 1929–1933 гг., превращаются

Рисунок 1 – Большие экономические кризисы до и после промышленного поворота 1770–1783 гг. (Колташов, 2019)

*Динамика большого кризиса показана в наиболее сложном варианте, когда периоды оживления сменяются новыми спадами или депрессиями, более характерной для промышленного капитализма XIX – первой половины XX в. была структура, где за обвалом рынков следовала длительная депрессия (Колташов, 2019).

Рисунок 2 – Повышательная волна, Большой кризис и понижательная волна

в наводнения. Таким образом, новая связь уже известных фактов дает иную картину.

Но сколько бы волн ни имели Большие кризисы, они заканчиваются. Наступает время нового экономического подъема. Анализируя события XVIII–XXI вв., автор показывает, что повышательные волны характеризуются ростом на основе освоения ресурсов мирового рынка в его прежнем размере. Это более качественное освоение ресурсов, их вовлечение в экономический процесс при его технологическом перевооружении. Понижательная волна есть эпоха расширения

глобального рынка, включения в него ранее мало связанных или вовсе изолированных областей планеты. Поистине чудесным по яркости здесь является пример экономического подъема капитализма 1880–1894 гг., когда раздел Африки и иные колониальные захваты дали основу для преодоления тяжелого кризиса 1873–1880 гг. и двух десятилетий экономического роста. Всякая понижательная волна имеет подобную основу, но никогда не лишена развития технологий. Всякий Большой кризис порождает технологическую революцию, стремительное развитие выпуска новых товаров и бум новых отраслей. Но технологические перевороты, утверждает В. Колташов, разнятся в зависимости от задач, стоящих перед экономикой. Не все новое получает право на быстрое развитие.

По сути своей Большие кризисы являются кризисами в рамках вполне обычных торгово-промышленных циклов. Однако описанных К. Марксом в «Капитале» механизмов для их преодоления оказывается недостаточно. Кризисы не завершаются, как только обновляют машины и формы организации труда. Оказывается необходимым создание новых отраслей и новых товаров. Вот что обеспечивает технологическую революцию всякого Большого кризиса.

Какие макроэкономические течения видит В. Колташов в наше время? Для обозначения наиболее перспективного из них он использует слово «неомеркантилизм». Неолиберальная эпоха, эпоха «свободной торговли», ВТО, ВМФ, ВБ и «Вашингтонского консенсуса», с которыми если и не все соглашались, то все терпели, завершилась. С окончанием понижательной волны 1982–2008 гг. и зарождением новой повышательной волны (на долгие 25 лет), наступает время сильного государства, протекционизма и континентальной интеграции в Евразии, а может быть и на других континентах. Неомеркантильная практика становится нормой. Естественно, неомеркантилизм никак не означает сокращение мировой торговли, просто правила становятся иными, и гегемония США ослабевает, рассыпается, отвергается и уходит.

Анализируя Большой кризис, длящийся с 2008 г. по сегодняшний день, автор приходит к выводу о том, что он становится толчком развития промышленного капитала. По его словам, в экономическом соревновании держав добьется успеха тот, кто будет развивать национальное производство. Понимание этого обстоятельства обеспечит успех новых, евразийских, центров развития, но только в том случае, если «невидимая рука рынка» там будет иметь рядом вполне зримую могучую руку государства, точнее, высшей бюрократии. Это касается и России. Рост влияния российского государства на разных экономических направлениях позволяет ему использовать предоставленные историей возможности и отвечать на внешнеполитические вызовы так, как положено отвечать глобальному игроку, а не «вечной сырьевой периферии», куда уже давно, но преждевременно, записали нашу страну.

Содержащийся в монографии прогноз в целом таков: в новую, неомеркантилистскую, эпоху евразийские экономические центры получат возможность ускорить развитие, а в их орбите будут оказываться и меньшие экономики; старые лидеры, такие как США, Великобритания и сильнейшие центры ЕС, будут терять позиции.

Эвристическое значение тезиса о неомеркантилизме велико и оно не раскрыто предыдущим рецензентом данной книги (Фишман, 2020). Он не видит в окружающей действительности ни экономического подъема, ни политических

перемен (рецензия была написана осенью 2019 г.), и этого рецензенту достаточно, чтобы обнаружить в данной идее «порождение скорее идеологии, чем науки» (Фишман, 2020, с. 128). Удивительное суждение! Словно цель науки заключается только в том, чтобы подгонять под какое-либо понятие то, что стало вполне очевидным. Но политические перемены, по крайней мере в России, уже начались. Ушло в отставку либеральное правительство Д. Медведева, состоялась конституционная реформа. До подъема экономики дело еще не дошло, до масштабной реиндустриализации – тоже, однако новая власть в условиях кризиса реагирует на него не так, как либеральные правительства в 1991, 1998, 2008 гг. Причем надо понимать, что мы в настоящее время находимся в самом начале нового политического и экономического процесса, от него нельзя пока ждать завершенных результатов. Идея неомеркантилизма призвана отразить динамику, а не итог перемен. Поэтому отвергать ее только на основании небольших экономических показателей – значит не понимать, о чем идет речь. Это такая же бессмыслица, как, скажем, отрицать перспективу капиталистического развития для XIV в., указывая на отсутствие экономического подъема и политических перемен. Цыплят по осени считают, но «онтологически» они начинают существовать гораздо раньше. Концепция В. Колташова – прогнозная, в этом смысле она следует традиции марксовых концепций, не описывающих то, что и без них видно каждому, а то, что только *становится*.

Суть идеи В. Колташова в том, что неолиберальный капитализм не есть фукуямовский «конец истории», и в то же время он не является непосредственным кануном антикапиталистической революции, как хотелось бы представить дело леворадикальным теоретикам. Возможности последней плохо просматриваются в современном мире, много проще найти больше фактов, подтверждающих именно правоту Фукуямы. Казалось бы, сам Фукуяма уже об этом передумал, в общественной мысли появилось убеждение о кризисе неолиберальной системы... Но динамика ее кризиса до сих пор оставалась неясной, она представляла как «странная не-смерть неолиберализма», по ехидному замечанию К. Крауча (Крауч, 2012). Действительно: если не понятно, чем сменится неолиберализм, если мы не знаем его естественноисторическую границу, то можно бесконечно долго говорить о его кризисе и загнивании, уподобляясь незадачливым советским пропагандистам и бессмысливая сам тезис о его неминуемом конце. Концепция неомеркантилистского поворота как раз отражает те общественные тенденции, которые обозначают конец неолиберальной эпохи – но ни в коем случае не конец капитализма как такового.

Вопрос о революциях в книге является производным из вопроса о кризисах различной иерархии и функций в истории. О них В. Колташов говорит как экономист. Социальные революции, согласно его анализу, тесно связаны с экономическими кризисами, но сами эти революции бывают разными. Кризисы III и XIV веков стали предпосылками важнейших социальных революций в истории классовых обществ. Последний из этих кризисов породил капитализм, который, как считает В. Колташов вопреки часто встречаемому мнению, никак не может быть следствием промышленной революции. В раннюю капиталистическую эпоху развиваются в соперничестве нации, и в обществе возникает потребность в очищении их от феодальных пережитков и внешней зависимости. В этом состоит задача великих *модернизационных* революций. Они могут вы-

глядеть радикально, но об их истинной сути автор предлагает судить не по их лозунгам, а по фазе *реставрации*, которая до него не выводилась как общая для всех революций. Реставрации воплощаются в т.н. Славных революциях, чье экономическое назначение особо выделяется автором постольку, поскольку они придают свершившемуся экономическому перевороту исторически адекватную социально-политическую форму.

Революции, происходившие в Европе начиная с XIV века, автор изображает как воплощения исторического единства с кризисами и реставрациями, только имеющие особые этапы развития. Причем В. Колташова прежде всего интересуют реставрационные процессы, в которых не только проявляются истинные возможности революции преодолеть породивший их национальный кризис, но и симптомы последующего общественного развития.

Так называемая «Славная революция» в Англии 1688–1690 гг. или борьба за торжество Третьей республики во Франции 1870-х гг., оказываются необходимыми для развития наций и вполне логичными в контексте их исторического развития. Предшествовавшие этим внешне отдельным революциям периоды реставрации также закономерны как в экономическом, так и в широком общественном смысле. Автор показывает, что реставрационные периоды были и являются (в случае современных России и Китая) именно *необходимыми этапами* Великих модернизационных революций, которые, однако, несмотря на весь пафос своих кульминационных моментов и радикальных перемен, не выходят за границы капитализма как *формационной эпохи*, берущей свое начало в кризисе XIV века.

Последний тезис автора нам представляется уязвимым, ибо он не учитывает всю полноту структурных сдвигов в капиталистическом способе производства этих стран, масштаб и глубину его превращения. Автор остановился перед интереснейшей проблемой: российское и китайское общества в XX и XXI вв. демонстрируют как отличие от капиталистических обществ, так и сходство с ними. Но решить эту проблему без предпринятого им исследования невозможно. Кроме того, без него невозможно понять логику переживаемого ныне мировым сообществом кризиса и возникающие варианты общественного развития. В этом состоит главное достоинство данного исследования.

Список литературы

1. Колташов, В.Г. (2019). *Капитализм кризисов и революций: как сменяются формационные эпохи, рождаются длинные волны, умирают реставрации и наступает неомеркантилизм*. М.: РУСАЙНС.

2. Коряковцев, А.А., Вискунов, С.В. (2017). *Марксизм и полифония разумов*. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый.

3. Крауч, К. (2012). *Странная не-смерть неолиберализма*. Москва: Издательский дом «Дело».

4. Маркс, К. (1960). Капитал. Том первый. Предисловие к первому изданию. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 23). М.: Политиздат.

5. Фишман, Л. (2020). От неолиберализма к неомеркантилизму? *Мировая экономика и международные отношения*, 64(3), 125–129.

References

1. Fishman, L. (2020). Ot neoliberalizma k neomerkantilizmu? [From neoliberalism to neo-mercantilism?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 64(3), 125–129.
2. Koltashov, V.G. (2019). *Kapitalizm krizisov i revolyutsii: kak smenyayutsya formatsionnye epokhi, rozhdayutsya dlinnye volny, umirayut restavratsii i nastupaet neomerkantilizm* [Capitalism of crises and revolutions: how do formation epochs change, long waves are born, restorations die, and neo-mercantilism sets in]. M.: RUSAINS.
3. Koryakovtsev, A.A., & Viskunov, S.V. (2017). *Marksizm i polifoniya razumov* [Marxism and the polyphony of reasons] M., Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi.
4. Krauch, K. (2012). *Strannaya ne-smert neoliberalizma* [The strange non-death of neoliberalism]. Moscow: Izdatelskij dom «Delo».
5. Marks, K. (1960). Kapital. Tom pervyj. Predislovie k pervomu izdaniyu [Capital. Volume one. Preface to the first edition]. In K. Marks, & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 23). M.: Politizdat.

**СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ:
ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ДИСКУРС»,
ПОСВЯЩЕННОЙ 75-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ
(07.10.2020, ЕКАТЕРИНБУРГ)**

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Заведующая отделом философии,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0001-6920-2549,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Кокоулин Владислав Геннадьевич,

Новосибирское высшее военное командное училище,
Сибирский университет потребительской кооперации,
Главный редактор научно-исторического журнала
«Сибирский Архив»,
доктор исторических наук, профессор,
Новосибирск, Россия,
ORCID: 0000-0001-6375-0173,
E-mail: kwladislaw@yandex.ru

Грибовод Екатерина Григорьевна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат политических наук,
научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-1192-5952,
E-mail: gribovod_kate@mail.ru

Ковба Дарья Михайловна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
научный сотрудник,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-2048-0967,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.10.2020, принята к публикации 09.11.2020

Для цитирования: Русакова О.Ф., Кокоулин В.Г., Грибовод Е.Г., Ковба Д.М. Современные трансформации политики памяти: некоторые итоги Всероссийской научной конференции «Политика национальной памяти: теория, практика, дискурс», посвященной 75-летию Великой Победы (07.10.2020, Екатеринбург) // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4 (41). С. 225–238. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10415

Аннотация

В статье говорится об основных трансформациях, которые претерпела политика памяти в странах Европы и в России, начиная с момента крушения биполярного мира и до сегодняшнего времени. Выделяются три основных этапа данной трансформации. Первый этап приходится на период перестройки и развала СССР, когда под влиянием либеральной пропаганды происходит радикальная смена политического дискурса, связанная с установлением знака равенства между социализмом и тоталитаризмом. Второй этап (1991–2008 гг.) – время создания на посткоммунистическом пространстве новых идеологических институтов, формирующих политику памяти, альтернативную советскому периоду. На данном этапе Европейский парламент создаёт собственную европейскую модель политики памяти, в основу которой положен тезис о тождественности нацистского и сталинского режимов. В эти же годы складывается концепция «двойной жертвы», поскольку народы Центральной и Восточной Европы считаются жертвами двух оккупаций – гитлеровской и советской. Третий этап (2008–2020 гг.) ознаменован пересмотром политическими лидерами европей-

ских государств представлений о причинах и об итогах Второй мировой войны. В Европе складывается концепция равной ответственности гитлеровской Германии и СССР за развязывание данной войны.

Указанные процессы оказались в центре внимания участников Всероссийской научной конференции «Политика национальной памяти: теория, практика, дискурс», посвященной 75-летию Великой Победы, которая состоялась в г. Екатеринбурге 7 ноября 2020 г.

Авторы статьи кратко раскрывают содержание докладов, прозвучавших на конференции, выделяют дискуссионные вопросы и предложения по дальнейшему совершенствованию механизмов управления культурой исторической памяти.

Ключевые слова:

Всероссийская конференция, трансформация политики памяти, Великая Отечественная война, коммеморативные практики, постсоветское пространство, информационные технологии политики памяти.

UDC 321+323

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10415

**MODERN TRANSFORMATIONS
OF MEMORY POLICY: SOME RESULTS
OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE
«POLITICS OF NATIONAL MEMORY:
THEORY, PRACTICE, DISCOURSE»,
DEDICATED TO THE 75TH ANNIVERSARY
OF THE GREAT VICTORY
(07.10.2020, EKATERINBURG)**

Olga F. Rusakova,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Head of the Department of Philosophy,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0001-6920-2549,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Vladislav G. Kokoulin,

Novosibirsk higher military command school,
Siberian University of consumer cooperation,
Scientific and historical journal «Siberian Archive», Editor-in-chief,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Novosibirsk, Russia,
ORCID: 0000-0001-6375-0173,
E-mail: kwladislav@yandex.ru

Ekaterina G. Gribovod,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Political Sciences,
Researcher,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-1192-5952,
E-mail: gribovod_kate@mail.ru

Daria M. Kovba,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Researcher, Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-2048-0967,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Article received on October 12, 2020, accepted on November 9, 2020

To cite this article: Rusakova, O.F., Kokoulin, V.G., Gribovod, E.G., & Kovba, D.M. (2020). *Sovremennye transformacii politiki pamyati: nekotorye itogi Vserossijskoj nauchnoj konferencii "Politika nacional'noj pamyati: teoriya, praktika, diskurs", posvyashchennoj 75-letiyu Velikoj Pobedy (07.10.2020, Ekaterinburg)* [Modern transformations of memory policy: some results of the all-Russian scientific conference "Politics of national memory: theory, practice, discourse", dedicated to the 75th anniversary of the Great Victory (07.10.2020, Ekaterinburg)]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 4(41), 225-238. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10415

Abstract

The article describes the main transformations that memory politics has undergone in Europe and Russia, from the moment of the collapse of the bipolar world to the present day. There are three main stages of this transformation. The first stage occurs during the period of perestroika and the collapse of the USSR, when under the influence of liberal propaganda, a radical revision of the political discourse occurs, associated with the establishment of an equal sign between socialism and totalitarianism. The second stage (1991–2008) was the time when new ideological institutions were created in the post-Communist space, forming a policy of memory alternative to the Soviet period. At this stage, the European Parliament is creating its own European model of memory policy, which is based on the thesis of the identity of the Nazi and Stalinist regimes. In the same years, the concept of "double sacrifice" was formed, since the peoples of Central and Eastern Europe are considered victims of two occupations – Hitler's and Soviet. The third stage (2008–2020) was marked by a revision of the ideas of European political leaders about the causes and results of the Second World War. In Europe, the concept of equal responsibility of Hitler's Germany and the USSR for unleashing this war is emerging.

These processes were the focus of attention of participants of the all-Russian scientific conference "Politics of national memory: theory, practice, discourse", dedi-

cated to the 75th anniversary of the great Victory, which was held in Yekaterinburg on November 7, 2020.

The authors of the article briefly reveal the content of the reports made at the conference, highlight the discussion issues and suggestions for further improvement of the mechanisms for managing the culture of historical memory.

Keywords:

All-Russian conference, transformation of memory policy, the Great Patriotic war, commemorative practices, post-Soviet space, informational technologies of memory policy.

Введение

Противоречивый характер вступления современного общества в эпоху постбиполярного мира сопровождается формированием новых трендов в политической идеологии, одним из которых выступает процесс трансформации политики памяти. Первым значимым трансформационным фактором, приведшим к глубокой перестройке дискурса политики памяти, стал распад СССР и всего социалистического блока в 1989–1990 гг. В данный период стал разрушаться 70-летний политический миф о ведущей роли Советского Союза и всего социалистического лагеря в международной борьбе против капиталистической системы. С помощью западных информационных технологий и усилий либеральной интеллигенции стал широко распространяться и утверждаться в массовом сознании тезис о тоталитарном характере всей социалистической системы (Лунев, 1989; Земцов, 2015).

В странах Европы политические трансформации 1989–1991 гг. стали триггером для такого явления, как «бум памяти». Масштабно начали разворачиваться научные и общественные дискуссии, главными темами которых были вопросы о пересмотре трактовок сущности политических режимов государств, входивших ранее в коммунистический блок, а также – об изменениях дискурса памяти о Второй мировой войне. Цель данной трансформации политики памяти сводилась к полному отказу от всех социальных и идейных практик социализма, что должно было привести к окончательной победе политического курса на декommунизацию общества (Гетман, 2019, с. 109).

Новым поворотным моментом, связанным с переходом процесса трансформации политики памяти в фазу её правового укрепления, стал 2008 год, когда Европарламентом была принята декларация, провозгласившая 23 августа (день, когда в 1939 г. был заключен пакт Молотова-Риббентропа) Европейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма (Declaration of the European Parliament . . . , 2008). Документ стал важной вехой в трансформации европейской политики памяти в сторону утверждения парадигмы «жертвы тоталитаризма», согласно которой народы Центральной и Восточной Европы могли быть представлены в образе «двойной жертвы», поскольку якобы одинаково пострадали от двух тоталитарных режимов – нацистского и коммунистического. В принятой Европарламентом 2 апреля 2009 г. резолюции «Об европейской совести и тоталитаризме» мы

видим дальнейшее политическое продвижение данной парадигмы, поскольку в ней утверждается, что с точки зрения жертв не имеет значения, какая из тоталитарных идеологий – коммунистическая или нацистская – преследовала своей целью угнетение людей (European Parliament resolution ..., 2009).

Накануне 75-летнего юбилея Победы, одержанной Советским Союзом вместе с другими странами антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне, на наш взгляд, все отчетливее стали проступать черты дальнейшего углубления трансформационного процесса в официальной политике памяти западных государств. Это проявилось, во-первых, в закреплении на общеевропейском уровне идеи о том, что СССР и Германия в одинаковой степени ответственны за развязывание Второй мировой войны, а во-вторых – в отрицании решающей роли Красной Армии и народов СССР в разгроме мирового нацизма (European Parliament resolution ..., 2019).

В современной России также происходит процесс трансформации политики памяти, правда в иных, отличных от стран Запада, направлениях. 75-летний юбилей Великой Победы стал важным поводом для того, чтобы подвести некоторые итоги и теоретически осмыслить происшедшие за последние 30 лет изменения в национальной политике памяти – в её концептуальной базе, меморативных практиках и дискурсе. Именно с этой целью 7 октября 2020 года в Институте философии и права УрО РАН была проведена очная Всероссийская научная конференция «Политика национальной памяти: теория, практика, дискурс», посвященная 75-летию годовщине Великой Победы.

Несмотря на то, что эпидемиологическая обстановка в стране всячески препятствовала проведению данной конференции в очном режиме (дата проведения конференции переносилась трижды), организаторам всё же удалось собрать на конференцию крупных специалистов из разных городов России – Москвы и Московской области, Новосибирска, Тюмени, Тамбова, Новотроицка (Оренбургской области). Заочно участвовали в конференции ученые из Челябинска, Липецка, Ялты, Иркутска, Владивостока, а также из других государств – Белоруссии и Киргизии.

В очной форме в работе конференции приняли участие 37 ученых, аспирантов и студентов из разных российских вузов и научных центров. Перед её началом в сети Интернет был размещен полный текст Программы конференции (Программа конференции ..., 2020), которая затем вышла в печатном виде. В научном журнале «Дискурс-Пи» в рубрике «Дискурс политики памяти» было опубликовано 15 докладов участников конференции, а во время её работы состоялась выставка-презентация всех выпусков данного журнала, посвященных вопросам изучения политики памяти, а также проблемам исследования ресурсов, инструментов и технологий «мягкой силы».

Чтение докладов проходило в рамках трёх панельных дискуссий: 1) Теоретико-методологические проблемы изучения политики национальной памяти; 2) Инфраструктура и ключевые стратегии политики национальной памяти; 3) Современные технологии политики национальной памяти.

Рассмотрим далее в краткой форме содержание проблематики, поднятой в докладах.

Проблематика основных докладов: краткое описание

Конференцию открыл академик РАН **Виктор Николаевич Руденко**. В своём вступительном докладе он остановился на чрезвычайной актуальности проблематики, поднимаемой участниками форума. В связи с усилившимся процессом становления новых идентичностей в современном мире в разных странах происходит переоценка устоявшихся исторических представлений. Активными акторами этого процесса являются органы государственной власти, устанавливающие нормативные параметры политики национальной памяти, и ряд общественных организаций, реализующих эту политику (институты национальной памяти и др.). Выступающий отметил, что проблемы политики памяти постоянно должны быть в фокусе внимания научного гуманитарного сообщества. При этом важно придерживаться принципов свободы научного творчества и выражения мнения. Однако проводимые исследования, в том числе посвященные переосмыслению событий и итогов Второй мировой войны, не должны стимулировать противостояние в обществе, ксенофобию и другие фобии, они должны быть нацелены на консолидацию общества¹.

Работа панельной дискуссии № 1 началась с доклада д-ра филос. наук, профессора **Вячеслава Васильевича Скоробогачко** (Уральский институт управления – филиал РАНХиГС), посвященного проблеме соотношения памяти и политики в структуре исторического знания. Автор отметил, что существует два устойчивых стереотипа: 1) о внутренней связи памяти и истории; о том, что история считается ответственной за формирование памяти о прошлом; 2) что политика негативно влияет на историю. Разбирая эти стереотипы, Скоробогачкий показал, что политика так или иначе присутствует в историческом знании, и этого не стоит пугаться. Однако при этом важно понимать, что политика может быть опосредована идеологически (например, знаменитое утверждение М.Н. Покровского о том, что быть настоящим историком – значит быть ленинцем) или культурно, в частности, политическая культура предполагает конкуренцию идеологий. Спецификой современной России является то, что мы по-прежнему мало способны к диалогу, а наш современный патриотизм – это та же триада С.С. Уварова «православие, самодержавие, народность», только переведённая в ценности начала XXI века.

В докладе д-ра полит. наук, профессора **Светланы Игоревны Глушковой** (Гуманитарный университет) были подняты острые вопросы, связанные с учетом связи сферы прав человека с вопросами реализации политики памяти. Докладчик подчеркнула: 1) основные права и свободы человека и гражданина как ценности современного российского общества и государства должны быть приоритетными при изучении, исследовании, интерпретации, переосмыслении исторической и национальной памяти; 2) важной в современном российском обществе и государстве является защита академической свободы, свободы мысли

¹ Доклад подготовлен в рамках программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности».

и слова, свободы преподавания, прежде всего курсов, связанных с исторической и национальной памятью; 3) при пересмотре исторических фактов и свидетельств, новых архивных данных и других источников недопустимо искажение истории, исторической правды, дискриминация отдельных социальных групп или национальных меньшинств, этнических групп.

Д-р истор. наук, профессор **Ольга Сергеевна Поршнева** (УрФУ) рассказала о том, каким образом Первая мировая война, которую на Западе называют Великой войной, положила начало практике коммеморации и политике памяти в европейских странах, став, по сути, главным «коммеморативным проектом» Запада. На примере поминовения событий Первой мировой войны в СССР, Поршнева показала, как политическая пропаганда может менять сознание человека и его отношение к тем или иным современным событиям.

Д-р полит. наук **Сергей Вячеславович Мошкин** (Институт философии и права УрО РАН), сопоставив историческую память и политику исторической памяти, показал, как происходило сначала возвеличение, а потом забвение «Красного дня календаря» – праздника Великой Октябрьской социалистической революции в СССР и постсоветской России. Докладчик сделал вывод о том, что за 100 лет существования и забвения этого праздника мы увидели все известные технологии политики исторической памяти.

Виктор Сергеевич Мартьянов (директор Института философии и права УрО РАН) отметил, что центром современной российской политики все чаще становится политика памяти или историческая политика. Причиной этого стало сложившееся в российском обществе status quo – неустойчивый баланс между потребностями ключевых социальных групп в социальном государстве и патерналистской политикой госрегулирования. В результате образ будущего уходит из политики, а стратегические планы и концепции развития предстают предельно размытыми по своим целям и содержанию и постоянно сдвигаются: на 2008 г., потом на 2020 г., теперь – на 2030 г. Любые изменения и реформы начинают восприниматься массовым сознанием скорее как тревожные угрозы и вызовы, чем потенциальные возможности. При этом ключевые символы национальной идентичности черпаются из советского XX века (Великая Отечественная война, космос), а дореволюционный период предстает как утративший высшие исторические символы и смыслы для современного массового сознания. Парадокс состоит в том, что российское общество не испытывает видимого дискомфорта от отсутствия общих высших ценностей в основе актуальной общегражданской идентичности. Отчасти это объясняется тем, что постсоветское общество паллиативно переключилось на социальную регуляцию с помощью ценностей более низкого порядка (локальных, сословных, корпоративных), которые не предназначены для воспроизводства современных наций-государств, базирующихся на универсальных ценностях².

Канд. ист. наук **Александр Сергеевич Луньков** (Институт философии и права УрО РАН) сообщил о том, что политика исторической памяти существовала задолго до её концептуализации, и показал это на примере понятия «русское

² Доклад подготовлен в рамках программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности».

воинство – христоролюбивое воинство», которое стало актуальным в середине XIX в. в связи с Крымской войной. На этом понятии он проиллюстрировал, как формировалось представление о той роли, которую играет православный монарх в развитии русского государства и мировой истории.

Выступление доцента РГГУ **Сергея Павловича Донцева** (Москва) было посвящено анализу современного дискурса Русской православной церкви, связанного с Крымом. Выступающий акцентировал внимание на проблеме много-составного характера этого дискурса. Была показана специфика сакрализации Крыма в церковном дискурсе, его «религиозная» и «героическая» составляющие, их эволюция и корреляция с событиями политической истории нашей страны.

Профессор **Матвей Юрьевич Ломоносов** (Тюмень) продемонстрировал результаты подробного анализа Косовского мифа в современном сербском обществе. Докладчик отметил, что этно-исторические мифы признаны одним из важнейших факторов формирования национальной памяти, конструирования идентичности и разжигания межэтнических конфликтов. При этом исследователи часто сосредотачиваются на межгрупповом противостоянии мифотворцев-интеллектуалов в войнах памяти. Такой подход нивелирует внутриаэтническое многоголосие и создает представление о национальной памяти как едином целом.

В выступлении **Степана Сергеевича Лифанова** (магистрант УрФУ) говорилось о том, что в странах Восточной Европы на момент их вступления в Европейский Союз уже сложилась своя модель исторической памяти, сфокусированная вокруг идеологического проекта «двойной жертвы» (жертвы одновременно коммунистического и фашистского тоталитарных режимов). В целом же, основным назначением проекта исторической памяти ЕС является обеспечение своего геополитического превосходства в информационном пространстве путём широкого применения манипулятивных технологий.

В своем выступлении **Кристина Александровна Галицкая** (аспирант Уральского института управления – филиала РАНХиГС) отметила, что политика национальной памяти представляет собой одну из технологий легитимации власти, особенность которой заключается в том, что она основана на прошлом. Это означает, что процесс легитимации власти, основывающийся только на данной технологии, не может быть эффективным на протяжении долгого времени. Прошлые исторические успехи и победы, а также традиционные ценности должны подкрепляться текущими успехами и планами на будущее.

В рамках второй панельной дискуссии в выступлениях профессора УрФУ **Василия Матвеевича Русакова** и зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН, д-ра полит. наук, профессора **Ольги Фредовны Русаковой** была подчеркнута важность изучения инфраструктуры политики новой национальной памяти как системы, включающей в себя организационно-кадровые, институциональные, и материально-финансовые ресурсы для ее последовательного проведения на национальном и международном уровне. Кроме того, отмечалось, что целый ряд современных изысканий в сфере политики памяти является лишь *идеологическим прикрытием* вполне материальных притязаний, которые не имеют ничего общего с исторической наукой. Говорилось, что характер многих зарубежных исследований отчетливо демонстрирует практическую направленность политики памяти на достижение конкретных целей – дискредитации России,

ослабления ее для достижения преимуществ в недобросовестной конкуренции, подрыва социально-политического и морального единства народов России.

Выступление канд. полит. наук **Дарьи Михайловны Ковба** и канд. полит. наук **Екатерины Григорьевны Грибовод** (Институт философии и права УрО РАН) было посвящено исследованию репрезентаций политики памяти на примере Республик Беларусь и Казахстан. Особое внимание докладчики уделили сравнительному анализу коммеморативных («мемориальных», «памятных») практик, существующих в данных постсоветских странах. По мнению докладчиков, для политики национальной памяти Казахстана и Белоруссии как в советское, так и в постсоветское время характерно обращение к героизму советских солдат и партизан, стойкости и мужеству тружеников тыла. Память о войне в данных государствах являлась основой для построения национальной идентичности, а также фактором легитимации политического режима. Одной из ключевых особенностей является конструирование памяти о войне в соответствии с национальными приоритетами и текущей политической обстановкой.

В сообщении канд. полит. наук, доцента кафедры философии и политологии Института философии и права Новосибирского государственного университета **Дмитрия Владимировича Березнякова** и канд. ист. наук, доцента, декана факультета политики и международных отношений Сибирского института управления – филиала РАНХиГС **Козлова Сергея Васильевича** (Новосибирск) были проанализированы особенности политики памяти, направленные на конструирование новой национальной идентичности постсоветской Украины. Отмечалось, что в основу данной политики положен легитимизирующий её нарратив, представляющий идеологический синтез неолиберализма, русофобии и радикального национализма.

Канд. полит. наук **Валерия Андреевна Франц** (УрФУ) проиллюстрировала, в каких формах используется потенциал «мягкой силы» в политике государств Центральной Азии, и пришла к выводу, что несмотря на активное применение инструментов «мягкой силы» со стороны Китая и Турции в отношении стран Центральной Азии, там превалирует Россия, которая использует традиционные связи с народами, населяющими эти страны, и связывает их через общую науку, образование и культуру.

В докладе канд. полит. наук **Анны Давидовны Трахтенберг**, д-ра полит. наук **Елены Григорьевны Дьяковой** (Институт философии и права УрО РАН) и канд. филос. наук **Елены Вячеславовны Олимпиевой** (УрФУ) «Установление повестки прошлого: деятельность Уральского филиала комиссии АН СССР по истории Великой Отечественной войны в 1942–1943 гг.» на основе архивных материалов, хранящихся в Государственном архиве общественных организаций Свердловской области, была проанализирована деятельность Уральского филиала Комиссии АН СССР по истории Великой Отечественной войны. Центральная комиссия была создана для работы по собиранию материалов по различным отраслям хозяйства, чтобы выявить взаимодействие фронта и тыла, осветить изменения, которые вызвала жизнь в строе хозяйства под влиянием войны. Уральский филиал был сформирован в июне 1942 года под председательством вице-президента АН СССР академика Волгина. В докладе показано, каким образом Комиссия пыталась осуществить институализацию памяти о войне, так, чтобы трагический опыт потерь и повседневный опыт тяжелого существования

превратились в героический опыт обретений. Комиссия стремилась добиться стандартизации форм сбора и хранения исторической информации, однако этому препятствовала множественность агентов, принимавших участие в ее работе. Только к концу 1943 года, благодаря активности партийных органов, удалось добиться унификации форм риторически-идеологического проектирования, обеспечивающего поддержание советской идентичности.

С интересом был прослушан доклад «Кладбища культуры и отдыха: мемориальная культура и политика памяти в парках Среднего Урала», сделанный кандидатами культурологии **Марией Владимировной Воробьевой** (Институт философии и права УрО РАН) и **Евгением Ильичом Рабиновичем** (УрФУ). Они выделили основные периоды парковой мемориальной скульптуры в уральских городах в контексте политики исторической памяти советского и постсоветского периодов. Ленинский план монументальной пропаганды сменил сталинский миф о войне, который получил широкое распространение в позднесоветский период, когда воинские монументы становились смысловыми центрами парков. В постсоветский период реанимируется миф о войне, но новые парковые скульптуры просто пристраиваются к существующим. Парки, таким образом, становятся местами не только рекреации, но и коммеморации, что, впрочем, защищает их от застройки.

Д-р ист. наук **Владислав Геннадьевич Кокоулин** (Новосибирск) на основе анализа содержания кинокартин, вышедших на экраны в годы Перестройки и в постсоветской России, охарактеризовал основные технологии трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне. Докладчик отметил, что в отличие от фальсификаторов истории, которые оперируют историческими фактами и их интерпретациями, политика исторической памяти оперирует мифами, символами, клише и идеологемами. В докладе были выделены следующие технологии трансформации исторической памяти: стирание исторической памяти, переписывание смысла, лишение исторических событий реального содержания, развенчание и дискредитация героев, «чёрный» миф, генерирование «фобий» по отношению к событиям прошлого и разрыв единого исторического пространства. В.Г. Кокоулин пришёл к выводу, что основным мифом, который лежит в основе трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне в годы Перестройки и в постсоветской России, стал миф о «страдающем советском народе», который заменил советский миф о «процветающем советском народе».

Работу третьей панельной дискуссии открыл доклад канд. ист. наук **Оксаны Владимировны Головашиной** (Тамбов) о репрезентации Великой Отечественной войны в сетевых сообществах. Докладчик остановилась на особенностях образа Великой Отечественной войны в интернет-сообществах «Бессмертный полк» и «Бессмертный полк России». Были проанализированы особенности сетевой коммуникации, которые определяют характер репрезентации Великой Отечественной войны. Это позволило сделать некоторые выводы о перспективах появления новых версий прошлого, способных конкурировать с государственной политикой памяти, а также о динамике коммуникативной и культурной памяти, возможностях «digital network memory» в России.

В убедительном выступлении канд. полит. наук **Ярослава Юрьевича Старцева** (Институт философии и права УрО РАН) были показаны возможности

использования методов дистрибутивной семантики для анализа ценностных установок авторов текстовых корпусов. В частности, продемонстрировано расхождение семантических маркеров и связанные с ним ценностные различия между публичным дискурсом Президента РФ, высказываниями пользователей социальных сетей и новостными сообщениями СМИ в 2013–2020 гг. Выявлено общее ценностное ядро для разных дискурсивных практик, сформированное преимущественно христианскими ценностями, с преобладающей ролью семантических маркеров, относящихся к описанию страдания.

В докладе **Яна Юрьевича Моисеенко** (Институт философии и права УрО РАН) феномен национальной памяти рассматривался как частный случай надъиндивидуальной памяти, в качестве точки отсчёта исследования использовалась метафизическая теория памяти. Для этого докладчик обратился к т. н. «социологии глубин» Жильбера Дюрана и её ключевому концепту – имажинеру (*l'imaginaire*). Имажинер может обогатить исследования в области политики памяти тем, что он рассматривает коллективное бессознательное как своего рода «резервуар» памяти, проливает свет на самую механику работы надъиндивидуальной памяти. Основные режимы экзистирования имажинера («диурн», «ноктюрн») позволяют вести дискурс-исследования политики национальной памяти с опорой на фигуры риторики.

Магистрант УрФУ **Тимерьяров Родион Алиулович** на примере кинофильмов «Мне 20 лет» (режиссёр Марлен Хуциев, 1965), «Москва слезам не верит» (режиссёр Владимир Меньшов, 1979) и др. проанализировал ряд бытовых сюжетов, входящих в структуру повседневности эпохи развитого социализма и являющихся составными компонентами механизма культурной памяти советского народа, действующими до сих пор.

В выступлении **Голоскокова Всеволода Анатольевича** (магистрант УрФУ) были проанализированы «победные» фразы-клише (всего 52 клише, взятых из социальной сети ВКонтакте), из которых 28 – клише-слоганы («Мой дед брал Берлин!», «Можем повторить!» и др.), 24 – клише-благодарности («Спасибо деду за победу!», «Спасибо Вам за чистое небо над головой!» и др.). Автор пришел к следующему выводу: «победные» клише играют достаточно важную роль в проводимой российским государством политике памяти. Именно они выступают ярким эмоциональным выразителем национального самосознания народов России.

Политолог **Фурсов Кирилл Константинович** (Новотроицк) посвятил свой доклад анализу дискурса вражды, характерного для ряда зарубежных и отечественных публикаций в СМИ. Всего было проанализировано 7 медиаисточников 2019–2020 гг., освещающих события Второй Мировой войны: EurAsia Daily; телеканал «Звезда» (Россия); iROZHLAS (Чехия); The Telegraph (Великобритания); Вести (Украина); Le Figaro (Франция); Nihon Keizai (Япония). Большинство рассмотренных медиатекстов касались российско-польских споров о причинах Второй мировой войны.

Заключение

В ходе дискуссий, развернувшихся вокруг докладов, прозвучали следующие вопросы и предложения: 1) о необходимости создания национальных

программ политики памяти для России и государств, расположенных на постсоветском пространстве, в которых следует научно обосновать и сформулировать базовые стратегические установки, парадигмальные основания и ценностные параметры коммеморативных практик; 2) важность разработки новых методологических подходов к изучению современных трансформаций в официальной политике памяти западных государств с целью проведения структурного анализа её акторов, институциональной инфраструктуры и особенностей дискурса; 3) придание особого внимания проблемам выработки новых инструментов и технологий для обеспечения идейно-информационного противостояния манипулятивным практикам, применяемым при продвижении враждебного для России дискурса политики памяти; 4) создание системы общественно-политической секьюритизации для защиты теоретических воззрений и научных практик российской исторической школы и культуры исторической памяти; 5) проведение дальнейшего изучения современных форм и видов символической политики, обобщение накопленного в России и за рубежом опыта организации публичных пространств, музейного дела, интерактивных выставочных центров, экскурсионно-туристических практик для совершенствования пропаганды и методов продвижения мировой культуры исторической памяти.

Участниками конференции было также принято решение продолжить публикацию докладов по ключевым проблемам политики памяти в последующих номерах научного журнала «Дискурс-Пи».

Список литературы

1. Гетман, М.А. (2019). Изменения в политике памяти Европейского Союза (1970–2009). *Вестник Томского государственного университета. История*, 60, 106–114.

2. Земцов, Б.Н. (2015). Затянувшаяся дискуссия о тоталитаризме. *Гуманитарный вестник Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*, 11(37). Взято с <https://cyberleninka.ru/article/n/zatyuanuvshayasya-diskussiya-o-totalitarizme/viewer>

3. Лунев, С.И. (1989). 70 лет истории и три этапа тоталитаризма в СССР. В А.А. Кара-Мурза (Ред.), *Тоталитаризм как исторический феномен* (с. 136–145). М.: Философское общество СССР, Всероссийская ассоциация молодых философов.

4. *Программа конференции «Политика национальной памяти: теория, практика, дискурс» 7 октября 2020 г.* (2020, 22 сентября). Взято с https://www.madipi.ru/texts/show/programma_konferencii_politika_nacionalnoj_pamyati_7_oktyabrya_2020_g

5. *Declaration of the European Parliament on the proclamation of 23 August as European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism.* (2008, 23 сентября). Взято 23 апреля 2020, с <https://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2008-0439+0+DOC+XML+V0//EN>

6. *European Parliament resolution of 2 April 2009 on European conscience and Totalitarianism.* (2009). Взято 23 апреля 2020, с https://wikivisually.com/wiki/European_Parliament_resolution_of_2_April_2009_on_European_conscience_and

totalitarianism

7. *European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819 (RSP))*. (2019, 19 сентября). Взято 23 апреля 2020, с https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html

References

1. Hetman, M.A. (2019). *Izmeneniya v politike pamyati Evropejskogo Soyuzha (1970–2009)*. [Changes in the memory policy of the European Union (1970–2009)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 60, 106–114.
 2. Lunev, S.I. (1989). 70 let istorii i tri etapa totalitarizma v SSSR [70 years of history and three stages of totalitarianism in the USSR]. In A.A. Kara-Murza (Ed.), *Totalitarizm kak istoricheskij fenomen* (pp. 136–145). M.: Filosofskoe obshchestvo SSSR, Vserossiyskaya associaciya molodyh filosofov.
 3. *Programma konferencii “Politika nacional’noj pamyati: teoriya, praktika, diskurs” 7 oktyabrya 2020 g.* [The program of the conference “Politics of national memory: theory, practice, discourse”]. (2020, September 22). Retrieved from https://www.madipi.ru/texts/show/programma_konferencii_politika_nacionalnoj_pamyati_7_oktyabrya_2020_g
 4. *Declaration of the European Parliament on the proclamation of 23 August as European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism*. (2008, September 23). Retrieved April 23, 2020, from <https://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2008-0439+0+DOC+XML+V0//EN>.
 5. *European Parliament resolution of 2 April 2009 on European conscience and Totalitarianism*. (2009). Retrieved April 23, 2020, from https://wikivisually.com/wiki/European_Parliament_resolution_of_2_April_2009_on_European_conscience_and_totalitarianism
 6. *European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819 (RSP))*. (2019, September 19). Retrieved April 23, 2020, from https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html
 7. Zemtsov, B.N. (2015). Zatyayuvshayasya diskussiya o totalitarizme [The long-running debate about totalitarianism]. *Gumanitarnyj vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta imeni N.E. Baumana*, 11(37).
-
-

Общие положения

1. Статья должна соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском или английском языках.
2. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.
3. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование.
4. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в Научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
5. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.
6. Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте: rusakova_mail@mail.ru. Пожалуйста, воспользуйтесь **шаблоном** при оформлении статьи, размещенном на сайте <http://madipi.ru>.

Требования к авторскому оригиналу

1. Формат файла – документ Microsoft Office Word 97–2010 (DOC или DOCX).
2. Размер страниц (ширина × высота) – 210 × 297 мм (формат А4).
3. Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
4. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия).
5. Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции).
6. Выравнивание текста – по ширине страницы.
7. Межстрочный интервал – одинарный.
8. Статья должна быть написана грамотным языком, стиль изложения – научный.
9. Название и текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов.
10. Рекомендуемый объем статьи – **30–35 тысяч знаков** без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисовочные подписи, сноски).
11. **Внутритекстовые ссылки** приводятся в круглых скобках с указанием фамилии автора, года издания и страницы – используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org/>).
Пример русскоязычной ссылки:

(Иванов, 2014, с. 51).

Пример англоязычной ссылки:

(Smith, 2018, p. 154).

Если в тексте упоминается фамилия автора, то в скобках она не указывается. Пример:

Иванов (2014) утверждает, что «цитируемый текст» (с. 51), что подтверждает наши выводы.

Если автора нет, в скобках указываются несколько слов заглавия. Пример:

(Результаты исследования, 2017, с. 65).

Если цитируется несколько работ автора, вышедших в одном и том же году, поместите буквы a, b, c... после года. Пример:

(Нye, 2011a, 2011b).

12. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант «». Тире обозначается символом «–» (среднее тире); дефис «-».
13. К статье необходимо приложить отдельным файлом **фотографию автора** хорошего качества. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Размер фото – не менее 600 пикселей по наименьшей стороне.
14. В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
15. Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением обозначений единиц величин (измерений) по ГОСТ 8.417-2002.
16. Каждая иллюстрация (рисунок, чертеж, график, диаграмма, схема) должна иметь порядковый номер в тексте статьи. Нумерация иллюстраций – сквозная. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисовочными подписями должен быть также предоставлен

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

в отдельном от статьи файле. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей стороне.

Компоновка статьи (в порядке следования)

1. **УДК** – выравнивание по левому краю страницы.
2. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов И.И.**).
3. **Название статьи** – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные. Если при написании статьи автору была оказана финансовая поддержка, это следует упомянуть в списке.
4. **Фамилия, имя, отчество** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов Иван Иванович**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
место работы,
ученая степень (при наличии), должность,
город, страна,
идентификационный номер ORCID (если имеется),
адрес электронной почты.
5. **Аннотация** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; объем аннотации – 240–280 слов. Желательно, чтобы в аннотации была отражена следующая информация: цель, методы исследования, результаты, научная новизна.
6. **Ключевые слова:** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; 5–10 слов.

Англоязычная часть статьи:

7. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov I.I.**).
8. **Название статьи** на английском языке – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные.
9. **Фамилия, имя, отчество** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov Ivan Ivanovich**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
место работы,
ученая степень (при наличии), должность,
город, страна,
идентификационный номер ORCID (если имеется),
адрес электронной почты.
10. **Abstract** (аннотация на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
11. **Keywords:** (ключевые слова на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
12. Основной текст статьи должен быть разбит на разделы. Желательно, чтобы в тексте статьи была отражена следующая информация:
Введение (Introduction) – описывается актуальность научной проблемы, степень исследованности в науке, цель статьи, методика и методология исследования, использованные источники.
Результаты исследования (Results) – основная часть статьи (полученные результаты и их интерпретация). Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. В этой части желательны подзаголовки.
Заключение (Conclusion) – подводятся итоги исследования, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, определяются основные направления дальнейшего исследования.
Список литературы (на русском языке) – формируется в алфавитном порядке. Сначала идут источники на русском языке, затем – на английском. Должен содержать не менее 10 источников. Необходимо минимизировать цитирование учебных пособий, справочников, диссертаций, текстов, размещенных на сайтах. На каждый источник, приведенный в списке литературы, должна быть сделана ссылка в тексте статьи. Если статья имеет DOI, его следует указать. Если упоминаются несколько статей одного автора или авторов, их нужно привести в хронологическом порядке от самой ранней до самой поздней даты. При оформлении используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org/>).
Варианты оформления:

Автор, А.А. (2018). *Название книги*. Издательство.

Автор, А.А. (2018). *Название статьи*. *Название журнала*, 22(3), 123–231. doi: xx.xxxxxxxx.

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Автор, А.А. (2018, 12 января). *Название документа* [Формат документа]. Взято с URL

Формат даты на русском языке: (год, день месяц). Формат даты на английском языке: (год, Месяц день). Если дату установить невозможно, в скобках указывается (без даты) или (n.d.) – для англоязычных источников.

Пример:

Author, A.A. (n.d.). *Title of document* [Format description]. Retrieved from URL

References (список литературы на английском языке) – формируется в алфавитном порядке. Англоязычные источники остаются без изменений. В русскоязычных источниках название книги, статьи, электронного источника приводятся в транслитерации, а также в квадратных скобках на английском языке. Название журнала пишется в транслитерации. Варианты оформления:

Author, A.A. (2018). *Nazvanie knigi* [Title of the book]. Moscow: Gnosis.

Author, A.A. (2018). *Nazvanie stat'i* [Article title]. *Nazvanie zhurnala*, 22(3), 123–231. doi: xx.xxxxxxxx

Author, A.A. (2018, January 12). *Nazvanie dokumenta* [Document's name]. Retrieved from URL

Примеры оформления списка литературы

Тип источника	В списке литературы
Книга, монография	Автор, А.А. (2018). <i>Название книги</i> . Место: Издательство. Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис. Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i> . New York, NY: Routledge.
Книга, монография (организация указана в качестве автора)	Название организации. (2003). <i>Название книги: подзаголовок</i> . Место: Издательство. Российская психологическая ассоциация. (2003). <i>Психология политики</i> . Москва: Свобода.
Книга, монография (без указания авторов)	<i>Название книги</i> (6-ое изд.). (2005). Место: Издательство. <i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Книга, монография (с указанием редактора)	Редактор, А.А., Редактор, Б.Б., Редактор, В.В. (Ред.). (2012). <i>Название книги: подзаголовок</i> . Место: Издательство. Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). <i>Soft power: теория, ресурсы, дискурс</i> . Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи». Editor, J.J., Editor, A.A., & Editor, P.P. (Eds.). (2012). <i>Book title: And subtitle</i> . Abingdon: Routledge.
Статья	Автор, А.А. (2015). Название статьи. <i>Название журнала, том(номер), страницы</i> . doi: xx.xxxxxxxx Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358 Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i> , 6(1), 106–138. doi: 10.1007/s11516-011-0124-4
Электронный ресурс (статья)	Караганов, С. (2017). О новом ядерном мире. Как укрепить сдерживание и сохранить мир. <i>Россия в глобальной политике</i> , 15(2), 8–19. Взято с https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Электронный ресурс (газета, журнал)	Автор, А. (2015, 12 января). Название статьи. <i>Название газеты, том(выпуск)</i> . Взято с URL Author, A. (2012, January 12). Title of article. <i>The Sunday Times</i> . Retrieved from http://www.sundaytimes.com
Электронный ресурс (веб-страница, есть автор)	Если страница имеет нетипичный формат (например, блог, очерк, видео, твит и т.п.), укажите его в квадратных скобках. Автор, А. (2018, 9 марта). <i>Название документа</i> [Формат документа]. Взято с URL Author, A. (2011, March 9). <i>Title of document</i> [Format description]. Retrieved from URL
Электронный ресурс (веб-страница, нет автора)	<i>Название веб-страницы</i> . (дата). Взято с URL <i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> . (2019, 12 июля). Взято с http://government.ru/news/37355/ <i>Oxford Electric Bell</i> . (n.d.). Retrieved from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell

Примеры оформления списка литературы на английском языке (References)

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Книга, монография (курсивом выделяется название книги)	Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис.	Sheigal, E.I. (2004). <i>Semiotika politicheskogo diskursa</i> [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
Статья (курсивом выделяется название журнала)	Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук, 18(1)</i> , 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358	Fishman, L.G. (2018). Nedovoobrazhennoe soobshchestvo [Under-imagined community]. <i>Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. ot-niya Ros. akad. nauk, 18(1)</i> , 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358
Электронный ресурс	Караганов, С. (2017). О новом ядерном мире. Как укрепить сдерживание и сохранить мир. <i>Россия в глобальной политике, 15(2)</i> , 8–19. Взято с https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644	Karaganov, S. (2017). O novom yadernom mire. Kak ukrepit' sderzhivanie i sohranit' mir [About New Nuclear World. How to Strengthen Deterrence and Keep the Peace]. <i>Rossiya v global'noj politike, 15(2)</i> , 8–19. Retrieved from https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644
	Пучков, П. (2017, 10 апреля). <i>Современные «революции» / Революция и современность</i> . Взято с http://gefter.ru/archive/21809#anchor1	Puchkov, P. (2017, April 10). <i>Sovremennyye «revolyutsii» / Revolyutsiya i Sovremennost'</i> [Modern «revolutions» / Revolution and Modernity]. Retrieved from http://gefter.ru/archive/21809#anchor1
	<i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> . (2019, 12 июля). Взято с http://government.ru/news/37355/	<i>Rabochaya poezdka Tat'yany Golikovej v Murmanskuyu oblast'</i> [Working visit of Tatiana Golikova to the Murmansk region]. (2019, July 12). Retrieved from http://government.ru/news/37355/

General provisions

1. The article should correspond to the subject of the journal: philosophy, political science. Manuscripts of only previously unpublished, original articles are accepted. Articles are provided in Russian or English.
2. In case of inconsistency with the subject and design requirements, the materials are not accepted for consideration, the corresponding notification is sent to the author.
3. Materials accepted for review undergo double-blind peer review.
4. By submitting the manuscript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the consent of the publisher in whole or in part in any other media prior to the publication in «Discourse-P» scientific journal.
5. Materials approved by the editorial board are published free of charge, royalties are not paid to the authors.
6. The article should be sent to the editorial office by e-mail: rusakova_mail@mail.ru. Please use the **template** when writing an article posted on the site <http://madipi.ru>.

Requirements for the author's manuscript

1. File format – Microsoft Office Word 97–2010 document (DOC or DOCX).
2. The size of the pages (width × height) is 210 × 297 mm (A4 format).
3. Margins of pages on all sides – 20 mm.
4. Font – Times New Roman, 14 size (including the title).
5. Red line indentation – 1.25 cm (must be set up using the appropriate computer program, without using spaces or tabs).
6. Alignment of the text – the width of the page.
7. Line spacing – single.
8. The article should be written in a competent language, the style of presentation – scientific.
9. The title and text of the article should be written in lowercase letters, without adding hyphenation.
10. The recommended volume of the article is **30–35 thousand characters**, excluding spaces (including tables, bibliography, figure captions, footnotes).
11. **In-text links** should be given in parentheses indicating the author's last name, year of publication and page – the APA style is used (<https://apastyle.apa.org/>).

Example: (Smith, 2018, p. 154).

If the name of the author is mentioned in the text, then it is not indicated in brackets.

Example: Ivanov (2014) claims to be a «quoted text» (p. 51), which confirms our findings.

If there is no author, a few heading words are indicated in brackets.

Example: (Results of a study, 2017, p. 65).

If you cite several works by the author that came out in the same year, put the letters a, b, c ... after the year.

Example: (Nye, 2011a, 2011b).

12. When using quotation marks in the text, the typographic version «» is used. A dash is indicated by the symbol «-» (middle dash); hyphen «-».
13. It is necessary to attach a good quality **photo of the author** in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Photo size – at least 600 pixels on the smallest side.
14. In the text, font selections should be done in light italics. Headings and subheadings should be in bold.
15. Numerical data should be tabulated. Each table should have a serial number and a name. The numbering of tables should be continuous. Abbreviations of words in the tables are not allowed, except the units of quantities (measurements) according to GOST 8.417-2002.
16. Each illustration (drawing, drawing, graph, diagram) should have a serial number in the text of the article. The numbering of illustrations should be continuous. An electronic version of each illustration with figure captions should also be provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.

Text layout (in sequence)

1. **UDC** – left alignment.
2. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Smith J.**).
3. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase. If financial support was provided to the author when writing an article, this should be mentioned in a footnote.
4. **Surname, name, patronymic** of the author – right alignment; bold font (example: **Smith Jonh**); the following are aligned to the right of the page:
*place of work,
academic degree (if any), post,
city, country,
ORCID (if any),
E-mail address.*
5. **Abstract** – width alignment; annotation volume – 240–280 words. It is desirable that the following information be reflected in the annotation: purpose, research methods, results, scientific novelty.
6. **Keywords:** – width alignment; 5–10 words.

Russian part of the article:

7. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Смит Дж.**).
8. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase.
9. **Surname, name, patronymic** of the author – right alignment; bold font (example: **Смит Джон**); the following are aligned to the right of the page:
*place of work,
academic degree (if any), post,
city, country,
ORCID (if any),
E-mail address.*
10. **Abstract** (abstract in Russian) – width alignment.
11. **Keywords:** (keywords in Russian) – width alignment.

The main text of the article (in English):

12. The main text of the article should be divided into sections. It is desirable that the following information be reflected in the text of the article:
Introduction – describes the relevance of a scientific problem, the degree of research in science, the purpose of the article, the research technique and methodology, and the sources used.
Results – the main part of the article (the obtained results and their interpretation). It is desirable to compare the results presented in the article with previous works in this field, which were undertaken both by the author and other researchers. Subheadings are desirable in this section.
Conclusion – the results of the study are summarized, conclusions, generalizations and recommendations arising from the work are drawn, the main directions of further research are determined.
References – is formed in alphabetical order. First come the sources in Russian, then in English. Must contain at least 10 sources. It is necessary to minimize the citation of textbooks, reference books, dissertations, texts posted on websites. Each listed source should be referenced in the text of the article. If the article has a DOI, it should be indicated. If several articles of the same author or authors are mentioned, they should be listed in chronological order from the earliest to the latest date. The design uses the APA style: <https://apastyle.apa.org/>.
Design Options:

Author A.A. (2018). *Title of the book*. Publisher.

Posted by A.A. (2018, May). Article title. *Journal title*, 22(3), 123–231. doi: xx.xxxxxxxx

Author, A.A. (2018, January 12). *Title of document* [Format description]. Retrieved from URL

Date format (year, month day). If the date cannot be set, in brackets is indicated (without date) or (n.d.).

Example: Author, A.A. (n.d.). *Title of document* [Format description]. Retrieved from URL

Examples of references

Source type	Reference
Book, monograph	<p>Author, A.A. (2018). <i>Book title</i>. Location: Publisher.</p> <p>Sheigal, E.I. (2004). <i>The semiotics of political discourse</i>. M.: Gnosis.</p> <p>Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i>. New York, NY: Routledge.</p>
Book, monograph (organization indicated in as an author)	<p>Name of the organization. (2003). <i>Book title: subtitle</i>. Location: Publisher.</p> <p>Russian Psychological Association. (2003). <i>The psychology of politics</i>. Moscow: Freedom.</p>
Book, monograph (without authors)	<p><i>Book Title</i> (6th ed.). (2005). Location: Publisher.</p> <p><i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.</p>
Book, monograph (with the indication of the editor)	<p>Editor, A.A., Editor, B.B., & Editor, C.C. (Eds.). (2012). <i>Book title: subtitle</i>. Location: Publisher.</p> <p>Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: theory, resources, discourse</i>. Ekaterinburg: Publ. House «Discourse-P».</p>
Article	<p>Author, A.A. (2015). Article title. <i>Journal name, volume(issue number)</i>, page(s). doi: xx.xxxxxxxx</p> <p>Fishman, L.G. (2018). Undereducated community. <i>Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law Ural. branches of the Russian Academy of Sciences</i>, 18(1), 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358</p> <p>Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i>, 6(1), 106–138. doi: 10.1007/s11516-011-0124-4</p>
Electronic resource (article)	<p>Karaganov, S. (2017). About the new nuclear world. How to strengthen containment and maintain peace. <i>Russia in global politics</i>, 15(2), 8–19. Retrieved from https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-1864</p>
Electronic resource (newspaper, magazine)	<p>Author, A. (2015, January 12). Article title. <i>Newspaper name, volume(issue number)</i>. Retrieved from URL</p> <p>Author, A. (2012, January 12). Title of article. <i>The Sunday Times</i>. Retrieved from http://www.sundaytimes.com</p>
Electronic resource (web page, author presents)	<p>If the page has an atypical format (for example, a blog, essay, video, tweet, etc.), indicate it in square brackets.</p> <p>Author, A. (2011, March 9). <i>Document name</i> [Format description]. Retrieved from URL</p>
Electronic resource (web page, no author)	<p><i>Webpage name</i>. (date). Retrieved from URL</p> <p><i>Oxford Electric Bell</i>. (n.d.). Retrieved from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell</p>